

The book cover features a central illustration of a man and a woman in a city setting. The man, on the left, is dressed in a dark, high-collared uniform and holds a glowing orange and yellow orb in his hands. The woman, on the right, wears a long, flowing blue dress with gold buttons and holds a glowing blue hexagonal orb with intricate patterns. In the background, a man in a blue suit walks down a city street. The scene is framed by a decorative, ornate border on the left side. Below the illustration, the author's name and the title are written in stylized fonts, followed by the genre information.

Наталья Бульба

Целительница.
Первое испытание

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

The bottom section of the cover shows an aerial view of a city. A white helicopter with a red cross on its side is flying over the city. In the foreground, a large, glowing purple and blue dome is visible, with a bright lightning bolt striking it. The city below is filled with buildings and greenery.

Annotation

Жизнь – дама коварная. Стоит расслабиться, как мир тут же перевернется с ног на голову.

Именно это и произошло с Александрой. Но, казалось бы, при чем здесь она, пусть и талантливая, но всего лишь целительница?

И ведь ни при чем, если не принимать во внимание еще один ее талант – оказываться не в то время и не в том месте.

Или все-таки наоборот? В то время и в том самом, нужном месте!

- [Наталья Бульба](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
-

Наталья Бульба

Целительница. Первое испытание

Глава 1

Машина стояла во дворе.

Нет, не так!

Моя! Новая! Машинка! Стояла! Во дворе!

– Ключи, документы, – передал мне Данила Евгеньевич свидетельства собственности на джипик.

Маленьким. Отполированным до блеска. Черненьким чудом с огромным розовым бантом, привязанным к водительской двери.

– Круто! – восхищенно протянула, пристроившись рядом со мной, Юля. – Дашь покататься?

– Юля! – одернул ее Данила Евгеньевич.

Я только засмеялась. И ведь знала, что меня ждет подарок, но забыла. Как-то все вылетело из головы.

Последняя неделя выдалась беспокойной. Но это если не сравнивать ее с той, что была до нее.

А так...

В мою курточку, в которой ходила в ночной клуб, была вшита камера. Запись велась с момента, как я вышла из дома в тот злополучный вечер, и до самого приезда следователя, когда Андрей ее отключил.

Мне и так ничего особо не грозило – операция проводилась стрелковым клубом совместно с полицией и была одобрена Трубецким-старшим, запись же сняла даже малейший намек на обвинения.

А они могли быть. Внучка князя Ушакова! Андрей проговорился, в какой тот находился в ярости, когда узнал, что именно инкриминируют Антонине. Употребление магических наркотиков, серия убийств...

На записи моего лица не было. Допрашивали в стрелковом клубе, чтобы исключить малейшую возможность утечки информации. В материалах дела фигурировали лишь мои инициалы.

Единственные из тех, кто мог «сдать», – Антонина и парень, ставший ее сообщником.

Но ни она, ни он ничего сказать не могли. Распад личности. По словам Людмилы Викторовны, счет в их случае и так шел на дни, а ранение и факт задержания послужили толчком для схода лавины, окончательно убив тех, кем они были.

Ну а Светлана...

Невольная жертва, невольная соучастница, обеспечивавшая не только контакт с девушками, но и алиби. Она и так была не в себе, что я заметила еще в больнице, а после откровений, как именно ее использовала Антонина, полностью перестала осознавать реальность.

Страшная история.

История, которой могло не быть, если бы...

Наркотик, который принимали Антонина и ее парень, разрабатывался в фармкомпании, принадлежавшей Ушаковым.

Естественно, не как наркотик, а как препарат, улучшающий когнитивные функции у пожилых людей. Когда стало понятно, какими могут быть побочные эффекты, проект закрыли, а все наработанное – утилизировали.

Как оказалось, не все.

Об этом рассказал Трубецкой-старший. Естественно, лишь после того, как устроил нам всем головомойку.

Как он кричал!

Было страшно. Он хоть и крепок телом, но столь сильное волнение не очень полезно для мужского организма, о чем я ему и поведала.

Лучше бы молчала.

Второй его заход выглядел еще более драматично. Для нас.

Оставшиеся до начала учебы дни я проводила либо в стрелковом клубе – как выразился Андрей, восстанавливала форму, либо вместе с Данилой Евгеньевичем и Людмилой Викторовной в академии. Юля тоже занималась повышением своей квалификации – писала цикл статей о простых людях.

Моя идея, но я даже не думала, что Юля ею воодушевится. И если первая заметка явно была написана из-под палки – не чувствовалось в ней души, то следующая уже воспринималась иначе. Искренне.

Парням тоже досталось. И первое, что до них попытались донести, была мысль об ответственности. Не за самих себя, за нас с Юлей.

Если не принимать во внимание тот факт, что мы тоже вроде как не кисейные барышни, то такой подход лично мне импонировал.

Игоря, Антоху и Трубецкого-младшего я постоянно видела в стрелковом клубе. Но не на стрельбище, а на полосе препятствий. Тоже... восстанавливали форму.

А вот Илья пропал. Не в прямом смысле, конечно, просто выпал из нашей компании.

Не знаю, как остальные, но я об этом не жалела. Неприятный осадок остался от родственников отца. Если бы не княгиня... Князь на роль любящего дедушки точно не подходил.

Встречаться нам с ребятами не запрещали. В свободное от остальных забот время, не позднее девяти часов вечера и только под присмотром охраны.

Андрей назвал подобные меры расплатой за неспортивное поведение. И не важно, что это самое неспортивное поведение он мог пресечь еще в самом начале.

В этом был весь Андрей. Он всегда говорил, что люди учатся только на своих ошибках. А то, что подстраховывал...

Он – мой крестный. Кому, как не ему, заботиться о своей крестнице?!

– Ты во сколько сегодня заканчиваешь? – вернула меня в реальность Юля.

Прежде чем ответить, вспомнила расписание. Первой стояла приветственная речь ректора первокурсникам. Затем – вводная лекция. Потом – экскурсия по академии.

За эти полмесяца академию я узнала не хуже, чем флигель, в котором жила, но откалываться от коллектива не собиралась. И так освобождена от части практических занятий, зачет по которым сдала, работая в больнице санитаркой и медсестрой.

– Думаю, в двенадцать, – прикинула я расклад по времени.

– Тогда предлагаю потом пересечься и посидеть с парнями. А то у них с завтрашнего дня казарма. Видеться будем только по выходным.

– Согласна, – кивнула я, мельком посмотрев на Данилу Евгеньевича, который разговаривал с вышедшей на крыльцо Людмилой Викторовной.

К Тамаре Львовне он сегодня собрался ехать без меня. Тоже, похоже, давал возможность провести последний более или менее

свободный день с друзьями.

– Тогда сбросишь сообщение? – улыбнулась я ей и, помахав рукой чете Соколовых, направилась к машине.

Сняв бант, открыла свое чудо. Бросив украшение на пассажирское кресло, устроилась на водительском.

Документы в бардачок, вдавить кнопку START, руки на руль...

На курсе восемьдесят три человека. Двоих дополнительно взяла в свою группу Людмила Викторовна. Одного – тот самый Березин, который с таким энтузиазмом пытался завалить меня на экзаменах.

В академии наставники едва ли не индивидуально работали с каждым студентом. Дар хоть и назывался одинаково – целительским, но у каждого свои нюансы. Кому-то хорошо удавалась диагностика, кто-то прекрасно справлялся там, где нужна была нейтрализация. А были и универсалы. Вот с ними проблем больше всего. Требовали особого внимания.

В группе Людмилы Викторовны, куда попала и я, таких большинство. Но, как она говорила, оно того стоило. Самая востребованная категория целителей.

Подъехала я к академии за двадцать минут до начала занятий. Выбрала место на стоянке и...

За рулем человек меняется – доказанный факт. Вот лично во мне тут же просыпается кровожадность. Выйти и набить некоторым особо ретивым морду. И не важно, что я – девушка. Девушки, если их учить, тоже способны надавать по физиономии.

Пристроила свой джип через две машины от опередившего меня наглеца. Прихватив рюкзачок – сегодня было можно, вышла из салона.

Погода выдалась как на заказ. Тепло, ярко светит солнышко. И ни облачка.

Точно погодники постарались. Хоть и запрещено без особых на то причин, но сегодня такой причиной стал общий праздник.

Закинув рюкзачок на плечо, поставила машину на сигнализацию. Шагнула на тротуар.

У спорткара, занявшего приглянувшееся мне место, стояли двое парней. Точно не первокурсники, но в форменной одежде нашего факультета. Темно-синий костюм-тройка.

Мое появление они не пропустили. Буквально вцепились взглядом, словно поймали в аркан.

Когда подошла ближе – выход со стоянки находился в той стороне, один криво усмехнулся, но сдвинулся, пропуская.

– Тачка – крутая, а сама...

Фразы он не закончил. Совсем рядом взвизгнули шины... Я оглянулась, тут же улыбнувшись.

Ну вот не может Антоха по-другому. Везде ему нужно устроить показуху.

Впрочем, с таким спортивным кабриолетом, как у него, можно. Что машина, что водитель – оба хороши. А с учетом курсантской формы гвардейского имени его императорского величества общевоинского училища так вообще неотразимы.

– Саш!

Кричал не Антон – Игорь, сидевший справа от Мещерского. Толкнув дверь, выскочил, неся впереди себя огромный букет ярких гербер. Подойдя, сунул цветы мне в руки, щелкнул каблуками и исчез. Вместе с Тохой и его машиной.

Вот это я понимаю! Тщательно спланированная операция.

Поймав себя на том, что по-прежнему улыбаюсь, посмотрела на наблюдавших за всем происходящим парней.

Показав язык – выглядели парни обескураженными, прижала букет к груди и направилась к академии.

Будем считать, что день задался. А что будет дальше...

Загадывать не стоило. Стоило просто жить!

А цветы... Цветы я отдам Людмиле Викторовне. Они, конечно, красивые, но я любила другие.

* * *

В нашей группе двадцать два человека. Парней шестнадцать, но у большинства дар средний или даже немного ниже. Этому есть объяснение. Тем, кто посильнее, прямая дорога в полковые целители. Там и статус другой, и возможности. Империя благосклонна к погонам.

А еще среди них был Иван Струпынин, двоюродный брат Антона. Как говорится, неожиданная встреча.

Девушек – шесть. С тремя из них мы вместе сдавали экзамены на первом потоке. Подружиться – не подружились, но хотя бы знали друг друга по именам. Есть на что опереться.

– ...Теперь о практических занятиях.

Приветственная речь ректора была короткой. Несколько слов об истории академии. О том, что отныне уже нам предстояло продолжать летопись славных дел ее студентов и выпускников. О мастерстве преподавателей и наставников. Ну и о базе, на которой предстояло оттачивать свой дар.

Академия готовила специалистов по четырем направлениям: целительское, прикладное, бытовое и теоретическое.

И если с первыми тремя все понятно: целители лечили, прикладники выпускались как маги-инженеры в разных областях, бытовики работали со всем, что облегчало повседневную жизнь, – то с теоретиками ситуация выглядела значительно интереснее.

Именно они двигали вперед магическую науку. Изучая ее законы, открывали новые области применения и описывали основы, позволявшие создавать более эффективные магемы.

Звучало, конечно, красиво, но по факту многие из выпускников этого факультета затем преподавали в лицеях или других учебных заведениях, где проходила начальная подготовка одаренных.

В академии в этом году таких было сто сорок человек. И практически все – парни.

Как сказала одна из моих новых знакомых, Аня Филоненко, кто не хочет работать руками – идет думать головой.

Так это или не так...

Наш преподаватель в лицее был умельцем на все руки. Пусть и имел слабенький дар.

– Расписание все видели. С завтрашнего дня у вас начинается блок подготовки младшего медицинского персонала. Проще сказать, санитар.

– А зачем это нам? – приподняв руку, поинтересовался один из парней, сидевший рядом со Струпыниным.

– Представьтесь, пожалуйста, – без малейшего намека на неудовольствие попросила Людмила Викторовна. – Чтобы все знали

наших героев.

– Виктор Бабичев к вашим услугам, – поднявшись, склонил он голову.

– Внучок князя Бабичева, – чуть слышно прошептала Аня. – Тот еще тип.

Я кивнула, давая понять, что приняла к сведению. А сама попыталась вспомнить – откуда знакома фамилия? И ведь слышала, но, скорее всего, это случилось достаточно давно, чтобы благополучно забыть. Да и контекст... Когда разговор важный, каждое слово впечатывается в память.

– Что ж, господин Бабичев, объясняю. – Выйдя из-за кафедры, Людмила Викторовна направилась к окну. Подошла. Остановившись, посмотрела вниз.

Аудитория находилась на втором этаже. Там же, где и кафедра практического целительства.

Не знаю, как выглядят учебные помещения в университете, но в академии все оказалось по высшему уровню. Красиво, чисто и удобно.

– Так вот, – развернувшись, продолжила она с той же улыбкой, – хоть вы в детстве и освоили в совершенстве горшок, вряд ли данный навык поможет справиться с уткой, судном или мочеприемником. А без этого, – она развела руками, – в целительстве никуда. Представьте себе богатого, но абсолютно беспомощного пациента, к которому в связи с его пограничным состоянием нельзя подпустить даже опытную сиделку. Вот и пригодятся навыки санитаря. Захочет ваш пациент помочиться, а вы тут как тут.

Кто засмеялся первым, я не заметила, но спустя несколько секунд хохотали все. Включая Бабичева. Сноб не сноб, но на шутки он не обижался.

– А так как этому мифическому пациенту, скорее всего, потребуется не только утка, но и капельница, – дождавшись, когда мы успокоимся, продолжила Людмила Викторовна, – освоив навыки младшего медицинского персонала, вы перейдете к следующему этапу собственной эволюции – обучению на квалификацию медицинской сестры.

– Или брата, – вновь подал голос Бабичев.

– И брата – тоже, – прежде чем вернуться к кафедре, благожелательно кивнула Людмила Викторовна. – От практических

занятий по дисциплинам освобождены: Иван Струпынин, Анна Филоненко и Александра Салтыкова.

– А это еще почему? – подал голос другой парень.

Кому-то больше всех надо?!

– Потому что эти трое прислушались к рекомендациям для поступающих на целительский факультет нашей академии и отработали положенные часы до начала учебного года. О чем у них имеются соответствующие документы, подписанные руководителями тех медицинских учреждений, где они проходили подготовку.

– А что они будут делать, пока мы будем осваивать утку, судно и мочеприемник? – не сдался Бабичев.

– А они в это время, – продолжая сохранять удивительную невозмутимость, посмотрела на Бабичева Людмила Викторовна, – будут заниматься на кафедре медицины катастроф.

– Так это же третий курс? – Виктор явно не собирался отступать.

– А вам завидно? – чуть склонила голову к плечу Людмила Викторовна.

Выглядела она сегодня великолепно. Не зря профессор хмурился, глядя ей вслед. Догадывался, что не одно мужское сердце при виде ее забьется сильнее.

– Есть немного, – с некоторым вызовом сознался тот. – Я, может, тоже хочу.

– Для вас – по субботам, с девяти до пятнадцати, – кивнула Людмила Викторовна. – Аудитория триста один в нашем корпусе.

Мы с Анной понимающе переглянулись. Это же надо было так ловко поймать в изящно расставленные сети. Вариантов отказаться у Бабичева не было – до потери репутации недотягивало, но все равно пятно. А за ним подтянутся и другие. Потому как не просто факультатив, а с третьим курсом.

А это уже серьезно. По-взрослому.

– Раз возражений нет, невыясненным остался последний момент, – сменила тему Людмила Викторовна. – Кто из вас был в морге?

Первой руку подняла Анна. Затем Иван. Потом я. Затем еще четверо. И среди них Бабичев.

– Прекрасно! – Людмила Викторовна сделала пометки в журнале. – Будете старшими в тройках. И если ко мне вопросов нет...

Вопросов не было. Были эмоции. И даже больше, чем хотелось.

– Эй, подожди! – ухватили меня за плечо, когда я была на полпути к стоянке.

– Руки убрал! – огрызнулась я, остановившись.

Пусть скажет спасибо, что узнала по голосу, а то не обошлось бы без отработки приемов освобождения от захватов, которым учили Андрей с Ревазом.

– Убрал, убрал! – не стал нарываться Бабичев, опуская руку. Обойдя, встал напротив, преграждая путь. – Ты из каких Салтыковых?

– А что, в вашем роду этикету не обучают? – неприязненно посмотрела я на Виктора.

Там, в аудитории, он вел себя хоть и несколько вызывающе, но все-таки в рамках приличий. Сейчас же его поведение граничило с оскорблением.

– Да ладно, – вроде как улыбнулся он. – Ты же из провинции?

– Это позволяет тебе вести себя по-хамски? – уточнила я, заметив появление у выхода пары знакомых лиц.

– Слушай, детка... – подался ко мне Бабичев.

– Какие люди!.. – насмешливо протянул подошедший вместе с Игорем Трубецкой.

Бабичев оглянулся.

– Саш, – предложил мне руку Игорь, – тут без тебя разберутся.

Я кивнула, ухватила за подставленный локоть. Конечно, и сама могла за себя постоять, но знать, что есть кому тебя защитить, для девушки очень приятно.

– Как вы оказались здесь так вовремя? – уже выйдя на стоянку, спросила я у Игоря.

Очень хотелось оглянуться, но я сдержала порыв. Для драки не подойдет – не тот повод, а уж в умении убеждать словесно Трубецкой-младший был неподражаем.

– Иван Тохе прислал сообщение, что этот тип на тебя глаз положил. Как только нас распустили, рванули сюда.

– Беспокоились? – остановилась я у своей машинки.

Та, на которой приехали парни, стояла у самого выхода.

– За Виктора, – ухмыльнулся Игорь. – А то пришлось бы потом труп прятать.

Сказано было настолько серьезным тоном, что я сначала даже опешила. Неужели они обо мне столь плохого мнения? Затем вспомнила о проснувшейся утром собственной кровожадности и была вынуждена признать: трупы не трупы, но мало ли чем все могло закончиться.

И только потом поняла, что это – шутка.

Мы рассмеялись. И не важно, что повод вроде как был разным.

* * *

В кафе мы приехали первыми. Устроились за столиком у окна. Пока ждали остальных, заказали по безалкогольному коктейлю.

Я бы предпочла что-нибудь посущественнее, но отрываться от коллектива не хотелось.

В отличие от меня коллектив был в ударе. Пообщаться на тему кто и насколько изменился за время отпуска они, похоже, не успели и теперь развлекали меня рассказами о сокурсниках.

Если бы не солдафонский юмор...

Благодаря Андрею и Ревазу я была знакома с этой частью армейских будней, так что понимала, где и над чем смеяться.

И все было бы просто замечательно, не испортить все сама.

– Саш, – перебила я Трубецкого-младшего, который собирался поведать нам очередную байку, – а что это было там, у академии?

Он как-то резко замкнулся. Бросил взгляд исподлобья на явно подбравшегося Игоря.

Реакция была странной. Более того, для меня она оказалась совершенно неожиданной. Я-то рассчитывала на то, что сведут все к шутке, намекая на их мужские игры, а тут...

– Уверена, что хочешь знать? – после недолгого, но многозначительного молчания мрачно поинтересовался тезка.

Вопрос был из тех, на которые ловятся, как на крючок. Я исключением не стала.

– Да, уверена, – солгав, твердо произнесла я.

Вступления оказалось достаточно, чтобы включился инстинкт самосохранения, намекавший, что многие знания – многие печали. Вот только отступать было поздно. Сказав «а»...

Прежде чем заговорить вновь, тезка расстегнул пуговицу на воротнике-стойке парадного кителя, потянув за цепочку, вытащил наружу похожий на часы амулет. Только вместо стрелки был черный овальный камень.

Повернув этот самый камень, Трубецкой-младший «выставил» его на шесть часов. И лишь после этого вновь посмотрел на меня.

Защита от подслушивания!

У отца был такой амулет. Техническими средствами не пробить. Да и магией ключик подобрать непросто.

– После той истории отец для вразумления показал мне одну бумагу, – сложив руки на груди, неохотно принялся объяснять тезка.

Начало было не очень приятным. Та история, когда я осталась один на один с двумя слетевшими с катушек наркоманами. Антонина Ушакова и ее парень. Вседозволенность и избалованность с одной стороны. Извращенная любовь – с другой.

Сочетание получилось страшным, отметившись кровавым следом.

– Какую бумагу? – отставила я практически еще полный бокал. Машинально пододвинулась.

Особой нужды не было – амулет надежно прикрывал от подслушивания, но когда речь заходит о тайнах... В таких случаях хочется быть как можно ближе.

– Свидетельство о временном попечительстве над девицей дворянского происхождения, именуемой Салтыковой Александрой Игнатьевной, – не отводя взгляда, четко, по слогам произнес он. – И не просто свидетельство, а еще и с резолюцией его императорского величества, что делает эту бумагу особо весомой.

Я отшатнулась, когда он еще только начал говорить. Схватила за стакан с коктейлем, тут же вновь поставив его на место. Потянулась за салфеткой...

Игорь перехватил руку. Бережно сжал ладонь...

Я оценила его желание поддержать, но вместо слов благодарности за чуткость в голове набатом билось: «Отец! Отец. Отец...»

Нет, с ним все было в порядке, я чувствовала. Но это сейчас. А вот что будет потом?!

– Саш, – взгляд тезки несколько смягчился, – такое попечительство оформляется, когда родители несовершеннолетнего

служат в определенных структурах и выполняют особое задание. И твое настоящее имя не важно...

– Меня зовут Александра, – перебила я его. Закрыла глаза, чувствуя, как близко подступила паника.

Сейчас бы побыть одной. Привести мысли в порядок...

– Ты ведь так и не осознала, что это значит, – «встряхнул» меня Трубецкой.

Открыв глаза, посмотрела на тезку, давая понять, что готова к продолжению откровений.

На самом деле все было не так – внутри то ли кипело, то ли сжималось в пружину, то ли пробивало холодом.

Да и как к такому подготовишься?!

– Пока тебе не исполнится двадцать один год...

– Восемнадцать, – поправила я, намекая, что с возрастом совершеннолетия он ошибся.

Трубецкой качнул головой:

– В свидетельстве возраст оговорен – двадцать один год. До этого момента за все, что происходит с тобой, отвечает отец. И я, как его наследник.

Судя по взгляду, он рассчитывал на негативную реакцию.

Что ж, она была. Только показывать ее я не собиралась.

Увы! Внутренних сил, чтобы сдержаться, мне не хватило.

– Так ты поэтому примчался?! – поднимаясь, скривилась я. – Опасался, что свяжусь с Бабичевым. Не хотел подвести...

– Саш, – мгновенно остудив меня, грустно улыбнулся Трубецкой, – не говори ерунды. Хотя... – Он вновь бросил взгляд на Игоря и, когда тот кивнул, продолжил: – А вот что касается Бабичева, то ты права и не права. Ты ведь в курсе, что именно Бабичевых подозревают в похищении дочери изгнанного из рода Воронцовых Воронина?

– Кого? – от неожиданности отшатнулась я. Да так резко, что Игорь даже отпустил мою ладонь.

О том, что меня потребовалось срочно воскресить, Андрей сказал. Но как-то вскользь и сопровождая фразой, начисто отбивавшей желание узнать подробности.

Так надо...

Мужчинам – их игры. Женщинам – ждать и верить, что те знают, что делают.

– Ты что, новости не смотрела? – удивился он. Потом, вспомнив, как меня нагужали последнюю неделю, понимающе кивнул. – Информацию раскопал журналист из одной желтой газетенки, но отец, когда я спросил, подтвердил – основания для подобной версии у следствия имеются.

– А причина? – как-то даже успокоилась я.

Андрею, явно прокручивавшему за моей спиной свои дела, я не только верила, но и доверяла.

А то, что эти самые дела касались меня лично...

Не самое приятное ощущение, но у Андрея должны были быть веские основания для таких сложностей.

– Вроде как князь Воронцов, вопреки отсутствию прав на нее, сосватал непризнанную внучку за второго из сыновей князя Бабичева. Как раз отца того самого Виктора, с которым ты схлестнулась.

– За кого?! – не пропустив и всего остального, «возмутилась» я возрастом своего мифического жениха.

Если Виктору семнадцать, то папеньке...

Минимум ровесник моего отца.

– Вот и я о том же, – отнюдь не весело подтвердил оставшееся несказанным Трубецкой. – А если учесть еще и слухи, касающиеся гибели матери Виктора, то все становится совсем интересно.

– А что за слухи? – тут же вцепилась я.

Своя судьба меня, конечно, тоже интересовала, но кто пройдет мимо чужих тайн? И хотя я не считала себя слишком уж любопытной...

В моем положении информация не могла быть лишней. Уж если Андрей, зная о попечительстве Трубецкого, организовал запасное жилье и другие документы, значит, до конца не верил в то, что князь способен меня защитить.

Тетка только качнул головой:

– Там все настолько мутно, что конкретно никто ничего не знает. Но погибла она, когда Виктору было уже девять. То ли была измена, то ли ее не было. То ли отец Виктора сам убил жену, то ли нашел ее мертвой, то ли она покончила с собой... Короче, тайна, покрытая мраком.

– Что не мешает ей время от времени пованивать, – добавил Игорь, кивнув на окно.

В отличие от Трубецкого, чтобы увидеть подъезжавшую к кафе машину Тохи, оборачиваться мне не пришлось.

– А вот и наши голубки пожаловали, – прокомментировал их появление тезка.

Я закатила глаза – ну зачем так откровенно, но мысленно была вынуждена согласиться. Отношения Антона и Юли все больше выходили за рамки дружеских.

И если, с одной стороны, это было здорово – нам только и оставалось, что радоваться за друзей, то с другой...

То, что будущего у них нет, понятно. И не только мне или тезке с Игорем. Думаю, что и сами Антон с Юлей это прекрасно осознавали.

Но тогда возникает вопрос: зачем все это?! Потрепать себе нервы?

Я опасалась другого. Того, что пережили отец с мамой, пойдя против воли родителей.

– Кстати, а профессор о попечительстве знает? – отвлекла я Трубецкого от наблюдения за Тохой, который как раз помогал Юле выйти из машины.

И ведь ни малейшей фальшивой ноты, чтобы заподозрить в игре на публику. Оба были искренни. И оба наслаждались тем, что с ними происходило.

– Скорее нет, чем да, – развернулся к нам с Игорем тезка. Вернув камень амулета на три сорок пять, убрал его под одежду. Застегнул воротник кителя. – В субботу в «Медузе» вечеринка молодых дворян.

– Лично я идти не намерен, – поморщился Игорь. – Хватит с меня череды обязательных осенних балов.

– А меня никто не приглашал, – продемонстрировала я беззаботность.

– Это не проблема, – вроде как ухватился за мысль Трубецкой, но, увидев, с каким выражением лица я посмотрела на него, тут же поднял руки, сдаваясь. – Понял, даже не предлагаю.

– Это вы о чем? – услышав конец фразы, остановилась у стола подошедшая Юля.

– О вечеринке в субботу, – тут же поддержал разговор Игорь.

– А... – протянула Юля, присаживаясь на отодвинутый для нее Антоном стул. – Мы не идем.

– Мы – это кто? – явно уловив в сказанном намек, поинтересовался Игорь.

– Мы все, – невинно улыбнулась Юля и подмигнула мне. – Мещерские приглашают нас на выходные в свое загородное имение. Мы уже согласились. За всех, – добавила она с улыбкой.

– Ну если за всех... – хмыкнул Трубецкой-младший. – Так отцу и скажу: Юля распорядилась.

– Да ладно тебе! – отмахнулась она.

А я в душе порадовалась.

В тот вечер, когда ловили маньячек, не зная, что одним из этой пары окажется парень, Андрей перехватил Сашку, Антона, Игоря, Илью и Юлю, заставив покинуть ночной клуб.

Что чувствовали ребята, оставив меня одну, я даже не пыталась представить. Лишь догадывалась, что легкими те минуты, когда все висело на волоске, для них не стали.

И ведь не их вина. Да и предательством произошедшее назвать невозможно, но... Несколько дней общались едва ли не через силу, словно тот вечер продолжал стоять между нами.

И вот наконец все изменилось. Не стало как прежде. Стало по-другому. Еще крепче и надежнее.

И хотя я знала, что вряд ли это продлится долго, но...

Иметь друзей – здорово.

Иметь таких друзей – счастье!

* * *

– Не стой истуканом, – кивнул Трубецкой на стул у приставного столика.

Всем был хорош его помощник, но иногда включал режим подобострастия. И вот тогда князю, предпочитавшему в работе краткость и четкость, приходилось туго.

Он даже пытался пару раз поговорить с Маратом, но некоторых легче пристрелить, чем убедить. И ведь во всем остальном вполне адекватен – попробовал бы быть таким упертым в том, что касалось службы, но вот во взаимоотношениях его иногда замыкало.

– Узнать о содержании разговора вашего сына и его друзей, который состоялся в кафе, обычными способами не удалось. Александр Трофимович использовал амулет полной защиты.

– Даже так... – сложив руки на груди, откинувшись назад Трубецкой-старший. – И кого прикажете благодарить за появление у ребенка новой игрушки?

Физиономия Марата осталась каменной. Впрочем, князь не пропустил, как в глазах плеснуло весельем. Но это – все. Все, что тот себе позволил.

– Разрешите высказать версию? – вытянувшись сидя на стуле, уточнил Марат.

– Высказывай, – не моргнув глазом Трубецкой.

– Вряд ли это Андрей Аркадьевич. Он хоть вроде как и снял группу наблюдения, но пару раз наши люди натыкались на подозрительных личностей.

– Так, может...

– Не может, ваше превосходительство. Без сомнения, это люди стрелкового клуба.

– Тогда кто? – нахмурился Трубецкой.

Вариант с Хлопониным был самым простым, хоть и вызывал вопросы. Насколько он успел узнать Андрея, за информацию тот был готов на многое.

– Уверен, что это работа княгини. Тамары Львовны, – на мгновение отвел взгляд Марат.

– Кого? – опустив руки, выпрямился князь.

Ему оказалось достаточно минуты, чтобы все взвесить и согласиться – такое вполне могло быть. Во всем они с супругой сходились взглядами, кроме тотального надзора за отроками.

Впрочем, и с этим он не спорил – должна быть у них определенная степень свободы. Но...

Данный случай оказался особым. Ошибиться нельзя.

– Ты ведь уже раскопал, чья она внучка? – жестко посмотрел князь на Марата.

Вот тут этот тип маску и сбросил.

– Обижаете, Трофим Иванович. Уже неделю как знаю. Аккурат когда детишки маньяков наших ловили, тогда и выяснил. Признаться честно, был удивлен.

– Тем, что Салтыковы не сделали все возможное, чтобы вернуть Анну?

– Тем, что не признали внуку, – поправил его Марат. – С матерью-то уже сложнее – порченный товар, а вот внука...

– Приказали им туда не лезть, – нахмурился Трубецкой.

Ему ведь тоже... приказали. Правда, обратное. Следить, беречь, наставлять, если потребуется. Ну и жизнь отдать, вдруг сложатся такие обстоятельства.

Он бы и без приказа...

Пряник в этой истории для него тоже имелся. Высочайшее лицо, как оказалось, являющееся настоящим дедушкой Саши, не было против, если под венец ее поведет Трубецкой-младший.

– Ну раз приказали...

– Как думаешь, Хлопонин в курсе?

Думал Марат недолго.

– Уверен, что – да. Но на его отношение к крестнице это никак не повлияло.

– Вот и я уверен... Ты сказал, что обычными способами не удалось, – вспомнил он касавшуюся разговора в кафе часть доклада. – А необычными?

– Полная расшифровка будет чуть позже, но если коротко, то ваш сын рассказал Александре Игнатьевне про свидетельство о попечительстве.

– Даже не спрашиваю, как вам это удалось...

– А вы спросите, – окончательно избавившись от образа недалекого службиста, с легкой улыбкой «попросил» Марат.

– Если даже так... Ну давай, удиви меня, – вновь откинулся на спинку кресла князь.

– Имеется у меня человек, умеющий читать по губам. Его работа.

– Удачно, – дернул головой князь. – Знал или предполагал?

– Предполагал, что рано или поздно, но детишки найдут способ защититься от прослушивания. Вот на всякий случай и перестраховался.

– Это хорошо, что перестраховался... – задумчиво постучал Трубецкой пальцами по столу.

Время позднее. Его ждали Тамара и сын, для которого эта ночь будет последней под крышей дома.

– Княжич Мещерский пригласил всю компанию в загородное поместье, – словно прочитал его мысли Марат. – В субботу. С ночевкой.

– Это ты к чему? – насторожился Трубецкой.

С дочерьми было проще. И больше Тамарино влияние, но и сами девчонки, хоть и росли шевутными, границы дозволенного знали твердо.

И с замужеством их проблем у князя не возникло. От предложений отбоя не было, выбирай – не хочу, но князь с решением не торопился. Пока ждал, когда «проснутся», учил разбираться в людях. Не видеть только плохое – оценивать со всех сторон, понимая, что именно стоит за словами и поступками.

С тактикой не ошибся. Обе уважали своих мужей. И – любили, что тоже было немаловажно.

– Иван Струпынин числится в одной группе с Александрой Игнатьевной.

Трубецкой, жестом показав, чтобы Марат не дергался, поднялся с кресла. Дойдя до бара, плеснул коньяк на дно стакана. Выпил.

– Значит, старый князь решил не отступить, – протянул он, продолжая держать стакан в руке. – Понял, что с Антоном вариант не сработает, и тоже, как и ты, решил подстраховаться.

– На первый взгляд все так и выглядит, – развернулся на стуле Марат.

– Но ты с этим не согласен? – обернулся к нему Трубецкой.

– В этой же группе Виктор Бабичев.

– А этот откуда появился? – нахмурился Трубецкой. – Он же поступил в военное училище?

– В последний момент забрал документы, – все-таки поднялся Марат. – Ваше превосходительство, позвольте еще одну версию?

Трубецкой нахмурился. Манеру общения Марат изменил резко, словно готовя к неприятностям.

И ведь не сказать, что князь не был к ним готов...

В последнее время стало подступать желанием покоя. Не часто, но иногда находило, словно намекая на приближающуюся старость.

Мысль была неожиданной. Главе рода Мещерских уже за семьдесят, а голова у него работала, как у молодого. И о покое вряд ли он думал. Скорее уж продолжал пещься о благосостоянии рода.

– Давай свою версию, – поставил он стакан на столик.

– Я взял на себя смелость проконсультироваться с некоторыми специалистами. Естественно, без имен, – предвосхитил Марат замечание князя. – Так вот, после этих консультаций у меня сложилось мнение, что Виктор Бабичев ищет донора для своего отца.

С наводящими вопросами Трубецкой не торопился. Вернулся за стол, жестом вновь усадил Марата. Потом пододвинул к себе лист бумаги, взял ручку.

– Давай еще раз, но уже с подробностями, – потребовал он, собираясь фиксировать по пунктам.

То, что Марат пришел не только с информацией, но и с выводами, было хорошо – сам их так учил, но...

– Восемь лет назад умерла жена Анатолия Бабичева. Просто не проснулась. Вскрытие, чтобы установить причины смерти, не делалось. Сослались на то, что та долгое время болела. Но, как удалось выяснить, основным симптомом болезни была сильная слабость. Однако записей никаких нет, и целителей к ней не приглашали. В течение нескольких месяцев после смерти жены Анатолий Бабичев и сам выглядел так, что краше в гроб кладут, но затем все резко изменилось. На балу у Истоминых он появился уже цветущим.

– Это с чем-то связано? – сделал пометку Трубецкой.

– Примерно в это же время он завел содержанку. Из известного о ней – имя и то, что была молодой целительницей.

– И где теперь эта женщина? – оторвался от записи Трубецкой и посмотрел на Марата.

Тот развел руками:

– Неизвестно. Мы потихоньку попытались отыскать следы, но чуть не попались СБ рода. Пока решили затихнуть.

Трубецкой подумал, кивнул скорее собственным мыслям, чем словам Марата...

– Когда она пропала?

– Спустя два года после начала их отношений.

– И снова Анатолий Бабичев начал выглядеть плохо.

– Недолго, – подтвердил слова князя Марат. – Он быстро завел новую любовницу. Через год сменил ее.

– Жива?

– Да, – кивнул Марат. – Замужем за одним из дальних родичей. Есть дети. Как вы понимаете, подступиться к ней, не имея на то оснований, мы не можем.

– Что дальше? – постучал Трубецкой ручкой по столу.

И ведь вроде ничего такого... Каждый случай сам по себе не представлял интереса, а вот их совокупность...

– Так продолжается каждый год, – криво усмехнулся Марат. – Новая любовница-целительница. Через год супруга кого-нибудь из дальних родичей. И надо уточнить, что кого-нибудь из обедневших родичей, у которых тут же появлялись средства то на новый дом, то на новый бизнес, то на учебу других детей.

– И что говорят специалисты? – подумав о том, что Бабичевых становится в последнее время слишком много, спросил Трубецкой.

– Говорят, что существует такая аномалия дара, когда одаренный больше не может перерабатывать получаемую извне энергию. Только брать у других людей. Особенно у целителей, которые в силу своих способностей хорошие доноры. Чаще всего такое может случиться после серьезных усилий. Например, когда происходит большой выплеск, а контроль еще слабый.

– По наследству передается? – уже не скрывая своего недовольства, уточнил Трубецкой.

Сказка про вампиров, только в условиях их реальности.

Как говорится, не было печали...

– Нет, – слегка порадовал его Марат. – Но тем не менее я предлагаю установить за Виктором Бабичевым плотное наблюдение.

– Думаешь, нацелился на Сашу? – свел брови к переносице Трубецкой.

Ему хватало и тех проблем, что уже были, а тут еще и эта...

– Там есть более одаренный студент. Универсальный донор. Я, конечно, не уверен в способах передачи целительской энергии, но предпочитаю перестраховаться. Да и Александру Игнатьевну исключать из возможных объектов его внимания не стоит. Мало ли...

Марат был прав: мало ли...

В их ситуации лучше предусмотреть и самое неприятное.

Глава 2

Второе сентября решило отыгаться за работу погодников. Дождь начался ночью. Под подвывание ветра хлестал в окна, навевая тоску.

К утру осадки прекратились, но все равно было пасмурно и очень холодно. Хорошо, на выходные прогнозировали тепло, а то бы наша поездка в загородное имение Мещерских оказалась под угрозой.

Нет, мы бы нашли чем заняться, но князь обещал прогулку верхом. Под дождем не то удовольствие.

К академии я подъехала за двадцать пять минут до начала занятий. Спорткара на стоянке еще не было, так что заняла приглянувшееся еще вчера место. Вроде и не месь, но намек, что спать надо меньше.

Прихватив сумку – она была значительно тяжелее уже ставшего привычным рюкзака, вышла из машины. Еще раз мысленно поблагодарив Андрея за своевременно приобретенную теплую одежду, направилась к выходу со стоянки.

Меня окликнули, когда уже почти подошла к воротам:

– Саша!

Оглянувшись, недоуменно посмотрела на спешившего ко мне Илью. Вот кого увидеть я точно не ожидала.

– Что-то случилось? – строя разные версии, поинтересовалась я, когда он подошел.

– Во-первых, привет, – немного грустно улыбнулся он.

В отличие от Антона, Игоря и Сашки Илья выбрал гражданский вуз, так что стоял сейчас передо мной в идеально подогнанном по фигуре костюме.

А то, что холодно...

Похоже, он знал пословицу, следуя которой форс мороза не боялся.

– Привет, – не стала я спорить с такой постановкой вопроса. – Так что случилось?

– С тобой хочет поговорить бабушка, – кивнул он на стоявшую неподалеку машину.

Та выглядела скромно. Обычный темный седан.

– Я в машину не сяду, – твердо произнесла я, оценивая ситуацию.
Да, княгиня – это не князь, но...

Трудно сказать, что было у них на уме.

– Она выйдет, – понимающе хмыкнув, успокоил он. – Поговорите на улице. Ну хотя бы вон там, – показал он на скамеечку во дворе академии.

– Хорошо, – прикинув, что пока не опаздываю, согласилась я. И, не дожидаясь, направилась к скамейке.

Княгиня подошла буквально через пару минут. Одета была неброско, но эта неброскость лучше иных слов говорила о достатке и положении. Маленькая аккуратная шляпка поверх уложенных в прическу волос, тонкое кашемировое пальто, перчатки, сумочка, легкие сапожки...

В ней чувствовались и порода, и умение себя подать.

– Здравствуйте, Надежда Николаевна, – первой поздоровалась я. – Рада видеть вас в добром здравии.

– Спасибо, деточка, – дружелюбно улыбнулась она.

Вот только взгляд был...

Грустный у нее был взгляд. Виноватый.

– Я не отниму у тебя много времени, – опередила она меня с просьбой поспешить. – Так уж получилось, что прикипела я к тебе сердцем. Да и Илья отзывается о тебе только в превосходных степенях. Говорит, из настоящих людей ты.

Слова были приятны, но я не обольщалась. И хотя никакой другой подоплеки не чувствовала, понимала: люди способны на многое. А уж скрывать свои настоящие чувства...

Этому большинство учится с раннего детства.

– Я хотела предупредить тебя, – резко сменила она тон. – Будь осторожна. Тобой очень интересуются Бабичевы. А это не самые хорошие люди из моего окружения.

– И чем я им так интересна? – сделала я вид, что удивлена.

А сама вспомнила вчерашний разговор. Там – Бабичев. Тут – Бабичев...

– Я не уверена, – несколько замялась княгиня, – но вроде как им очень требуется целительница.

– Не поняла? – вот теперь уже искренне удивилась я.

Да, целители – штучный товар, но не такая уж редкость, чтобы не найти.

Если нуждаются в помощи...

– Возможно, – осторожно начала она, – речь идет о каких-то экспериментах. Мне точно ничего не известно, но ищут молодую девицу с сильным даром. – Она прямо посмотрела на меня. – Ты ведь, наверное, слышала, что мой супруг вроде как обещал им нашу внучку.

– Какую внучку? – бросила я взгляд на стоявшего за оградой Илью. – У вас же внуки.

– Это страшная история, – тут же поникла она плечами. – Я даже не знаю, жива она...

– Жива, – перебила я княгиню, не в силах вынести плеснувшую от нее боль.

– Что? – непонимающе посмотрела она на меня. Потом в глазах появилась надежда. – Ты... откуда...

– Мой дар, – кляня себя последними словами, проямлила я. – Я могу...

– Молчи! – жестко перебила она меня. – Молчи и никому, кроме самых верных, не говори об этом. – Смотрела не с гневом, но с недовольством. – Я поклянусь самым дорогим – здоровьем детей и внуков, что не выдам твоей тайны. Но ты сама... – Она, сетуя, качнула головой. И вновь сначала обмякла, словно расслабилась, потом заулыбалась. – Еще бы знать, что она в безопасности. А то ведь Бабичевы...

– Не знаю про Бабичевых, – пережив кучу эмоций, вновь не дала я ей закончить, – но ваша внучка точно в безопасности.

– А сын? – с безумной надеждой посмотрела она на меня.

Я бы и хотела ее успокоить... Пришлось выворачиваться:

– Извините, но его я не чувствую. Ни живым ни мертвым. Словно преграда не дает.

Потерянная надежда не сделала ее старой, но тут же вернула все прожитые года. Да еще и прибила тяжестью вины.

– Так и должно быть, – негромко произнесла она после недолгой паузы. – На мне этот крест. Мне и нести. А ты, – вновь посмотрела она на меня, – помни про осторожность. И если потребуется моя помощь...

Она ушла, а я все стояла и словно наяву видела, как она идет, опираясь на руку Ильи. Как садится в машину...

– Ты чего застыла? – вернул меня в настоящее голос Ани. – В первый же день хочешь опоздать?

– Да вот, – вздохнула я, – задумалась о великом.

– Это о чем? – заинтересованно посмотрела она на меня.

– Где обедать сегодня, – улыбнулась я ей. – В студенческой столовой или добежать до кафе.

– Тьфу ты, – хмыкнула Аня. – А я уж подумала... Кстати, это ведь была княгиня Воронцова?

Мысленно пожелав ей икоты, была вынуждена кивнуть. Да, она. Ну и объясниться, чтобы обошлось без дальнейших расспросов:

– Я работаю помощницей у профессора Соколова. Княгиня Воронцова – одна из пациенток профессора, с которой пришлось работать. Вот решила поздравить с началом учебы.

Как я и ожидала, объяснение Аню устроило. Но не полностью.

– А те два курсанта вчера на стоянке? – продолжила она пытаться меня по пути к корпусу.

По-хорошему можно было оборвать, сказать, что нечего лезть в чужие дела, но, думаю, не одна Анна задавалась этими вопросами. Хватило короткого знакомства, чтобы понять – эта барышня умеет сходить с людьми. Ну и быть в курсе всего тоже.

– Сын князя Трубецкого и Игорь Валдаев. Оба однокурсники Юли, дочери профессора. Передали через меня букет Людмиле Викторовне.

– Точно, – даже обрадовалась она, – видела у нее вчера этот букет. А сначала даже подумала, что это работа Березина.

– А при чем тут Березин? – резко остановилась я.

Аня заметила это не сразу. Прошла вперед, потом замерла, оглянулась...

– А ты чего, не видела, как он на нее смотрит? – искренне удивилась она.

– Кто? – спросил за меня один из тех двоих парней, с кем столкнулась вчера на стоянке.

И когда подошли?

– На кого? – уточнил второй.

– Кстати, – первый посмотрел на меня, – это место – мое.

– В большой семье не щелкай клювом, – довольно оскалилась я. – Кто успел, того и тапки.

– Слушай, Кир, – едва ли не возмущенно посмотрел тот на второго, – это она что, к нам в родственницы набивается?

– Это она тебе намекает, что вставать надо раньше, – подмигнув мне, заявил Кир. – И она права. Сколько я тебя будил?

– Так вы – пара?! – едва ли не восторженно прошептала Анна.

Я машинально сделала шаг назад. Ну, думаю, все...

Кир успел перехватить того, первого. Придержал за плечо.

– Мы братья. Родные, – произнес он, тяжело глядя на Анну. Потом перевел взгляд на брата. – А ты нашел с кем связываться. С малолетками.

И ведь был прав. Глупые, лишённые чувства самосохранения, но при этом слишком наглые малолетки.

«И живые позавидуют мертвым...»

Когда отец говорил, что учеба на первом курсе похожа на страшный сон, я была уверена – преувеличивает.

Оказалось, преуменьшает.

– В столовую или в кафе? – хмуро посмотрела на меня Аня после окончания второй пары.

Первой шла анатомия. Второй – латинский язык.

До этого дня мне казалось, что отец со мной занимался значительно больше, чем это требовалось. Теперь я считала, что намного меньше, чем стоило. Усвоить все, что нам задали к следующему занятию, на первый взгляд было просто невозможно.

– А может, просто посидим где-нибудь в тихом уголке? – предложила я, прислоняясь к стене у окна, рядом с которым мы стояли. – Не знаю, полезет в меня сейчас кусок или нет.

– Полезет, – заверил меня подошедший Иван. Сдвинутый набок белый колпак на голове добавлял его виду щеголеватости. – Если барышни не против, то есть здесь тихое место, в котором неплохо кормят.

Барышни были не против. После большой перемены была медицина катастроф. И нам до нее требовалось обязательно дожить.

Факультатив по медицине катастроф был необязательным предметом. Да еще, если не считать субботних занятий, стоял в такое время, что попасть на него могли только подобные нам счастливики.

Судя по наполненности аудитории, к третьему курсу многие сообразили, что некоторые практические предметы лучше сдавать заранее. Не пропустишь что-нибудь интересное.

Нас, первокурсников, среди тридцати человек было четверо. Аня, Иван, я и Лука – угрюмый молодой человек из группы профессора Березина.

Как сказала Анна, которая успела узнать все и обо всех, сильный целитель, но слабо подготовленный по биологии. Потому и попал в разряд тех, кто вроде как и принят, но только до первой сессии. Стоит завалить хоть один предмет, и все, сразу на отчисление.

– Добрый день, дамы и господа. – В аудиторию вошла Людмила Викторовна. Выглядела она сегодня строже – брючный костюм делал ее неприступной, но столь же эффектно, как и вчера.

– Добрый день, – дружно поднялись мы.

– Можете садиться, – прошла она за кафедру. – Рада видеть тех, кого хотела увидеть.

– Это вы обо мне? – приподнялся один из двух парней, которые вот уже второй день встречались на моем пути.

Они тоже были здесь. И даже успели несколько раз бросить взгляд в мою сторону.

– Конечно, о тебе, Петр. И о твоём брате.

– Крутые парни, – шепнула мне на ухо Аня.

И ведь еще утром она о них ничего не знала.

– Чем? – хмыкнула я.

Их тачку я видела. Интересно было узнать, только ли в деньгах дело или в ходу еще и родственные связи.

– Родственниками, – подтвердила мое предположение Аня. – Седьмая вода на киселе, но имеют отношение к императорскому роду.

После ее слов я внимательнее посмотрела на парней. Деньги деньгами, но о том, что рада видеть их на факультативе, Людмила Викторовна говорила без малейшего намека на шутку.

А это значило, что к ребятам стоило присмотреться. Без особых заслуг госпожа Соколова на моей памяти еще никого не выделяла.

– Давайте начнем вот с чего, – вернула меня с небес на землю Людмила Викторовна. – Целители и чрезвычайные ситуации. Зачем нужны мы, если обычно на месте ЧС хватает и специально подготовленных медицинских работников?

– У нас нюх, как у обученных собак, – едва она закончила, вновь приподнялся Петр.

– В точку, – сделав жест, словно эту самую точку и поставила, произнесла Людмила Викторовна. – Наша эмпатия позволяет чувствовать жизнь не хуже, чем натасканным четвероногим.

– Если не лучше, – подала голос Аня.

– Тоже согласна, – кивнула Людмила Викторовна. – Для тех, у кого эмпатия выше среднего, поиск живых в таких ситуациях – простое дело. Страх, ужас, боль, непонимание, желание выбраться любой ценой... Эмоции разные, но все они для нас как маяк.

– Мы можем определить состояние потерпевшего еще до того, как он будет извлечен спасателями, – решила и я включиться в обсуждение. – И даже поддержать жизнедеятельность, если это окажется остро необходимо.

– Великолепно! – благожелательно кивнула мне Людмила Викторовна. – Еще?

Мы с Аней переглянулись. Вроде самое главное...

– При необходимости целители быстрее и точнее делают сортировку, – в очередной раз поднялся Петр. – Честно сказать, лично меня от этого коробит.

– И не только тебя, – уже другим, серьезным тоном произнесла Людмила Викторовна. – Но когда речь идет о массовых жертвах, именно выбор целителя может спасти жизнь тому, кому ее еще можно спасти. Классический медик делает сортировку скорее интуитивно, пусть и основываясь на установленных правилах визуального осмотра и собственном опыте. Мы же видим картину именно такой, какова она есть.

– Не самая приятная перспектива, – высказался кто-то из находившихся выше рядов.

– Вы даже осознать до конца не можете насколько. – Людмила Викторовна вышла из-за кафедры, обошла стоявший рядом стол и встала, опершись на его край. – Четыре года назад, ночью, после лобового столкновения с фурой с виадука упал междугородний

автобус, в котором на тот момент находилось сорок три пассажира плюс водитель. Внизу – железнодорожные рельсы. По согласованию с руководством МЧС на подобные случаи, если они не связаны с химическим, бактериологическим или иным специфическим поражением, кроме штатных медиков вызывают и нас, внештатных целителей. В тот раз поехали мы с профессором Березиным и четверо студентов.

– Это тогда у водителя фуры случился инсульт?

Я оглянулась, чтобы посмотреть на спросившего, и...

Петр наблюдал за мной. Внимательно. Изучающе.

Достаточно, чтобы вспомнить слова Анны. Седьмая вода на киселе, но имеют отношение к императорскому роду...

Совершенно ненужный мне интерес.

Сделав вид, что не заметила, вновь посмотрела на Людмилу Викторовну.

– Да, – не столько кивнула, сколько на мгновение опустила голову она. – Как затем выяснилось, предрейсовый осмотр в компании, осуществлявшей перевозки, был чистой формальностью. И эта формальность стоила жизни одиннадцати человек, не считая самого водителя. Но сейчас речь не об этом.

Она откинула голову назад, потом опустила. Медленно выдохнула.

Чтобы проникнуться серьезностью темы, вполне достаточно. Мы и так старались дышать через раз, а тут вообще затаились, словно мышки.

– Когда подъехали, группа МЧС уже работала на месте. Раненых поднимали с помощью люлек, раскладывали на дороге. Медики появились практически одновременно с нами, но... – Она не закончила, заговорив уже о другом: – На сортировку встали мы с профессором Березиным и двое студентов в качестве помощника-фельдшера. Работали по смешанной схеме, включая беглый осмотр на внешние признаки, обычно видимые издали.

– Например? – вновь подал голос кто-то из задних рядов.

– Например... – повторила она как-то... жестко. – У пострадавших мужчин с тяжелой черепно-мозговой травмой возникает сильная эрекция. Это признак крайне тяжелой ЧМТ и практически гарантированной смерти.

– Ни хрена себе... – высказался кто-то слева.

Людмила Викторовна никак не отреагировала:

– На каждого пострадавшего на этом этапе сортировки отводится сорок секунд. Малая диагностическая магема при достаточной подготовке разворачивается за двадцать, оставляя столько же на принятие решения. Чем быстрее вы работаете с магемой, тем точнее приговор. А в тех условиях для тяжелых пострадавших это действительно может стать приговором.

– Но их же поднимали не всех одновременно, – опять последовало замечание из зала.

Людмила Викторовна криво усмехнулась:

– Те сутки были тяжелыми. Ранняя весна. Сначала все растаяло, затем резко похолодало, и выпал снег. На всех ведущих к Москве трассах аварии. В большинстве своем без летальных исходов, но пострадавших было много. Машин «скорой помощи» не хватало. Так что да, времени было достаточно для полной диагностической магемы. Но толку от этого оказалось мало. Тяжелых много. Шесть или семь человек из тех одиннадцати мы потеряли лишь вследствие несвоевременной помощи. Однако все это я вам рассказала по иной причине. – Она сделала короткую паузу, словно давая нам самим догадаться о том, о чем собиралась говорить. – После той сортировки один из двоих помогавших нам с профессором студентов забрал документы из академии.

– Сломался? – хихикнули теперь справа.

– Мы называем это – сгорел, – опять никак не отреагировала Людмила Викторовна. – И именно для того, чтобы сгоревших было меньше, для целителей обязательно каждые полгода, а при необходимости и чаще, прохождение курса реабилитации.

– А как же полковые целители? – вспомнила я про отца.

На этот раз Людмила Викторовна пусть и едва заметно, но улыбнулась:

– Полковые целители дают присягу. Они – служат Родине и воспринимают свои действия как долг.

– А мы? – вроде как обиделся Петр.

– А мы – работаем, – словно давая почувствовать разницу, чуть склонила голову Людмила Викторовна. – А иногда еще и кочевряжимся, выбирая место послаще и пациентов побогаче.

– Ну как же без этого! – не без сарказма хохотнул Кир и посмотрел почему-то на меня. Почему именно, стало понятно уже через мгновение. – И кстати, раз уж заговорили на посторонние темы, не поведаете, что среди нас делают первокурсники?

– А вас они смущают? – неожиданно задорно фыркнула Людмила Викторовна.

И не скажешь, что совсем недавно говорила о страшных вещах.

– Еще как! – заверил он. – Одно дело – мы, другое – эти салаги.

– Ну раз салаги... – выпрямилась Людмила Викторовна. – Давайте-ка я представлю их, тогда и решим: салаги или нет. Начнем с девушек. Анна Филоненко, – жестом попросила она Аню подняться.

Аня стесняться не стала. Поднялась, шутовски раскланялась на все четыре стороны, что тут же разрядило обстановку.

– Анна Филоненко, стопроцентный нейтрализатор. И при этом – универсал, что, как вы понимаете, делает ее уникальным целителем.

Аня вновь поклонилась и села.

А я поймала себя на том, что немного завидую той легкости, с которой она вписывалась в жизнь академии. Легкости и вездесущности.

Пойдешь направо – она там. Свернешь налево – тоже там. Вернешься...

У меня так никогда не получалось. Да и вряд ли получится.

– Александра Салтыкова-младшая, – заставил меня забыть о проблемах коммуникации голос Людмилы Викторовны.

Я встала, но обошлась без шутовства. И так чувствовала себя скованно, ощущая направленные на меня взгляды.

– Напомню, что род Салтыковых-младших известен своими целительницами. Александра – не исключение. По количеству магем и качеству их исполнения она обогнала всех присутствующих в этой аудитории. Полностью уравновешенный универсал.

– И что она тогда делает на первом курсе? – вполне серьезно поинтересовался Петр.

– Вот и я задаюсь этим вопросом, – с усмешкой ответила ему Людмила Викторовна, показав жестом, чтобы я садилась. – Завалишь мой предмет, и она займет твое место.

– Не завалю! – насупился он.

– Хочешь со мной поспорить? – многозначительно улыбнулась Людмила Викторовна.

От нашего смеха едва не вылетели стекла из окон. Это же надо было – провоцировать преподавателя, которому тебе предстоит сдавать экзамен.

– Так, успокоились, – спустя пару минут непрекращающейся истерики, все еще улыбаясь, потребовала Людмила Викторовна. – Иван Струпынин.

Я тут же наострила ушки. Тему талантов своего двоюродного брата Тоха, когда я спросила об этом, предпочел обойти стороной.

– Его дар пробился поздно, всего четыре года назад, но заявил о себе сразу мощно. Четкий, структурированный. Да и контролировал его Иван так, словно знаком с ним с детства.

– Четыре года назад? – переспросила я, неожиданно соотнеся некое волнение, которое чувствовалось в Иване, и рассказ Людмилы Викторовны об аварии.

– Да, Александра, – с ее лица вновь ушла улыбка, – он был в том автобусе вместе с матерью и своей младшей сестрой. И именно благодаря ему мы потеряли тогда одиннадцать человек, а не тринадцать.

– Круто! – высказал, наверное, всеобщее мнение Петр. – За такое награждать надо.

– Он и награжден, – подтвердила Людмила Викторовна. – Медалью «За спасение людей». И я очень рада, что он – студент нашей академии.

– Мещерские тоже рады, – вдруг подала голос Аня. – Такой крутой целитель...

– Будущий целитель, – поправила я ее.

С Иваном была знакома мало, но... На мой взгляд, он не заслужил того пренебрежения, которое явно звучало в голосе Анны.

– И остался Лука Трофимов, – так же, жестом, усадив Ивана, развернулась она в ту сторону, где сидел угрюмый парень из группы Березина. – У Луки редчайшая специализация. Он – универсальный донор, способный одновременно работать с несколькими стихиями.

– Вот это да! – довольно громко выказала свой восторг Анна.

– А еще этому молодому человеку, хоть он и выглядит несколько старше, месяц назад исполнилось только пятнадцать лет. И он самый

юный студент академии за последние пятьдесят лет.

Надо сказать, не только Анна была впечатлена сказанным.

Универсальный донор в пятнадцать лет...

Признаться честно, я этот момент рассматривала еще и с точки зрения собственной безопасности. На его фоне мои таланты воспринимались довольно скромно.

Если, конечно, не принимать во внимание тот, о котором не упомянула Людмила Викторовна.

* * *

«Анатомией человека называется наука, изучающая форму и строение человеческого организма (и составляющих его органов и систем) и исследующая закономерности развития этого строения в связи с функцией и окружающей организм средой...»

В том учебнике, по которому занимались студенты медицинского института, около пятисот страниц. Плюс атлас в трех томах. В нашем почти на сотню меньше – не тот уровень детализации.

Да и шли мы с классическими медиками с разных сторон. Они начинали с костей и связок, мы – с систем. А максимис ад минима, что в переводе с латыни означает «от большого к малому». И тут же соотносили изученное с полевыми структурами.

На первый взгляд казалось, что так даже проще, но... Анатомий у нас фактически было две. Одна – обычная, вторая – полевая. И все это одновременно.

– Не помешаю?

Я оторвалась от учебника и, подняв голову, посмотрела на вошедшего в гостиную Данилу Евгеньевича.

По нашей договоренности, если внутренняя дверь во флигель закрыта, то я либо занята, либо отсутствую, либо просто никого не хочу видеть.

Сейчас дверь была открыта. В этот раз я про нее просто забыла.

Сразу после занятий смоталась в стрелковый клуб – требовалось разгрузить голову. Там же перекусила, прихватив с собой и на ужин – не хотелось отвлекаться на совместную трапезу. Потом вернулась домой, привела в порядок одежду.

С бытовыми заклинаниями длительного действия было бы проще – они предохраняли вещи от загрязнения и помятости, но их применение в учебное время запрещалось. Всякого рода записные книжки и шпаргалки относились к той же группе, так что, облегчая работу преподавателя, проще было вычеркнуть всю бытовку из списка используемых целителями в стенах академии.

Ну а затем, перекусив в процессе, занялась учебой. В группе двадцать два человека, но нас разделили на две подгруппы, поэтому рассчитывать на то, что пронесет, не стоило. Устно обещали опрашивать каждого. Да и про письменные работы забывать не стоило.

– Я на минутку. – Оставив на диване объемный сверток, который принес, профессор подошел ко мне. – Посмотри, завтра обсудим, – положил он на стол несколько листов с напечатанным на нем текстом.

– Что это? – отодвинув учебник, взяла я верхний.

«Влияние низкодозированного целительского воздействия на пораженные энергетические каналы...»

– Препринт статьи в «Медицинский вестник», – словно стесняясь, произнес профессор.

С Сергеем, поражения у которого были более обширными, чем у княгини Трубецкой, но менее глобальными, мы практически закончили. Все каналы, поврежденные во время пожара, когда он спасал детей из горящего дома, работали стабильно. И хотя «корсет» мужчина еще носил, но последний раз его подпитывали еще до начала лечения, так что назвать его полноценной поддержкой было уже нельзя.

Процесс лечения Тамары Львовны продолжался, но результаты говорили сами за себя. Метод работал, что давало шанс многим из тех, кто раньше не обошелся бы без ампутации или постоянной целительской помощи.

Можно ли назвать это прорывом?

Мне с моим мизерным опытом судить о столь глобальных вещах сложно, но даже я понимала, как много людей будут благодарны за возможность жить полноценной жизнью.

Это не говоря уже о слабых целителях, у которых появится возможность для приложения своего дара.

– Данила Евгеньевич, – поднявшись, сложила я листы в стопку и вернула ему, – мы же договаривались! – напомнила, что мое имя в

работе упоминаться не должно.

– Это неправильно, Саша! – твердо произнес он.

Бумаги взял, но лично у меня сложилось впечатление, что они жгли ему руки.

– А что там? – помня, что с мужчинами лучше не спорить, сменила я тему.

Он оглянулся, посмотрел на диван.

Отбросив бумаги, отошел, чтобы вернуться уже со свертком. Положил его на стол.

Опередив просьбу, протянула канцелярский нож, чтобы вскрыть упаковку.

– Это – подарок от нас с Люсенькой, – избавившись от лишней бумаги, поставил он передо мной украшенную резьбой плоскую деревянную коробку.

Что находилось в ней, догадалась раньше, чем он поднял крышку.

– Камни! – восторженно выдохнула я, едва ли не со священным трепетом наблюдая, как предстает перед моими глазами настоящее богатство.

Использование магем – второй этап в освоении целительских техник. Первый – более простой и более доступный: ощущения. Тепло, холод, покалывание, наполненность, разряженность...

Тепло – чаще всего воспалительный процесс. Холод – дегенеративные изменения. Покалывание – паразиты или разрывы. Наполненность, когда руки отталкивает от места диагностики, говорит о закупорках или является дополнительным признаком воспаления. А вот разряженность, когда из тебя начинает тянуть энергию, да в сочетании с холодом – не самые приятные перспективы, связанные с изменениями на клеточном уровне.

Чтобы целители могли понимать друг друга, выражая то, что чувствуют, да еще и применительно к категориям «слабый», «средний», «сильный», как раз и использовались наборы камней, вызывавших соответствующие ощущения.

Отец обучал меня на своем комплекте. С гравировкой рода Воронцовых.

– Спасибо! – поблагодарила я, не в силах отвести взгляд от трех рядов разного вида и формы камней, лежавших каждый в своем

гнезде. – Я собиралась в выходные заглянуть в магазин, но вы опередили.

– Кстати о магазине, – вскинулся Данила Евгеньевич. – Юля сказала, что княжич Мещерский пригласил вас на выходные в имение.

– Да, – отозвалась я, продолжая поглаживать деревянный бок коробки. – У вас были на меня какие-то планы? – подняла я голову.

По нашей с ним договоренности, первые две недели учебы к пациентам я не ездила. Если, конечно, не появится что-нибудь, на его взгляд, интересное.

– Нет, я о другом. – Он собрал упаковочную бумагу и бросил в камин.

Спустя мгновение туда же полетел небольшой огненный шарик. Бумага сгорела быстро, оставшись в топке кучкой пепла.

Сочетание целительского дара и стихии. Довольно редкая вещь, но теперь хотя бы ясно, от кого Яна получила свой огонь.

– Люся просила уточнить, есть ли у тебя вечернее платье?

– Что? – Я так засмотрелась на происходившие с бумагой метаморфозы, что едва не забыла о присутствии профессора.

Он вздохнул, качнул головой и повторил терпеливо:

– Люсенька спрашивает, есть ли у тебя вечернее платье?

Вечернего платья у меня не было. И до этого мгновения я не считала это проблемой.

– А зачем?

– Как – зачем? – удивился Данила Евгеньевич. – Тебе разве не сказали, что будет прием в честь дня рождения Антона?

Мне – не сказали. И я даже догадывалась почему. Для парней это не животрепещущий вопрос – если что, парадка является спасением на все случаи жизни, а Юля просто забыла. Начало учебы у нее, как и у меня, получилось веселым. Преподаватели стали нагружать с первого дня, не дав времени на раскачку.

– Есть, – твердо ответила я, точно зная, как решить проблему. – И подарок тоже есть.

Профессор мне не поверил, но уточнять, уверена ли я в том, о чем сказала, не стал.

Телефон я взяла, как только Данила Евгеньевич покинул гостиную. Так и не прихватив с собой бумаги.

Забравшись с ногами в кресло – небольшой перерыв заслужила, набрала знакомый номер.

Ответили мне не сразу. Я уже собралась сбросить вызов, когда Андрей все-таки появился на экране. Судя по мокрым волосам, капли с которых стекали на прилипшую к телу футболку, вытащила я его из душа.

– Привет! – мило улыбнулась я, не пропустив, как он поежился. – Опять на сквозняке. Вот прихватит спину...

– Не прихватит, – фыркнул Андрей, но окно закрыл.

Напоминать, что с миозитом он уже сталкивался, я не стала. И сам вряд ли забыл, как несколько дней ходил, кряхтя, как старый дед. Так бы и страдал, но у отца закончилось терпение, и через полчаса после лечения Андрей уже бегал молодым козликком.

– Как учеба? – тоже устроившись в кресле, поинтересовался Андрей.

Жил он там же, на территории стрелкового клуба. В отдельно стоящем двухэтажном доме. Бывать у него мне не довелось – Андрей отказался провести экскурсию, но я была абсолютно уверена, что легкомысленные салфеточки под горшками с цветами там точно отсутствовали.

– В процессе. – Развернув телефон, показала ему заваленный учебниками стол.

– Зато будешь умной. – Он протянул куда-то за кадр руку, достал полотенце. Прошелся по шее. – Какие-то проблемы?

– Я тебя задерживаю? – прислушиваясь к доносившимся с его стороны звукам, невинно поинтересовалась я.

Андрей был не один.

Впрочем, в том, что он был не один, я не видела ничего плохого.

– Я еще не ужинал, – вроде как повiniлся он.

Я почти поверила. Будь он действительно голоден, столь миролюбиво со мной бы не разговаривал.

– Ну, раз не ужинал... – поднялась я. Вернувшись за стол, села. Поставила телефон на подставку и пододвинула к себе учебник анатомии. – Ты ведь в курсе, что меня пригласили в поместье Мещерских?

Он ответил не сразу. Сначала как-то задумчиво пошевелил губами, потом вздохнул.

А ведь отец предупреждал его: быть наставником молодой девушки – та еще проблема.

– Антон звонил, отпрашивал, – наконец произнес он. И посмотрел... едва ли не умоляюще, прося перейти к главному.

Я на него, конечно, была еще зла, но...

Стоило признать, что любил он меня не меньше, чем отец. Да и заботился как о родной.

– У меня нет вечернего платья, – решила я смилостивиться над ним. – А еще закончились заготовки для амулетов. Хочу подарок сделать.

– И это все? – даже несколько растерялся Андрей.

Похоже, он ожидал совершенно иных забот.

– Все! – вновь улыбнулась я ему. И не удержалась, чтобы не уточнить: – А тебе мало?

Мой вопрос он решил проигнорировать:

– Завтра заберу тебя после учебы.

– А моя машина? – тут же вспомнила я о своей красавице.

Его взгляд был красноречивее слов.

И ведь могла и сама догадаться: уж мою девочку он без присмотра не оставит.

* * *

Андрей был на взводе. Со стороны посмотришь – не придерешься, но сам-то он знал – чтобы сорваться, ему не хватало лишь мелочи.

Игнат молчал третий день.

Объяснение тому имелось – защита дворца хана серьезно ограничивала возможности того вида связи, которым они пользовались, но...

Информацию от Трубецкого Андрей получил – принимали команду персы со всем радушием, однако привычка знать все и всегда требовала личного контакта.

– Попейте водички.

– Что? – Оторвав взгляд от спины дежурного – они находились в его кабинете, над операторским залом, Андрей посмотрел на своего

зама, возглавлявшего и СБ стрелкового клуба.

– Водички попейте, пока не рванули, – хохотнув, повторил Стас. – Пора стравливать.

Стрельников был прав. Как выпрямился дежурный, избавившись от тяжести его взгляда, Андрей успел заметить.

– Кстати, вы финансовый отчет просмотрели? – откинулся Стас на спинку кресла.

Пересеклись они полчаса назад. Андрей как раз подписал контракт на охрану с новым клиентом, а Стрельников вернулся из Управления полиции, где встречался с Варлановым. С тем, который следак.

Вместе то ли поздно пообедали, то ли рано поужинали, потом поднялись в его кабинет, зашлифовать кофейком.

Вот в этот момент и позвонил Трубецкой, не то что испортив настроение, скорее подбросив дровишек в едва тлеющий костер тревоги.

А если вспомнить еще и про Александру...

В последнее время у него мелькала мысль увезти ее в какую-нибудь глухую деревню, спрятав от всего мира.

Проблема была в том, что Сашка могла найти приключения и там. Так что вариант не выглядел рабочим.

– Просмотрел, – позавидовал вальяжно развалившемуся в кресле Стрельникову Андрей. Мужик буквально жил работой. И чем ее наваливалось больше, тем комфортнее себя чувствовал. – Предлагаешь порадоваться?

Порадоваться там было чему. Несмотря на увеличившиеся в августе расходы, благодаря государственным контрактам вышли они в серьезный плюс. Ну а то, что пришлось вкалывать...

Хорошие премии без труда закрыли вопрос переработок. Люди понимали, за что старались.

– Стрелка бы временно убрать из города, – неожиданно переключился Стрельников.

Андрей хмыкнул: вот и попили кофейку. Но взгляд на кофейный автомат бросил.

Стас понял его правильно. Поднявшись рывком, направился в угол, где располагалась весьма нескромная кухонная зона.

– Есть причины или перестраховываешься? – Пока Стас колдовал над техникой, Андрей вернулся за стол. Вытащил из ящика папку с тем самым финансовым отчетом, от которого плавно перешли на стрелка.

Свое вознаграждение Федоров, прекрасно справившийся с ролью продажного снайпера, получил. Половину от той суммы, что оплатил заказчик, и два оклада уже от клуба.

Судя по довольной физиономии, когда расписывался в ведомости, поощрением парень был доволен. Еще немного добавить, и вполне хватит на небольшой домик.

– Есть опасения, что заказчик войдет во вкус, – обернулся Стрельников.

Их взгляды встретились...

Для намека мало, но Андрею хватило.

– Это ты про наш последний контракт? – чуть подался он вперед.

Виновен в машинальном движении был аромат кофе. Он манил не меньше, чем чужие тайны.

С мальчишкой они вопрос закрыли, передав дело Управлению Имперской безопасности.

Внешне все выглядело просто: выстрел, тяжелое ранение, несколько дней в реанимации, куда не допускали никого из родственников, кроме матери, с которой предварительно побеседовали.

Этого времени хватило, чтобы добыть доказательства связи Виталия Варланова с САВАК – Службой информации и безопасности Персии.

Затем был разговор Трубецкого с главой рода Варлановых и...

Дальше шла не их история, но Андрей догадывался, что единственный шанс пронырливого дипломата остаться в живых – продолжить свою «деятельность», но уже под плотным контролем.

Про его семью Андрей предпочитал не думать. Тут все зависело от милости государя императора.

В лучшем случае жена могла получить развод и, отдав сына-наследника в род, продолжить жить своей жизнью.

В худшем...

Предательство одного бросило тень на всех остальных. И не важно, что вроде как сын за отца не отвечает. Сын, может, и нет, а вот отец...

Как говорится, ты сначала думай, что делаешь, и лишь потом делай.

– Про него, – прихватив обе чашечки с кофе – на два глотка, только раззадорить, развернулся Стрельников. Дошел до стола, подал одну Андрею, со второй же направился к креслу. Сел, вновь откинувшись на спинку. – Я так понимаю, что имя у парня ненастоящее?

Прежде чем ответить, Андрей поднес чашечку к лицу. Вдохнул аромат, расслабляясь.

Контракт реально был золотым – одной из сторон договора через доверенное лицо выступал императорский род, но проблемным.

Парень – универсальный донор. От желания заполучить такой приз и у самого здравомыслящего в голове дурные мысли появятся.

– Имя – настоящее. Фамилия – нет. – Андрей отставил чашечку. – Уже думал, куда прятать будем? Чтобы и совсем без свободы не оставить, и в соблазн никого не ввести?

– Есть вариант, – словно это не стало серьезной задачей, с каким-то легкомыслием кивнул Стрельников. – Шестнадцатый учебный центр.

Андрей даже замер. Не столько от неожиданности, сколько от оригинальности предложенной идеи.

Учебный центр спецназа военной полиции находился в черте города. Охрану осуществлял специальный полк, обеспечивавший безопасность особых военных объектов, находившихся на территории Москвы.

Несколько корпусов самого центра, полигон. Для семей преподавателей и обучающихся – благоустроенные трехэтажные дома и несколько коттеджей. Вокруг – березовая роща. Рядом – пруд. Небольшой кинотеатр, кафе, зона отдыха.

Чужим на территорию не попасть, а свои с лишними вопросами друг к другу не лезли.

Оставалось решить вопрос с приемной семьей, но это был уже технический момент. Что такое необходимость, там знали.

– Группа принимает на КПП и сдает там же, – кивнул он, соглашаясь, что решение имеет дополнительный плюс. Ночная охрана будет осуществляться уже не их силами.

– Тогда я согласовываю, – допив кофе, поднялся Стрельников, – и перевожу объект из общежития. Кстати, он – уникал или у них в роду все такие?

Вопрос был скользким, но, чтобы полноценно отработать контракт, Стасу нужна информация. И лучше, если ее будет больше, чем требуется.

– Не все, но через одного, – вздохнул Андрей.

Такой судьбы мало кому пожелаешь. С одной стороны, вроде и неплохо – за подобный дар едва ли не на руках носили. С другой...

Хороший донор, он ведь не только в болезни помогает, но и для омоложения незаменим. Посади такого на цепь рядом с собой, лишние лет десять – пятнадцать спокойно проживешь.

Так что сомнений в том, кого благодарить за долголетие императора, да продлятся его годы, у Андрея не было. У сильных одаренных запас жизненных сил и так больше, чем у лишенных дара людей, а уж с поддержкой...

Но это было не их дело, как оно там... наверху. Для этого такие, как Трубецкой и иже с ним.

– Это хорошо, что не все... – вроде как соглашаясь с его мыслями, задумчиво протянул Стрельников. И добавил, поднимаясь: – Заедешь к Маше? Она ждет.

Говорить Андрей ничего не стал, лишь отследил Стаса взглядом сначала до мойки, а затем и до двери.

Стрельников был прав. Маша – ждала. И ему действительно стоило к ней заехать.

Маша. Маруся. Мария Истомина...

Вольнонаемный целитель.

Когда появилась в крепости на границе с Афганистаном, где они тогда служили, Андрей надолго потерял дар речи. Сама вся средненькая – средний рост, средняя комплекция и даже грудь была средней – не большой, но и не маленькой, а глазищи на пол-лица. Да еще и зеленые, колдовские. И волосы... не рыжие – золотые.

А вот силы в ней было много. И физической – когда нужда была, тяжелых мужиков ворочала. И целительской – Игнату в даре она не уступала. И душевной. Никого не выделяла, но с каждым щедро делилась своим теплом.

Любили ее не только в крепости, но и в приграничье, куда целители периодически выезжали, оказывая помощь местному населению. Все бы лишнее поотрывали, попробуй кто хоть взглядом обидеть.

Но не уберегли.

То нападение, когда афганцы вырезали больше половины гарнизона, обычным не было. Ударили они сразу с нескольких сторон, точно зная слабые места крепости.

Не щадили никого. Ни женщин, ни детей. Ни целителей, хоть те и считались у них едва ли не святыми.

Той ночью погибла жена Игната – Анна.

Мария выжила, но...

Первое время ему казалось, что лучше бы не выжила.

Глава 3

Третье сентября. Фактически второй день учебы.

Лекция, два практических занятия. Затем факультатив...

И опять отвратительная погода без дождя, но с резким, холодным ветром, уже начавшим срывать с деревьев желтеющие листья.

Когда я вышла из академии, единственным желанием было добраться до флигеля, закрыть дверь и хотя бы полчаса посидеть в тишине у камина, внутренне согреваясь и приходя в себя. А затем снова за учебники, потому что спрашивали нас жестко. И не важно, какой у тебя дар – сильный или средненький, от зубов отскакивать должно у всех.

– Саша! – сбил меня с шага, но не с мысли оклик Ани.

Остановившись, оглянулась.

В отличие от меня, так и оставшейся в форменном платье, Анна успела переодеться. Фирменные джинсы, кроссовки, куртка, спортивная шапочка. Образ завершал яркий рюкзачок, закинутый на плечо.

Этакий свой парень, прекрасно чувствовавший себя в любой компании.

Компанейская девушка была не столь проста, как мне показалось на первый взгляд. И вроде везде и ко всем с улыбкой, но что-то мелькало в ее лице время от времени. Словно не удавалось удержать дружелюбную маску, которую носила.

– Ты сейчас домой? – быстрым шагом догнала она меня. – Тут ребята предлагают...

– Извини, – улыбнулась я, – но меня ждут.

– Те, со стоянки? – сделав огромные глаза, заговорщицки поинтересовалась она.

Вот ведь...

– Крестный. – Уже не в первый раз, общаясь с ней, я сделала вид, что не заметила намека. – Собрались за покупками.

– Так ты здесь не одна! – вроде как обрадовалась она, но в глазах пробилося что-то похожее на сожаление.

А у меня мелькнуло... рыбка-прилипала.

Не самая лестная ассоциация.

Впрочем, не мое это дело. Тем более что дружить с ней я не собиралась.

– Не одна, – подтвердила я тот факт, что хоть и не москвичка, но за мной было кому присматривать. – Еще раз извини, уже опаздываю.

На стоянке находилась не одна, а две машины с эмблемой стрелкового клуба. У первой стояли Андрей и знакомый мне Владимир, у второй – трое парней в полной экипировке.

Стоило мне появиться, Владимир, коротко что-то сказав Андрею, направился в мою сторону. Подойдя, поздоровался, протянул руку.

Отдав ключ от своей красавицы, пошла к Андрею.

– А это за кем? – остановившись рядом с крестным, кивнула я на дежурную группу.

– А слабо догадаться? – забрал он мою сумку и бросил на заднее сиденье. Затем, прихватив за плечи, развернул, чтобы я оказалась к выходу спиной.

Догадываться особо было не о чем. Контракт свежий, иначе в разговоре с кем-нибудь уже что-нибудь такое мелькнуло бы. Все-таки сопровождение – не рядовое событие. Поэтому думать стоило только о первом курсе.

Если бы не развернул меня, оставался вариант с кем-нибудь с других факультетов – мы с ними еще практически не общались, а так...

– Лука Трофимов, – произнесла я уверенно, лишь после этого оглянувшись.

К машине юное дарование сопровождали двое. Если не считать, конечно, взглядов студентов, впитывавших в себя это представление.

– Показуха ведь не просто так? – вновь посмотрела я на Андрея. – И то, что Людмила Викторовна прилюдно оповестила о его уникальном таланте?

Вместо ответа Андрей потрепал меня по голове – терпеть не могу, когда он так делает, – и подтолкнул к машине.

Заговорил Андрей, когда устроился на водительском сиденье и завел технику – тяжелый, бронированный внедорожник:

– Ты ведь понимаешь, что уровень и специализация ваших способностей становятся известными всем уже после первого практического занятия?

И не хотела бы, но, соглашаясь, кивнула. С каждого подписку о неразглашении не возьмешь.

Да и к чему молчать, если буквально с первого курса мы начинали зарабатывать баллы, чтобы впоследствии продать себя подороже.

– Вот чтобы некоторые не нарывались раньше времени, всю эту показуху и устроили, – продолжил Андрей, уже выезжая на магистраль. – Вся шелупонь, привыкшая действовать силой, как раз и отсеется. Останутся лишь те, кто за дар парня готов платить соответствующие деньги.

– Сдается мне, – хмыкнула я, – расклад изначально не был справедливым.

Андрей бросил на меня быстрый взгляд:

– Иногда ты бываешь такая умненькая, что мне просто страшно.

– Иногда? – уточнила я, предпочтя смотреть в окно, а не на довольно жмурившегося котяру, в которого в один миг превратился знакомый мне Андрей.

– Чтобы утверждать категорично, у меня недостаточно статистических данных, – добродушно рассмеялся он. И тут же резко сменил тон: – А что за девица была рядом с тобой?

Стоило признать, он сумел меня удивить:

– Анна Филоненко. Из моей группы, – развернулась я к нему. – Ты с ней знаком?

Ждать ответа пришлось довольно долго – объезжали место аварии, но он последовал:

– Не с ней, с ее матерью.

– И чем так интересна эта женщина, что ее дочь привлекла твое внимание?

Андрей скривился, бросил взгляд в зеркало заднего вида и втопил педаль газа, успев проскочить на мигающий зеленый.

– Не поняла? – оглянулась я, запоминая оставшиеся за чертой машины.

– Привычка, – хмыкнул он.

Получилось почти искренне. Не будь я эмпатом, поверила бы.

– Так что там с матерью Анны? – точно зная, что на второй, так и не заданный вопрос ответа не получу, вернулась я к первому.

– Она хедхантер. Охотник за головами, – вновь посмотрел он в зеркало заднего вида.

– Кто? – не поняла я.

– Охотник за головами, – повторил Андрей. – Ищет специалистов под заказ. Работает серьезно, но не всегда чисто.

Задумавшись, сложила губы трубочкой. Потом прикусила губу, вспоминая нюансы поведения Анны.

– Думаешь, Анечка совмещает в академии приятное с полезным? – произнесла я язвительно.

– А это ты мне скажи, – тут же нашелся Андрей. – Или она еще не начала тебя обхаживать?

– Начала, – вынуждена была признаться я, довольно легко оценив ее поведение с нового ракурса. – Теперь понятно, чем ей Струпынин не угодил.

– Близок локоток, да не укусишь? – скосил на меня глаза Андрей.

– Точно! – фыркнула я, тут же решив удовлетворить уже собственное любопытство. – А ты в курсе, что в академии учатся родственники императора?

– Считаешь, что должен? – оскалился довольной улыбкой он.

Выглядел он сегодня шикарно. Темно-серый элегантный костюм. Немногим более светлая рубашка. Галстук...

На заднем сиденье лежало небрежно брошенное туда пальто из тонкой шерсти.

Да и ощущался он каким-то... не мирным – умиротворенным.

– У отца все нормально? – спросила я и, следуя наитию, посмотрела в зеркало заднего вида.

Темно-зеленый седан... Номер я не запомнила, а вот разбитую фару – да.

– Девятнадцатого покидают дворец. Двадцать первого должны перейти границу.

– Значит, конец месяца... – прикинула я по времени, когда можно ждать отца в Москве. – А как вы собирались его воскрешать? – вспомнила я про сожженное поместье.

– А кто сказал, что мы собирались его воскрешать? – как-то странно посмотрел на меня Андрей. – Если бы дело было только в бумагах...

Мне только и оставалось, что качнуть головой. И ведь почти клялись, что папа доберется до границы, заберет то, что там спрятали, вернется и...

В то, что заживем как нормальные люди, я уже тогда не верила. Как оказалось, правильно делала.

– Саш, – протянув руку, взял мою ладонь Андрей. – Ты же понимаешь...

– Не понимаю, – буркнула я. Очень хотелось обидеться, но...

Они исчезали. Андрей с Ревазом. То по одному, то сразу вдвоем. Потом возвращались, но лишь для того, чтобы снова исчезнуть.

Когда возвращались, привозили мне подарки. Рассказывали о том, где были, с кем встречались, но я чувствовала ложь, в которой лишь иногда проскальзывало что-то похожее на правду.

Но я не обижалась и тогда. Знала, что у мужчин есть свои тайны, о которых они должны молчать, чтобы не пугать маленьких девочек.

Впрочем, больших – тоже.

Но они, даже не догадываясь об этом, пугали.

Самый большой детский страх... Страх, что папа однажды уедет и уже никогда не вернется.

– Саш, – сжал он мою ладонь.

– Темно-зеленый седан с разбитой фарой, – фыркнула я, освобождая ладонь.

Он удерживать не стал. Положил руку на руль.

– Саш, – после очередного поворота вновь произнес он, – я хочу познакомить тебя с одним человечком.

– Молодой симпатичной барышней? – посмотрела я на него с насмешкой.

Вопреки ожиданию, моего тона он не принял. Да и взгляд, когда посмотрел, был... нет, не суровый, но без одобрения.

– Она знает твоего отца – вместе служили. И твою маму...

– Что?! – не ожидая такого, растерянно воскликнула я.

Андрей меня словно и не услышал:

– Ты только не смотри на нее... как целительница. И не спрашивай ни о чем. Может быть, когда-нибудь... Но не сейчас.

Я ничего не поняла, но кивнула.

Не смотреть... как целительница.

Он должен был понимать, что теперь я это сделаю обязательно. А вот что будет потом...

Об этом я не могла даже догадываться.

Вроде и центр города, но район был тихий.

Двухэтажное здание, на стоянке рядом с которым Андрей оставил машину, утопало в зелени так, что окна второго этажа полностью терялись за раскидистыми кронами.

Соседние в плане «маскировки» ему не уступали. И хотя начавшаяся осень уже украсила полотно желтыми, оранжевыми и красными мазками, ощущение летнего буйства здесь сохранилось в полной мере.

– Я даже не удивлена. – С помощью Андрея выйдя из машины, я увидела вывеску.

Просто и лаконично: «Ателье Мари».

Я хоть и не была москвичкой, но про это ателье слышала. Сначала от Тамары Львовны, княгини Трубецкой. Затем от Юли, упомянувшей, что именно в этом ателье заказывала платье для бала первокурсников. О нем говорила и Анна Филоненко, вспоминая о том же самом бале, намеченном на конец сентября.

Теперь же, после состоявшегося в машине разговора, успех этой самой Мари, неожиданно занявшей весьма лакомую нишу нарядов для юных барышень, только вступающих во взрослую жизнь, получил если и не объяснение, то хотя бы намек на него.

Покровительство князя Трубецкого.

Или его жены.

Или их обоих.

Еще бы разобраться с причиной, но и тут можно было проследить связь между стрелковым клубом, хозяином которого был Андрей, и ателье, хозяйкой которого являлась знакомая ему Мари.

Возможно, то, что я чувствовала сейчас, называлось ревностью, но эту женщину я уже заранее не любила.

– Это платье я заказал для тебя на бал первокурсников, – подставляя локоть, прокомментировал мое заявление Андрей.

– А мерки ночью снимал? Пока я спала, – ухватившись за руку, продолжила я бурчать.

И ведь полностью осознавала, что веду себя как махровая эгоистка.

– Зачем ночью? – вроде как не понял намека Андрей. – Взял кое-что из твоей одежды...

– Так ты еще в моих тряпках копался?! – остановившись, возмущенно воскликнула я.

Андрей, потому как я «стояла насмерть», замер тоже. Развернувшись ко мне лицом, недовольно качнул головой:

– Похоже, я поторопился, назвав тебя умной.

Спустя пару секунд «бодания», отвела взгляд и тихо прошептала:

– Извини.

Он притянул меня к себе, обнял:

– Эх, Сашка, знала бы ты...

Судя по горечи, с которой он не произнес – выдохнул эти слова, мне лучше было не знать.

Простояли мы так недолго. Да и не стоило привлекать к себе пристального внимания. На стоянке у ателье находилась не только наша машина.

– Ну что, пойдём, горюшко мое, – отстранился Андрей, с улыбкой глядя на меня.

– Прямо-таки и горюшко? – вздохнула я. – Может, просто врединка?

– Ну если ты настаиваешь... – легко засмеялся он. – Пойдем, нас уже ждут.

Нас действительно ждали. Как только вошли, из-за стойки почти в самом центре большого холла вышла девушка и направилась к нам.

– Андрей Аркадьевич, барышня, – начала она, поздоровавшись, – Мария Николаевна просила проводить вас во вторую примерочную. Прошу следовать...

– Я знаю дорогу, – несколько резче, чем стоило, на мой взгляд, оборвал ее Андрей.

Та ступевалась, зыркнула исподлобья...

Если я правильно поняла то, что видела, кто-то по отношению к Андрею неровно дышал.

Андрей реакции девицы вроде как и не заметил, чему я совершенно не поверила. Провел меня к зеркальной двери, что находилась справа.

Та открылась, стоило нам подойти. Потом был широкий коридор, с дверями, на которых висели таблички с номерами.

Вторая оказалась в самом конце.

Андрей постучал и, не дожидаясь ответа, открыл ее. Придержал, пропуская меня вперед.

Заходила я с опаской. Сначала многообещающее предисловие Андрея. Затем собственные эмоции, вдруг показавшие, что в моем отношении к крестному есть что-то от желания прибрать его к рукам. И как вишенка на торте – слишком рьяно желающая услужить девица.

Стоило признать, девушка была миленькой. Но для Андрея слишком молоденькой. И дело не столько в возрасте, сколько в жизненном опыте. Крестный, насколько я его знала, пустышек не терпел.

Комната, в которую я вошла, оказалась большой и светлой. Впрочем, большего я разглядеть не сумела.

– А вот и вы. – Из-за ширмы, делившей помещение на две неравные части, вышла внешне очень молодая женщина, одетая в безупречно белоснежный брючный костюм.

Огромные зеленые глаза на приятном, слегка вытянутом овалом лице. Золотисто-рыжие непослушные волосы, небрежно убранные в пучок на затылке. Мягкие очертания подтянутого, знающего, что такое тренировки, тела. Уверенность в себе, которая читалась не только в направленном на меня взгляде, но даже в том, как она двигалась.

И целительский дар. Не теплый, способный стереть боль, а холодный. Выгоревший.

Платьев было два. И от обоих трудно было глаз отвести.

Одно – атласное, жемчужное с открытыми плечами, отделанными лебяжьим пухом. Второе – кремовое. Светлое кружево с блеском на более темном шелковом подкладе.

– Говоришь, прием в загородном поместье? – в очередной раз обходя подиум по кругу, пробормотала Мария Николаевна.

Сложить мнение о ней за те несколько минут, которые прошли с момента нашего знакомства, у меня не получилось – в голове был сумбур, но то, что, выгорев дотла, она не просто жила, но и увлеченно занималась интересным делом, вызывало уважение.

– Два десятка молодых людей. И столько же взрослых, включая главу рода, – счел нужным добавить драматизма Андрей.

В отличие от меня, застывшей как изваяние на том самом подиуме, крестный после того, как помог мне снять пальто, устроился в стоявшем у самого окна кресле. И, судя по довольному виду, чувствовал он себя там более чем превосходно.

– И в чем состоит наша задача? – почти как я, задумчиво вытянула она губы трубочкой. Потом резко выдохнула и твердо посмотрела на меня. – Твой парень среди них будет?

– У меня нет парня, – хоть и несколько опешила от такого вопроса, но быстро ответила я.

– Будет, – хмыкнул Андрей. – И целых два.

– А кто второй? – заинтересованно свела я брови к переносице.

Ладно, если быть честной, то Игоря вполне можно назвать моим парнем. По крайней мере, возможность позвонить мне он находил и теперь.

– Тогда их уже трое, – с улыбкой сделал парадоксальный вывод Андрей.

– Ничего не поняла! – качнув головой, недовольно бросила я.

– Поэтому я и сказал про недостаточность статистических данных, – рассмеялся Андрей.

– Зато я, кажется, поняла, – переведя взгляд с меня на крестного и обратно, кивнула Мария Николаевна. – Не то и не другое. Я сейчас, – добавила она и буквально выскочила из комнаты.

Я дождалась, пока перестану ее чувствовать, и только после этого спросила:

– Как она выжила?

Андрей, скривившись, поднялся. Подошел к окну. Встал, упершись в подоконник руками.

А я подумала, что в этом царстве красоты и гармонии мой вопрос был лишним, но он был уже произнесен и требовал ответа.

И ответ последовал. Только это был не тот ответ, которого я подспудно ожидала:

– Она выжила благодаря тебе.

– Что?! – нахмурилась я.

– Саша, – развернулся он ко мне, – давай отложим этот разговор. Он не для этого времени и не для этого места.

Я была с ним согласна, но дух противоречия! Бороться с ним бывает нелегко.

– На ней живого места нет! Она же вся...

– Александра! – рыкнул он, мгновенно возвращая меня на землю.
Не время и не место...

Вдох, выдох... как он учил. И еще раз. И еще... пока сердце не забилося ровно и спокойно.

– Хорошо, – не без труда выдавила я из себя улыбку, – но мы обязательно закончим этот разговор.

– Обязательно закончим, – с явным облегчением улыбнулся и Андрей. – Так ты про третьего поняла?

В этот раз пришлось хмыкать мне. Вот умел он переворачивать с ног на голову.

– А второй – это Иван Струпынин? – уточнила я, надеясь, что это натолкнет на правильную мысль. Когда Андрей кивнул, отрицательно мотнула головой. – Можешь исключить из своего списка. Он уже присмотрел себе подружку.

– Случайно, не Анну? – вроде как забеспокоился Андрей.

– Считай, что одной проблемой у тебя меньше, – уже увереннее заулыбалась я. – Ольга Морозова. Дворянка. Москвичка. И очень симпатичненькая.

– Ты меня прямо успокоила! – взмахнул руками Андрей. – А то я... Извини, – достал он из кармана магофон. – Да, Данила Евгеньевич, я. – Пауза была короткой. – Что?! – взревел он. – Князь уже... Да, скоро будем.

– Что случилось? – соскочила я с подиума.

Оглянулась на открывшуюся дверь...

Мария Николаевна стояла на пороге, держа в руках ворох чего-то пудрово-розового, и с тревогой смотрела на Андрея.

– Попытка похищения Яны. Сергей отбил, но...

Слова звучали вновь вернувшимся кошмаром.

Кошмаром, о котором все уже успели забыть.

* * *

Пока находились в ателье, погода успела окончательно испортиться. Поднялся сильный ветер, норовя распахнуть полы незастегнутого пальто. Из низких серых туч закапало. Не как это

бывало летом – ливанет так ливанет, а словно влажная взвесь повисла в воздухе.

Неприятное ощущение, от которого очень хотелось сбежать.

Я и сбежала, нырнув в нутро машины. Только успела устроиться, расправив пальто под ремнем безопасности, как зазвонил мой телефон. Достав его из кармана, глянула на экран.

– Кто? – вырывая со стоянки, тут же отреагировал Андрей.

– Игорь, – вздохнула я под аккомпанемент дернувшихся вправо-влево дворников.

Если правильно понимала ситуацию, этот звонок был продолжением начавшийся в примерочной истории.

– Дай, – подтверждая предположение, протянул руку Андрей.

Отдав телефон, опять вздохнула.

И не важно, что он был прав. Чувствовать себя под тотальным контролем оказалось обидно.

– Это Андрей Аркадьевич, – не дав Игорю сказать ни слова, представился Андрей. – Значит, так, – продолжил он после короткой паузы, – все под контролем. И чтобы никаких самоволок! Сидите на... – Взгляд на меня, и фраза осталась незаконченной. – Если не хотите провести день рождения Антона на губе, ведёте себя прилично. Вечером позвоню сам и расскажу все, что узнаю. – Еще одна пауза. Лучше бы без нее, голосом Андрея уже можно было промораживать реки. – Ты с кем собрался спорить, салажонок? Ты мне сначала научись хотя бы девяносто из ста выбивать, а потом уже... Короче, я предупредил. И давай по-хорошему, а не то... Уф, – отдавая мне телефон, довольно улыбнулся Андрей. – Нормальная смена растет. Борзая.

– А я уже успела испугаться, – все еще оставаясь под впечатлением, несколько робко улыбнулась я и тут же, заметив появившуюся на его лбу морщинку, перевела разговор на нейтральную тему: – А он что, действительно не выбивает и девяноста?

– Выбивает, – скосил на меня глаза Андрей. – Но через раз.

– А Антон? – продемонстрировала я энтузиазм.

– Этот чуть лучше. А твой Трубецкой...

– А с чего это он мой?! – искренне возмутилась я.

– Подрастешь – поймешь, – буркнул Андрей.

– Не очень-то и хотелось, – чуть слышно прошипела я, оставив последнее слово за собой.

Демонстративно отвернулась к окну...

Дождь так и повис над городом. Дворники стирали его с лобового стекла, но он обволакивал машину снова и снова, намекая, что не нам, людишкам, с ним бороться.

И ведь не бил каплями, а действительно висел в воздухе, возникая словно ниоткуда.

Несмотря на проведенные в Москве три недели, опознать, где именно сейчас находимся, я не сумела. А еще и царство серого вокруг, в котором совершенно терялись ориентиры.

Можно было, конечно, включить навигатор...

– Известно, кто напал на Яну? – не выдержав молчания, уже через пару минут спросила я.

– Да, но без подробностей, – ровным тоном, словно не я его только что доводила, отозвался Андрей.

– Кто? – чуть развернулась я, машинально бросив взгляд в зеркало заднего вида.

Будь внедорожник обычным, в этой пелене ничего бы не увидела, а вот с магемой усиления могла рассмотреть даже сколы на бампере идущей следом машины.

– Темно-зеленый седан с разбитой фарой, – приметив знакомую технику, бросила взгляд на Андрея.

– Видел, – скривился он. – Ребята уже выясняют, кто такой наглый.

– А я думала, ты меня тренируешь, – нахмурилась я. Поерзала, насколько позволял ремень безопасности. – А почему не оторвешься?

– Саш, – тяжело вздохнул Андрей, – ты можешь немного помолчать?

Я, конечно, могла, но...

– Андрей, а что случилось с Марией? – обхватила я себя за плечи.

Чтобы развернуть малую диагностическую магему, мне потребовалось чуть больше двадцати секунд. Могла и быстрее, но привлекая чужое внимание. А так... всего лишь сняла пальто и подала его Андрею.

Отклик заставил поежиться. Полевые следы ранений были аккуратно «затерты» опытным целителем, который работал с ней, но

все равно «читались», оставаясь фактически мертвыми участками.

Но по сравнению с дырой в нижней части живота – удаленные органы, это была просто мелочь.

– Это не быстрый разговор, – вопреки ожиданиям, все-таки откликнулся Андрей. – Держись!

Команду я выполнила быстрее, чем осознала, что именно он приказал. Вцепилась в ручку над дверью...

Поворот был резким, уже практически под красный, но вписались мы в него мягко. Только и мотнуло туда-сюда, да из-под колес плеснуло стекающей к бордюру водой.

– Ждал момента? – расслабившись, сложила я руки на колени. Вроде как пай-девочка.

Андрей моей выходки не пропустил, но только дернул губой, намечая улыбку:

– Ждал, когда надоест.

Я кивнула. Да, Андрей такой. Тихий-тихий, а потом раз – и понимаешь, что лучше было его не доводить.

– А что касается Марии, – неожиданно продолжил он, – я тебе обязательно расскажу эту историю.

– Когда? – уже серьезно спросила я.

– Вот разберемся...

– Завтра! – перебила я его. – Я приеду в клуб, и мы поговорим.

Как ни странно, спорить он не стал. Лишь закаменел, словно давая понять, что вряд ли его рассказ мне понравится.

Практически дежавю...

Та же гостиная дома профессора. Те же люди, если не считать дополнительно присутствовавшего здесь следователя, который общался со мной после попытки похищения мальчика. Вот только Яна, в отличие от того случая, выглядела спокойной. Я бы даже сказала, довольной.

– Значит, он представился журналистом?

Людмила Викторовна и Данила Евгеньевич сидели рядом с Яной на диване, подпирая ее с двух сторон. Юля устроилась там же, только на подлокотнике, рядом с отцом. Кирилл забился в кресло за журнальным столиком. Похоже, опасался, что его могут выгнать.

Сергей и следак – кажется, Варланов – на стульях у накрытого ажурной скатертью стола.

Я стояла за спиной Юли – лучшее место для наблюдения за остальными. Андрей тоже стоял... у двери, словно опасаясь, что кто-нибудь сбежит.

А вот князь Трубецкой, с которым мы приехали практически одновременно – крутая черная тачка с водителем и две машины с охраной, мерил шагами комнату. Туда-сюда. Туда-сюда. И от этого мельтешения лично я чувствовала себя некомфортно. Вроде и не виновна, но память усиленно искала в своих закоулках, не забыла ли чего.

– Да, Трофим Иванович, – с победной улыбкой отозвалась Яна. Еще и грудь вперед выставила.

Вроде и шестнадцать лет, а девчонка девчонкой. Да еще и характер...

Правда, последние события ее несколько изменили. Вопреки возможным последствиям, сделали Янку более живой. А то ведь даже я почувствовала всю прелесть ее въедливости.

– Он подошел, назвался журналистом, – продолжила между тем Яна. – И сразу спросил про Антонину Ушакову. Когда и как я с ней познакомилась.

– А где в это время была охрана лица? – остановился как раз напротив Яны Трубецкой.

– Когда я...

– Помолчи, – не оглянувшись, оборвал Сергея князь.

Я думала, Андрей был грозен, когда разговаривал с Игорем по телефону. Я ошибалась. Трубецкой-старший даже голоса не повысил, а я едва не вытянулась в струнку.

– Да не было никого. – Янку устрашающий вид князя ничуть не напугал. – В холле лица на выходе двое стояли, а на улице пусто. А я уже почти до ворот дошла, когда этот появился.

– Записи я забрал, – вставил свое слово следак. – Не ожидали, что так быстроотреагируем. Не успели удалить.

Трубецкой оглянулся, посмотрел на Варланова.

Я бы на месте следака предпочла исчезнуть из поля зрения князя, этот же даже не вздрогнул. Лишь смотрел с легким прищуром, похожим на вызов. Мол, разве я не прав?

В чем именно прав – не прав, я могла предположить.

Вряд ли в московских лицеях система охраны была устроена иначе, чем у нас в Пензе. Внутренние посты – те, которые в самом здании. На каждом этаже, обязательно на выходе. Да и снаружи кроме стационарных точек еще и патруль, регулярно обходивший территорию.

Лицей, он ведь не только дает знания, но и обеспечивает безопасность. И не важно, что в империи действовало негласное правило детей до восемнадцати лет в родовые войны не втягивать. Желающие заполучить лишний аргумент в споре всегда находились.

Потому дворянских детей, особенно тех, что породовитей, и охраняли. И весьма серьезно.

А тут...

Ясно, что без сговора не обошлось. Оставалось только понять, чем руководствовалась охрана, позволяя подобное на своей территории. Деньги деньгами, но ведь была еще и репутация. Не говоря уже про закон.

– Если вы не против, ваше превосходительство, я заеду туда завтра утром, – перетягивая внимание на себя, как-то... особенно мягко произнес Андрей.

– Сегодня, – отводя взгляд от следака, коротко бросил Трубецкой-старший. – Сейчас Яна нам все расскажет...

– А чего там рассказывать?! – беспечно пожала плечами Янка. – Я отказалась отвечать и хотела уйти, когда он схватил меня за руку. Собрался надеть антимагические браслеты...

Трубецкой в этот момент дошел до журнального столика. Замер, прежде чем развернуться.

Себя он контролировал безупречно, но я прекрасно чувствовала, каких усилий это требовало. Не знаю уж, что его так взбесило, но ощущение готового все спалить огня было явственным.

– ...а я вывернулась, – ничего не заметив, продолжила Яна, – и как ударила огненным шаром! Тут еще один откуда-то прибежал. Обхватил меня сзади. Ну, думаю, все, попалась. А тут Сергей...

– Я ее обычно ждал у машины, а тут смотрю, минивэн к самым воротам подъехал. Из него вышли трое – и сразу во двор лицея. Ну и...

– Что со спиной? – нашел Трубецкой-старший новый объект для изучения. Взглядом только что насквозь не просверлил.

– Нормально. – Сергей почти скопировал у Яны движение плеч.

– Действительно нормально, – подал голос Данила Евгеньевич. – Думаю, что месяца через два можно будет оформлять полный допуск.

Трубецкой-старший качнулся с пятки на носок и обратно, бросил на меня нечитаемый взгляд.

И ведь не боялась я его больше, но предпочла прикрыться Юлей.

На всякий случай.

– Ну, хоть что-то хорошее, – отведя от меня взгляд, все тем же безразличным тоном произнес князь. – Номер машины записал?

– Обижаете, ваше превосходительство, – по-видимому посчитав, что самое страшное уже позади, слегка повеселел Сергей. – Да я и без нее вам скажу, чьих рук дело. Одного сразу узнал, да и второго видел.

– Ну и чьих же? – вновь качнулся вперед-назад Трубецкой. Потом заложил руки за спину.

– Служба безопасности рода Ушаковых, – опередил Сергея следак. – Уж очень ему нужны были подробности. Глава настаивал на частичном раскрытии информации, но вы же...

– И зная это, ты не поставил меня в известность? – мягенько так, едва ли не мурлыкая, поинтересовался Трубецкой.

Не знаю, как остальным, но лично мне Варланова стало жалко. Да, он прокосячил, и серьезно, но...

Впрочем, нам оставалось только радоваться, что все закончилось так, а не иначе.

Да и закончилось ли?!

Некоторые, чтобы добраться до истины, сметают перед собой любые препятствия.

* * *

В поместье Ушаковых Трубецкой приехал ближе к одиннадцати. Не утра – практически ночи.

Он и хотел бы пораньше, но пока разобрался со всеми обстоятельствами, пока доложил императору, державшему дело о

маньяках на особом контроле – такой удар по репутации соответствующих служб империи, пока определились с позицией...

Князь его ждал, прекрасно понимая, что в некоторых ситуациях не до соблюдения правил приличия. Не говоря уже про гонор.

– Ну, здравствуй, Борис Сергеевич, – входя в малую гостиную, где дожидался его Ушаков, первым поздоровался Трубецкой.

Конкуренция конкуренцией, но это там, где речь шла о бизнесе. Сейчас же говорить собирались о государственных интересах, а это совершенно иной уровень.

– Здрав будь, Трофим Иванович, – отложив газету, которую читал, довольно тяжело поднялся с дивана глава рода.

Не кичась тем, что по возрасту значительно старше, да и род на пару сотен лет древнее, пошел навстречу. Протянул руку.

– Неправильно это, когда встречаемся только по таким поводам, – нарочито вздохнул, когда закончили с приветствиями. Указав на одно из двух кресел у невысокого столика, дождался, когда Трубецкой устроится. – Выпьешь или сразу начнешь с дерьмом смешивать?

– Ты не передергивай, Борис Сергеевич, – хмыкнул Трубецкой.

Это у Соболева он мог «гневаться», демонстрируя свою готовность беречь и защищать, здесь же играли по иным правилам.

– Сразу уж... не передергивай, – ворчливо протянул старший Ушаков. Отошел к бару. Подняв крышку, окинул взглядом ровно стоявшие бутылки и графины. – Коньяк? Бренди? Наливочку?

Про любовь русского люда к наливочке, да еще и собственноручно изготовленной, Трубецкой думал уже не раз. Последний – когда с князем Мещерским размышляли о будущем детишек.

Тогда можно было и наливочку. Как раз шла в тему. Сейчас же хотелось чего-нибудь пожестче. Что бы так же грубо и откровенно, как сложившаяся ситуация.

– А если водочки? – произнес он, словами опередив собственные мысли.

– Можно и водочки, – не стал спорить с ним Ушаков. Прихватив бутылку беленькой и рюмки, перенес на столик. – От закусочки не откажешься? – разлил он по первой.

– Как в прошлый раз? – напомнил Трубецкой о последней их встрече.

Было это года два назад, на охоте...

Охоту Трубецкой не любил – и не сказать, что жалел зверье, просто на войне настрелялся не на одну жизнь вперед. Но мясом того же кабанчика не брезговал. Под ту самую водочку.

Тогда пересеклись большой компанией. Охоту организовывал цесаревич Дмитрий Владимирович, что обуславливало высокий статус присутствовавших.

Впрочем, старших князей было немного – с десятков наиболее приближенных к трону, большинство же родов представляли как раз княжичи – наследники. Вот этих собралось за три десятка.

Будущая опора...

Перепились все практически до полного бесчувствия. Но это не просто так, а стараниями старшего поколения, решившего проверить молодежь на прочность. А то, что практически всей этой... молодежи уже к сорока или за сорок...

– Сало на черном хлебушке? – лишь теперь посмотрел на него Ушаков. С ухмылкой. Мол, помню, помню...

Помнить было что. До мордобоя не дошло, но остановил не здравый смысл, а присутствие цесаревича. Сдержались в последний момент. Решили, что разногласия не стоят того, чтобы потерять лицо.

А разногласия между ними были. Сколько Трубецкой себя помнил, все что-то не могли поделить.

– С грибочками и селедочкой.

– Будет тебе закусочка, – расплылся в довольной улыбке Ушаков, тут же рявкнув: – Еремей!

– Да здесь я, – просунул голову в приоткрывшуюся дверь старый слуга Ушаковых.

Зыркнул на Трубецкого, на столик с бутылкой беленькой и... исчез.

– Сейчас все подготовит, – заверил его Ушаков. – Он, конечно, уже стар, но что к чему еще соображает. Ну а мы пока... – протянул он Трубецкому до краев наполненную рюмку.

Выпили молча. Подышали.

Князь Мещерский в свои годы был крепок. Но он и раньше отличался мощью. А вот Ушаков всегда выглядел поджарым. Сейчас же эта поджарость воспринималась худобой.

Думать о том, что сдает старик Ушаков, Трубецкому не хотелось. Хоть и бывали у них стычки по делу и без, но к главе рода Трофим Иванович относился с уважением. Как и к любому, кто и прошлое помнил, и в будущее смотрел. Ну и за честь рода стоял горой, не позволяя ни себе, ни другим обесценивать заработанное предками.

– За сына я отвечу, – неожиданно произнес Ушаков.

Забрав у Трубецкого рюмку, наполнил вновь. Поставил.

– Его это была разработка. До последнего не верил, что вместо лекарства, способного поддерживать разум стариков, получил такую отраву. А как поверил, как тень самого себя стал. К делам не придраться – все в срок, но взгляд пустой. Жена его грозилась любовника завести, если не вспомнит, что супруги встречаются не только на ужине. А потом, когда не помогло, уехала в калужское поместье. Да и осталась, фактически его бросив. Тонька заставила очнуться, но поздно. Вот и рвет его. Сам не осознает, что творит.

Трубецкой хотел сказать, что понимать – понимает, однако старшего сына Бориса это не оправдывает, но был вынужден промолчать. Вернувшийся Еремей осторожно водрузил заставленный тарелочками и плошками поднос на столик. И, не получив новых распоряжений, тихо вышел из кабинета.

А Ушаков продолжал стоять.

Скорбное извятие...

Четверо сыновей у него было и дочь. Дочь умерла в трехлетнем возрасте – не уследили няньки, вывалилась из окна детской да насадилась на ограждение небольшой клумбы, находившейся под ним. Двое сыновей, которые старшие, погибли во время персидского конфликта. Ни жен, ни детей. Из оставшихся двоих Борис – химик-фанатик, с намеком на гениальность. А Иван...

Иван был силен по дару, да и разумом холоден, но на шесть лет младше своего брата. Решить вопрос по наследованию, конечно, можно было бы и иначе, но без серьезных на то оснований не принято отодвигать старших в пользу младших.

А пять лет назад ушла за грань жена князя. Тихо ушла. Просто не проснулась.

– Я буду просить императора передать княжеский титул Ивану.

Трубецкой хоть и вздрогнул внутренне, но внешне этого никак не показал. А то, что думали в одном направлении... Если говорить о

выживании рода, то решение было правильным и своевременным, но вряд ли далось князю легко.

– Ты ведь в курсе, что у тебя в клубах наркотой торгуют? – прихватив с тарелки кусок черного хлеба и положив на него пару почти прозрачных ломтиков сала, вроде как мимоходом поинтересовался Трубецкой.

– Посмотри на меня! – выпрямился вдруг Ушаков. – Мне семьдесят девять, давно пора от дел отойти...

– Мещерский...

– Ты мне Мещерским в морду не тычь! – взъярился Ушаков. – Семь лет разницы в нашем возрасте – почти пропасть. Стар я! Не только телом, но и духом! Мне пора в могилу, к Валентине, а я...

– У тебя кроме Антонины еще шестеро внуков, – жестко перебил его Трубецкой. – С Иваном я тебя поддержу, но вот нытье твое...

– Сосунок ты...

– Уважая род Ушаковых, государь приказал не предавать дело огласке, – поднялся Трубецкой. Бросил взгляд на закуску...

Пообедать сегодня не удалось, только кофе перехватил. Да и с ужином не получилось.

А уж когда до дома доберется...

– ...но виру Соколовым ты выплатишь. Размер сам определишь, но не продешеви. Сильно ты им должен. А чтобы уж совсем вину загладить, поговори с братом. Пусть все-таки пробьет для академии военную кафедру.

– Зачем? У них же есть начальная военная подготовка, – резко обмякнув, едва ли не устало поинтересовался Ушаков. Сел в кресло, потянулся за пустой рюмкой...

Трубецкой перехватил руку. Отпустил, лишь наполнив рюмку водкой. Пододвинул закуску, догадываясь, что после его ухода старый князь просто напьется, насколько позволит здоровье.

Конкурент – не враг, победа над ним не доставляет удовольствия.

Да и победа ли это... Если Иван не исправит то, что натворил старший брат, больше будет похоже на закат сильного рода.

– Затем, – вздохнул Трубецкой, – что обучение на кафедре дает офицерское звание. А это привилегии даже в гражданской жизни. Не считая возможности построить военную карьеру.

Ушаков, успевший опустошить рюмку, только кивнул. И вновь потянулся за бутылкой...

Хлопонин дожидался на выезде из поместья Ушаковых. Постелив газетку, сидел на подножке внедорожника.

Когда машина Трубецкого остановилась напротив, неторопливо встал, отряхнул пальто и, бросив ключи вышедшему бойцу, залез внутрь, заняв место спереди.

– Страна непуганых идиотов, – скупно бросил он, как только машина набрала скорость.

– Еще раз, – скривился Трубецкой, не ожидая подобного начала разговора.

Андрей развернулся, посмотрел с чем-то похожим на обиду во взгляде. Мол, я вам... а вы...

Паяц! Но с этим уже поздно было что-то делать.

– Страна непуганых идиотов, – довольно неожиданно сменив тон, повторил Хлопонин. – Там даже подкупать никого не пришлось. Они просто в это время вместе обедают. Оставляют двоих внутри, а сами по пивку.

– Ты серьезно? – не поверил Трубецкой.

На охрану учебных заведений требовалась отдельная лицензия. И чтобы ее получить...

– Более чем, – зло выдавил из себя Андрей. – Бардак полный. Спрашиваю у директора, что он думает по этому поводу, а он ни бе ни ме... Вроде у них все в порядке, и никаких нареканий. А то, что ребенка чуть насильно не увезли с территории, досадное недоразумение.

– Подожди, – мотнул головой Трубецкой. – Там же «Борец» стоял. Мы их...

– «Борец» там уже год не стоит, – перебил его Хлопонин. – «Борец» брал за охрану дорого, вот они и решили сэкономить.

– Это все? – Трубецкой окончательно «успокоился».

Те, кто его знал хорошо, предпочитали, чтобы кричал. Потому как пока кричал, головы оставались на месте, а вот если начинал говорить вежливо...

– За Сашей следят, – отзеркалил его интонации Хлопонин. – Машину пытались пробить, но там все концы в воду.

– Вместе с машиной? – Трубецкой без труда сообразил, о чем тот сказал.

– Я поторопился оторваться, – поморщился Андрей. – Надо было потаскать за собой. Смотришь, бойцы и нарыли бы что.

Трубецкой был согласен, что поторопился, но...

Знать бы наперед, где подстелить.

– А сам что думаешь?

– Ничего я не думаю, – нахмурился Хлопонин. – Действовали топорно, чуть в задницу носом не тыкались. Вроде как напоказ. А вот когда мы оторвались, тут они класс и показали. Бойцы даже дернуться не успели. Но с этим мы разберемся, а вот что меня сейчас больше интересует, так это Лука. Очень интересный персонаж.

– И чем же он тебе так интересен? – расслабился Трубецкой.

С Хлопониным было тяжело – характер, но весело, если так можно было назвать стиль их работы.

– Трофим Иванович, – с наигранным возмущением протянул Андрей, – что ж вы сразу не сказали, что подписываете нас на очередной блудняк.

Водитель хмыкнул, но тут же смолк, поймав тяжелый взгляд Трубецкого в зеркале заднего вида.

– Так на него я вас давно подписал, – ухмыльнулся Трубецкой. Умел он внушать... когда на то было желание. – Еще когда с Ревазом полезли куда не стоило. Так что надо было раньше...

Трубецкой прекрасно знал, что заставляло его окружать себя вот такими, как Хлопонин. Дерзкими, но осознающими границы. Рисковыми, но ценившими жизнь. Задиристыми, но прекрасно понимавшими, чего это им может стоить.

С ними он был молодым. И таким же дерзким.

Глава 4

Бах! Бах! Вперед и вправо. Взгляд на мишень. Бах! Бах!

– Стоп! – скомандовал исполнявший сегодня роль инструктора Владимир. – Если закончил, разрядить оружие, показать.

Извлекла магазин, открыла затвор, показала Владимиру пустой патронник.

– Разряжено. Контрольный спуск. В кобуру.

Закрывает затвор, опустила курок, поставила оружие на предохранитель и вернула в кобуру.

И только после этого позволила себе расслабиться. Сняла очки, стянула с головы наушники.

Час плотной тренировки – много. В галерее несколько дизайнов упражнений. Сетчатые рамы-перегородки-ограничители, мягкие горизонтальные и вертикальные блоки... Статичные и движущиеся мишени. А еще «безопасные объекты», за попадание в которые снимали очки.

Андрей хотел включить меня в команду клуба для участия в соревнованиях по практической стрельбе.

Я была только «за», но, чтобы продемонстрировать хороший результат, требовалось восстановить форму. А это – работа, работа и работа. А если вспомнить про нагрузки в академии...

Чтобы все успеть, предстояло очень постараться.

Андрей дожидался меня у стойки дежурного. Когда я, почистив и сдав оружие, приняв душ и переодевшись, вышла в коридор, кивнул бойцу и первым направился к выходу.

– Голодная? – поинтересовался он, когда оказались на улице.

Погода, последние дни испытывавшая нас на прочность, решила расщедриться и вернуть кусочек лета. И хотя было не так уж и тепло – я предпочла накинуть поверх футболки тонкую курточку, солнце светило ярко, старательно поднимая настроение.

– Нет, – продолжая идти рядом с ним по аллее, качнула я головой. – Перекусила в академии.

Перекус был плотным. Я помнила про разговор, который должен был у нас состояться после тренировки, потому и поела пораньше. Не

хотелось совмещать одно и другое.

– А ты? – на всякий случай уточнила я. А то мало ли... Голодный мужчина – страшный зверь. К такому лучше близко не подходить.

– Нет, – скорее отрезал, чем коротко ответил, Андрей.

Сегодня он был в камуфляже. Такой же, как большинство тех, кто находился на территории клуба.

Увы, «сливаться с местностью» ему это не помогало. Но не потому, что не мог этого сделать, скорее всего, просто не хотел.

– К Мещерским я тебя отвезу сам.

– Но...

– Саш, – даже не скосив на меня глаза, перебил он, – давай не будем спорить по мелочам.

– Надеюсь, эти мелочи не связаны со вчерашним седаном с разбитой фарой? – пробурчала я.

– До выходных тебя повозит Владимир, – проигнорировал он мой вопрос.

Впрочем, для понимания хватило и этого.

– Что случилось? – остановилась я.

Андрей сделал еще шаг и лишь после этого обернулся ко мне.

– На твоей машине нашли маячок.

Надо было что-то сказать...

Вместо этого взглядом зацепилась за рожицу, в сторону которой мы шли. Насколько я соотносила план стрелкового клуба с местностью, за ней должен находиться пруд для любителей позагорать и небольшое кафе.

Для солнечных ванн ветер был неподходящий, а вот посидеть на террасе...

– Дальность действия определили?

– Все-таки умненькая, – чуть заметно улыбнулся Андрей. – Да, небольшой. Метров триста – четыреста.

Я в ответ кивнула. Посадят какую-нибудь девчонку на мое место и заставят мотаться по Москве. А сами будут присматривать, вдруг где что и проявится.

– И это все? – на всякий случай уточнила я. Мало ли, забыл что.

– Тебе этого мало? – слегка приподнял бровь Андрей.

Я дернула плечом. Можно было бы и испугаться, но я посчитала, что пока рано. Да и Андрей...

Нет, осторожней я, конечно, буду, а вот впадать в панику, пока для этого отсутствовали веские основания, вряд ли.

– Ну тогда идем дальше, – подвел итог нашей беседы Андрей.

За рощицей действительно оказался пруд. Точнее, большое озеро, искусственным перешейком в самом узком месте разделенное на два водоема. Там, дальше, предпочитали проводить время любители рыбалки. Здесь – позагорать.

Для нас приготовили место в дальнем конце террасы. Почти у самой воды. Плетеный столик, такие же кресла. И что-то вроде ширмы, отгородившей от остального мира.

Официант принес кувшин с горячим глинтвейном, кружки и оставил нас одних.

Я ждала этого момента. Но и опасалась его. И ведь понимала, что прошлое – это прошлое, его можно только принять и сделать выводы, но сердце билось в груди так, словно от тех слов, что будут произнесены, зависело очень многое.

Судя по всему, Андрей тоже так считал. Был собран и деловит, как если бы готовился к бою.

Накинув на меня плед, усадил в кресло. Разлил глинтвейн по кружкам, подал одну...

Я, не таясь, наблюдала за ним. Лицо жесткое, без малейшего намека на улыбку. Взгляд пылает... А движения мягкие. Опасные.

– Андрей...

Он замер, глядя на воду. Когда окликнула, оглянулся. Посмотрел остро, с прищуром. Потом поморщился, кивнул, словно в ответ на собственные мысли...

Присаживаться он не стал. Взяв свою кружку, вернулся к ограждавшим террасу перилам. Встал, прислонившись к ним спиной.

– Рассказывать об этом должен не я...

– ...но так уж получилось, – закончила я за него. – Андрей, я уже взрослая девочка...

– От возраста некоторые вещи не зависят, – сделав пару глотков, заметил он.

Я согласилась. Тоже отхлебнула из кружки.

Глинтвейн оказался безалкогольным. С медом, специями, кусочками яблока и апельсина.

– Шрам у тебя на груди, – неожиданно произнес он.

Шрам действительно был. Небольшой, круглый, как от пули. И на спине. Но там совсем крошечный. Если не знать, не заметишь.

– Нас не было в крепости, когда все произошло. В селении, в тридцати километрах, одновременно заболело несколько человек. Подозревали тиф. Прежде чем объявить карантин, отправили твоего отца. Ну и нас в сопровождение. Тиф, к счастью, не подтвердился – виновны оказались ядовитые грибы, что тоже было странно, но разобрались со всем только поздним вечером и решили заночевать там же.

Андрей допил глинтвейн, вернулся к столу, налил еще. Когда бросил на меня вопросительный взгляд, качнула головой. Кружка была большой, мне должно было хватить.

– Сигнал о нападении на крепость получили в четвертом часу. Собрались, выдвинулись...

Тридцать километров по городу, это двадцать – двадцать пять минут. Если, конечно, без особого ограничения скоростного режима. А там, на границе с Афганистаном? По бездорожью?

– Мы уложились в двадцать семь, – понимающе посмотрел на меня Андрей. – Хоть и торопились, но ехали, внутренне не дергаясь. Крепость – это серьезно. Минные поля. Два периметра защиты. Пулеметы, автоматы, квадрокоптеры для контроля с воздуха. Магическая оснастка. На прочность нас пробовали не раз, но каждый все заканчивалось одинаково.

Он замолчал. Прищурился, глядя куда-то вдаль.

Когда погибла мама, мне было два года. Некоторые говорят, что пусть и мало, но помнят себя в этом возрасте.

Я не помнила ничего. Ни событий, ни тепла ее рук, ни ее голоса. Ни-че-го!

Но это никогда не мешало мне радоваться жизни.

Андрей. Реваз. Дядька Прохор...

Вниманием я никогда не была обделена.

– Дорога виляла, – вздохнув, вновь заговорил Андрей. – Крепость мы увидели, когда до нее оставалось около километра, как раз вывернув из-за холма. Она горела, что стало полной неожиданностью. Еще большей неожиданностью было отсутствие магического купола, снять который можно было, только уничтожив центр контроля, находившийся во внутреннем периметре и защищенный так, что даже

мы с Ревазом, пусть о нас и ходили легенды, не смогли бы до него добраться.

– Намекаешь на предательство? – теперь уже прищурилась я.

О той ночи мне рассказывали. Но совсем не так.

– Комиссия, которая разбиралась с этим делом, сделала вывод о халатности. Из ста пятидесяти человек живых чуть больше десятка. Практически все – вырезаны. Ну и наша группа, чей выход был согласован на самом верху. А так бы... – Он махнул рукой. – Ты уже несколько дней как прибаливала, отец держал тебя в госпитале. Просто на всякий случай. Анна оставалась дома. Ее убили сразу, она даже выскочить из спальни не успела.

– Подожди... – нахмурилась я.

Отставила кружку, подошла к Андрею, встала рядом.

– Я ведь правильно понимаю, что дом тоже был во внутреннем периметре?

– Правильно, – криво усмехнулся он. – Мы с Ревазом осмотрели все. Если восстанавливать картину произошедшего, то тревогу объявили, когда проникнувшая в крепость диверсионная группа уже всюю действовала внутри. Так что – да, без предательства там не обошлось. Вот только кто?!

– А Мария? Ты сказал...

– Марию, попавшуюся им первой, избили, жестоко изнасиловали, исполосовали и бросили умирать. Тебя вытащили из-под кровати, где ты пряталась, и проткнули металлическим прутком. Насквозь. Пришили к полу, как бабочку. Но Мария, даже в таком состоянии, продолжала тянуть тебя. И отключилась, лишь когда появились мы. С тобой Игнат справился, сил хватило. А вот на нее...

Я развернулась, уперлась ладонями в перила.

Плед, который едва держался на плечах, соскользнул, но я это лишь отметила.

Мне было два года. Сейчас – семнадцать. Прошло столько лет...

– Ты ведь рассказал это не просто так? – глядя, как ветер гонит волну к берегу, спросила я глухо.

В груди болело, словно тот металлический штырь вновь вошел внутрь. А еще было горячо.

Или горько...

– Не просто так, – повторил Андрей.

Тоже развернулся. Положил ладонь поверх моей.

Мы – вместе...

– Есть основания считать, что нападение на крепость было совершено только с одной целью. Убить Анну и тебя.

– Что? – скептически хмыкнув, посмотрела я на крестного.

Если предположить, что он прав, то кандидатур, кто мог желать нашей с мамой смерти, было лишь две: Воронцовы и Салтыковы. Но даже на мой дилетантский взгляд, версия не выдерживала критики. Изгнать из рода за самоуправство – одно, но убить...

– Саша, – взгляд Андрея был поразительно спокойным и уверенным, – я не знаю... не могу сказать тебе всего, но, поверь, для того чтобы избавить этот мир от тебя и Анны, были причины.

– Были или?.. – едва ли не шепотом спросила я, не пропустив того, как он заменил «не знаю» на «не могу».

– И есть, – подтвердил он то, о чем я только что догадалась.

И от этого мне стало... нет, не страшно – я разозлилась.

Это была моя жизнь.

И я собиралась ее прожить, несмотря на то что кто-то был против.

* * *

Вечер. Ночь. Утро...

Время шло, а я словно раздвоилась. Одна делала то, что должна была делать: готовилась к занятиям, общалась с семейством Соколовых, спала, что было очень даже удивительно после рассказа Андрея.

Вторая...

Вторая продолжала существовать в ритме произнесенной крестным фразы: «Есть основания считать, что нападение на крепость было совершено только с одной целью. Убить Анну и тебя».

Есть основания считать...

Если бы Мария не нарушила главный принцип моей будущей работы – жизнь целителя важнее жизни пациента, им бы это удалось.

Была ли я благодарна Марии за то, что продолжала существовать в этом мире? Конечно да!

Но... Признаться честно, не хотелось бы мне оказаться в ситуации, когда придется делать подобный выбор. Потому что любой из возможных вариантов был ошибочным.

Но пока я могла отодвинуть эти мысли и вернуться к тому, что казалось важным здесь и сейчас. Анатомия, биология, история государства Российского, латынь...

Пятница. Факультатива по медицине катастроф не было, как отсутствовала и начальная медицинская подготовка, от которой я оказалась освобождена, но, чтобы начать терять связь с реальностью, четырех пар вполне хватило.

Особенно «порадовали» на истории государства Российского. И без нее объем информации, который необходимо запомнить, серьезно зашкаливал, а тут... Даты, имена, события...

Все, что учили в лицее, но уже в более глубоком изложении, чтобы хватило для понимания причин, сформировавших российскую монархию именно в таком виде.

Лично у меня естественность этого процесса не вызывала особых вопросов. Не один, а череда сменявших друг друга сильных и харизматичных лидеров, способных где огнем и мечом, а где добрым словом и посулом успокоить самых амбициозных и заставить их исполнять принятые законы.

Впрочем, если говорить о законах, то большую часть из них обозначила сама жизнь. И свести их можно было к двум прямо относящимся к родам, являвшимся фундаментом, на котором держалось государство.

В первом четко звучало: чем ты сильнее... А дальше можно было продолжать про возможности, преференции и блага, которые получали укрепившиеся за сотни лет роды.

Во втором речь шла об ответственности. Чем больше дано, тем строже спросится.

Ну а все остальное...

Со всем остальным было как с латынью. Все ясно, но ничего не понятно.

Проще всего с мещанами: права и обязанности расписаны достаточно четко. Ни ошибиться, ни запутаться. А вот с дворянами и приравненными к дворянскому сословию значительно сложнее. Здесь читаем так, тут понимаем иначе... Главное, с какой стороны смотреть.

Телефон зазвонил, когда я только вышла из академии. Пришлось прибавить шаг, чтобы уйти с дороги желающих как можно скорее покинуть обитель знаний.

Свернув на боковую аллею, остановилась у ближайшей скамейки, бросила на нее сумку, из которой доносились истеричные трели.

– Привет! Что-то случилось? – с беспокойством спросила я, добравшись до телефона и ответив на звонок Игоря.

– Привет! – Он включил видеорежим. Как и я, Игорь был на улице. И тоже у скамейки. Только его, в отличие от моей, с веселенькой расцветкой, была скромно серой. – Это я хотел у тебя спросить, что случилось.

– Ты о чем? – не поняла я.

Общались мы с Игорем каждый вечер. Он коротко рассказывал о своих буднях, чаще всего сводя все к одному слову: нормально. А вот о моих делах расспрашивал подробно. Кто и какие предметы вел? Что проходили? Что спрашивали? Остались ли у меня вопросы?

Он даже пытался объяснять то, с чем я не справлялась с первого раза. Получалось неплохо! Едва ли не лучше, чем у наших преподавателей.

– Иван сказал, что тебя привез Владимир, – твердо посмотрел Игорь на меня. – У меня есть причины волноваться?

Я попыталась улыбнуться в ответ, но, судя по его взгляду, лучше бы даже не пробовала.

– Саш, – недовольно качнул он головой, – я ведь могу позвонить Андрею Аркадьевичу. Он, конечно, вряд ли будет рад...

– В моей машине обнаружили маячок, – согласилась я с тем фактом, что позвонить Андрею он действительно может.

А если еще и скооперируется с Трубецким-младшим...

Андрея стоило пожалеть. У него и так хватало забот.

– Трубецкой в курсе? – явно имея в виду Трубецкого-старшего, уточнил он.

Вместо ответа пожала плечами. Я бы тоже хотела быть в курсе, но делиться информацией, хоть она и касалась лично меня, никто не торопился.

– Вряд ли это Ушаковы, – задумчиво произнес он. Махнул кому-то рукой. – С ними, насколько я понял, вопрос закрыт.

– Это когда они успели? – удивилась я.

Прошлым вечером разговор об Ушаковых заходил, но все свелось к возможным извинениям главы рода и вире. Однако каким именно окажется возмещение, ни у кого даже мыслей не возникало.

– Ну вот... – по-доброму усмехнулся он. – Кто был сегодня в академии? Ты или я?

– Я, – улыбнувшись, вздохнула я. – Но я здесь училась, а не интересовалась новостями.

– Твоя правда, – кивнул он. – Если коротко, то старший Ушаков приезжал в академию и прямо при ректоре извинился за действия своего сына. А потом передал профессору документы на трехкомнатную квартиру в доходном доме в вашем же районе, выписанные на Яну.

– Круто! – порадовалась я за Соколовых.

Плохо, конечно, что все это стало результатом страшных для Яны событий, но... Главное, что закончилось все хорошо. Да еще и с прибытком.

– Извинился он и перед ректором, который является председателем ассоциации гражданских целителей. И сообщил, что его брат, военный министр, хлопотал перед императором об открытии в академии полной военной кафедры. И вроде как император благосклонно отнесся к предложению, так что он ждет положительного решения.

Я только развела руками. Военная кафедра в гражданском учебном заведении – весьма серьезно. Наше общество хоть и не было милитаризовано, но готовность грудью защищать Родину, если это потребуется, в нем ценились.

– А ты откуда узнал? – не удержалась я от вопроса.

На мой взгляд, после таких событий академия должна была бурлить. У нас же царила деловитая суета без малейшего намека на неординарные события.

– Я – от Тохи. Он от Яны, которая там присутствовала. Саш, – резко перескочил он, – ты извини, мне уже пора...

Я улыбнулась, прощаясь, но поторопилась. Он еще не закончил.

– Мы все просим тебя быть осторожной. Мы понимаем, что не чета стрелковому клубу, но...

– Я все осознала! Буду осторожна! – торжественно заверила я Игоря и, помахав рукой, отключилась.

Расслабиться после разговора не успела.

– Ты не знаешь, кому она обещала быть осторожной? – неожиданно произнесли совсем рядом.

Едва не уронив телефон, огляделась. Позади – никого. Справа...

– А пугать обязательно? – недовольно поинтересовалась я у появившейся из-за кустов парочки.

Кир и Петр.

И ведь видела, как шли в сторону стоянки. Еще и задержалась в корпусе, чтобы не пересечься.

И хотя вела себя парочка теперь довольно скромно, но тот случай на стоянке сидел в памяти, намекая, что от этих непростых парней лучше держаться подальше.

– Что за фифа уехала на твоей машине? – проигнорировав вопрос, первым пошел в атаку Петр. – Думал, ты, подхожу ближе, а там какая-то кикимора.

– Кикимора? – пытаюсь обратить все в шутку, вроде как испугалась я. – Так их же уже пару сотен лет как вывели! Неужели...

– Разговаривать серьезно она не собирается, – без малейшего намека на иронию перебил меня Кир.

Он же Кирилл. Кирилл Орлов. И не седьмая вода на киселе, как охарактеризовала Анечка его родственные отношения с императорским родом, а значительно ближе и плотнее.

У императора Владимира, долгих ему лет жизни, три брата. Среди них – Михаил Алексеевич Романов, великий князь, возглавлявший в настоящее время министерство внутренних дел. У Михаила – четыре сына и две дочери, одну из которых – Елену, выдали замуж за князя (на тот момент княжича) Григория Орлова.

Вот именно эта пара и произвела на свет Петра и Кирилла. Погодков.

Кирилл был старше и основательнее. Петр, как говорят, хоть и младше, но умнее. Потому и учился сейчас в академии вместе с братом.

– И что нам было делать? – что удивительно, совершенно не ерничая, поинтересовался Петр. – Хорошенькая первокурсница, живущая во флигеле дома профессора Соколова, которой оказывает протекцию сама Мегера... И тут на тебе...

Он не закончил. Посмотрел мне за спину.

Пришлось тоже оглянуться.

– Теперь все понятно, – глядя на подходившего к нам Владимира, кивнул он. – Все под контролем.

Дальнейших объяснений не последовало.

Впрочем, лично меня все устраивало. А что они сами себе надумали...

Это были не мои – их проблемы.

* * *

От Персии Игната уже тошнило. И от жары. И от песка. И от одних и тех же физиономий.

Их группе еще повезло – работа во дворце, на сопровождении его высочества не вписывалась в их специфику, но это с какой стороны смотреть. У тех хоть какое-то разнообразие.

Впрочем, у некоторых разнообразие тоже было. Опасное такое разнообразие.

Разместили их на территории посольства, в отдельно стоявшем здании, как раз предназначенном для приема особых гостей.

Сами они, конечно, к этой категории не относились, а вот младший сын императора...

Николай своим статусом не кичился: боец и боец. Тем более что был курсантом военного училища, так что слышал и про дисциплину, и про субординацию, и про правила поведения на территории возможного противника.

А в том, что российско-персидские отношения довольно скоро перейдут от относительно мирного варианта к военному, Игнат больше не сомневался. Это с той стороны границы еще можно было надеяться, что пронесет, с этой все выглядело иначе.

Не во дворце, естественно, там как раз было чинно и благородно, а когда доходило до общения с местными. Чтобы ощутить их жажду крови, достаточно оказалось выйти на рынок.

– Сойка еще не вернулся?

Игнат посмотрел на подошедшего подполковника снизу вверх – сидел на крыльце подсобки, качнул головой:

– Будет через полчаса.

Миронов усмехнулся, бросил взгляд на часы, засекая время. Потом протянул бутылку с пивом. Одну из двух, которые держал в руках.

Игнат отказываться не стал. До появления принца часа три, успеет прийти в норму. Да и что ему эта бутылка?! Как газировка для детишек.

В отличие от остальных, как в дороге, так и сейчас занимавшихся оперативной разведкой, его держали на коротком поводке.

Причина была очевидна. Целитель.

Людей с даром лечить других на территории их... соседей, включая османов, персов и афганцев, рождалось значительно меньше, чем в России или Европе. С чем это было связано, сказать трудно, но, скорее всего, стало последствием грубопотребительского отношения к женщинам, характерным для этих стран. И хотя ситуация за последние лет тридцать серьезно изменилась, но сделанного не воротишь.

Наиболее сильные линии оборваны, а в тех, что остались, отсутствовали наработки раннего обучения, помогавшие максимально развивать то, что дано от природы.

Потому целителей здесь и ценили, но своеобразно, при первой же возможности прибирая чужое к рукам.

Отправлять с Игнатом соответствующую обстоятельствам охрану подполковник, естественно, не собирался. Вот и сидел он в посольстве. Не без дела, конечно, сидел, но без возможности выйти за границы двухметровых стен, окружавших комплекс.

– Кстати, – сделав глоток, вскинулся вдруг Миронов. Достав из-за пазухи – как и Игнат, он был в легком камуфляже, – довольно толстый конверт, протянул Игнату. – От Коршуна. Передали с оказией.

Коршун – князь Трубецкой. Он, Игнат, по документам Иван Волков, Угрюмый. Реваз – Рустам Абашидзе, Сойка. У подполковника Миронова, командира третьей группы, к которой они были приписаны, позывной Соболя.

На соболя он мало походил – хоть и высок, но крепок, но это если не приходилось наблюдать, как переходит в боевой режим и становится быстрым, вертким. Игнат даже сказал бы – молниеносным.

– Ну если с оказией... – Игнат осмотрел сургучный штемпель, скреплявший конверт.

На первый взгляд ничего особенного. А вот на второй...

Слепок их с Ревазом аур у Трубецкого имелся, так что без защитных магем, уничтожавших содержимое, если послание попробует вскрыть не тот, кто должен, здесь не обошлось.

Убрав конверт в карман камуфляжной куртки, Игнат откинулся назад. Закрыв глаза. Хоть и в тени, но все вокруг было слишком ярким.

Время текло неторопливо. В кустах у ограды кто-то шебуршился, но детекторы не реагировали, признавая шебуршившегося своим. С тренировочной площадки, находившейся слева, за углом подсобки, доносились то команды, то кхеканье и звуки падения – разминалась отдыхавшая сегодня смена. Когда там стихало, можно было расслышать шум текущей воды. Арыки, фонтанчики...

Зелени вокруг было много как раз за счет обильного полива.

– Ты чего такой угрюмый? – заставив его открыть глаза, неожиданно спросил подполковник.

– Не нравится мне все это, – поморщился Игнат. Сделал глоток. – Жара, песок...

Пиво было холодным и приятным на вкус. Это из хорошего. А вот все остальное...

– Обрати внимание на мурзу, – добавил он после того, как бутылка показала дно. – У него под защитой сильный амулет.

Мурзой они окрестили начальника охраны персов, которая обычно сопровождала его высочество во дворец и обратно. Внешне ничего особенного, невысокий крепыш. Но вот взгляд...

Взгляд был острым, пробивным.

Ментальных магов среди других не выделяли. Но способности такие время от времени обнаруживались. Мысли не читали – оценивали скрытые реакции организма, иногда сильно приближаясь к тому самому чтению.

Эмпаты относились к этой же категории, но в более мягком варианте. Хотя...

По мнению Игната, эмпатов серьезно недооценивали. Создать у себя соответствующее настроение, а затем «навязать» его другому некоторые вполне могли.

– Наши его...

– Полевая структура искажена, – перебил подполковника Игнат.

В том, что мурзу смотрели маги контроля, он не сомневался. Вот только смотреть можно по-разному. Как и видеть то, что недоступно

другим.

Еще одна грань целительского дара. Любой амулет искажал полевую структуру. При создании этот момент учитывался, но...

Полностью погасить изменения невозможно. По крайней мере, Игнат о таком ни разу не слышал.

– Можешь предположить, какой направленности? – нахмурился подполковник.

Когда высокие стороны договаривались о встрече, отсутствие любых амулетов, кроме защитных, на случай непредвиденных обстоятельств, декларировалось жестко.

Понятно, что не гарантия безопасности, но хотя бы намек на нее.

– Думаю, что считыватель, – флегматично рассматривая торчащее неподалеку тощее деревце, произнес Игнат.

Это место для уединения он выбрал как раз из-за него. Не позволяло забывать, где именно и зачем они с Ревазом находятся.

– Козлы! – поднимаясь, протянул подполковник. – Я им...

Не закончив, демонстративно посмотрел на часы. Тридцать четыре минуты...

– Сейчас появится, – хмыкнул Игнат и бросил взгляд на дорожку, которая вела в их сторону.

Они с Ревазом уже давно чувствовали друг друга. Трудно ошибиться.

Подполковник ушел, как только показался Реваз. Прихватив обе пустые бутылки, исчез в направлении тренировочной площадки. Спустя минуту там раздался залихватский свист. Похоже, Миронов решил тряхнуть стариной и повалить парней.

Бойцом он был сильным, Игнату до него ой как далеко. А вот Ревазу...

Впрочем, пусть и немного, но заточены они под разное. Один на разведку, второй... Второму только дай что-нибудь сломать или взорвать. С разведкой у него тоже все выглядело неплохо, но как диверсанту цены не было.

– На рынке Дедова встретил, – присаживаясь рядом с ним, произнес Реваз.

В отличие от него напарник был одет, как большинство местных, не обремененных серьезным занятием. Потертые джинсы, легкая

рубашка навывпуск и сандалии.

– А этот что здесь забыл? – нахмурился Игнат. – Он тебя...

Дедов – фрукт непростой. Во время Персидского конфликта служили в одном полку. Потом оказалось, что не только служил в полку, но и работал на Трубецкого. Затем вдруг слился, вроде как уйдя на вольные хлеба. А всплыл весьма неожиданно, в службе безопасности Бабичева.

Многозначительные метаморфозы. На первый взгляд ничего такого: рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. А вот на второй, да с учетом объема информации, которая ему была известна, все это называлось предательством.

– Обижаешь, барин, – фыркнул Реваз, но тут же стал серьезным. – Вел себя некультурно. Цеплялся, неуважительно общался со стариками. Те зыркали вслед, но ни один не сказал ни слова.

– Прикрыт чьим-то именем? – сложил картинку Игнат.

– Тех, что с ним, я заметил не сразу, – подтверждая, продолжил Реваз. – Оба местные. Извини, барин, но рисковать, чтобы узнать, чьи именно, не стал. Там напряжением так било, что предпочел взять, что надо, и свалить.

– И правильно сделал, – вытащил Игнат из кармана конверт. Несколько раз переломил сургуч, уничтожая магему-определитель. Достал с десяток листов.

– Коршун? – заинтересованно протянул Реваз.

– Соболь принес. Говорит, передали с оказией.

Реваз промолчал. Оказией, скорее всего, был вернувшийся из Москвы после консультаций дипломат.

Знакомство молодых людей – младшего сына императора и дочери Моххамад Хасан-шаха – прошло значительно лучше, чем хорошо. Девушка понравилась Николаю. Николай, по свидетельству сопровождавших их на прогулках лиц, понравился Айше Султан.

И все было бы просто замечательно, но...

Девушка пусть и неофициально, но уже была обещана турецкому принцу. А у России с Османской империей, как и с Персией, тоже не все гладко. Так что вполне могли найтись те, кто не упустит своего шанса, создав еще один очаг напряженности.

Тут с персами не все ясно, а теперь и эти...

Мысли шли фоном, пока Игнат перебирал сканированные копии. Протоколы осмотра, протоколы опросов, аналитические справки...

Ложный след, ведущий к Бабичеву, воронцовская команда, в частном порядке расследовавшая факт их «гибели», все-таки взяла, но до этого успела откопать то, что не далось в руки Ревазу и Андрею.

Связь настоящего и прошлого...

Еще не доказательства, но уже наметки, где именно их искать.

– Надо подключать Прохора, – вслед за Игнатом просмотрев бумаги, несколько нервно поднялся Реваз.

Подойдя к тощему подобию деревца, обхватил его ладонью, словно пытался сжать чье-то горло.

Игнат бы и сам...

Прохор появился поблизости от Старого городища, где находилось имение, когда Игнат служил на границе с Афганистаном. Назначили лесником императорского заказника. Вместе с ним в лес приехала жить и его вдовья сестра Полина.

Когда после смерти Анны Игнат вышел в отставку и вернулся в городище, ему было не до знакомств. С горем бы справиться, да и дочь требовала пристального внимания.

Но их встреча рано или поздно должна была состояться. Лесник приехал сам. Представиться, познакомиться. Затем как-то передал для девочки мед диких пчел. Потом принес подрощенного волчонка – сам выходил, когда мать-волчицу задрал кабан.

Затем...

Их разговор состоялся, когда Андрей разобрался с прошлым Прохора, которого, впрочем, тот и не скрывал. Спецназ военной разведки, служба охранителей императорского рода, тяжелое ранение, после которого Прохора и потянуло в лес. Подальше от людей, поближе к природе.

Если не вдаваться в подробности, то все выглядело логично, но...

Эти самые подробности Андрей раскопал значительно позже, что не только добавило веры Прохору, но и придало событиям в крепости совершенно иную окраску.

Да, предательство, но ради чего?

Вопрос, который мучил их столько лет, отпал сам собой. Незаконнорожденная дочь великого князя.

Для кого-то едва ли не честь. Для кого-то – бесчестье.

– Думаешь, пора? – поднялся и Игнат.

Проход с Полиной были в Москве. И тоже присматривали за Сашей.

Последняя линия обороны...

К девочке привязались оба. Не по службе, которую продолжали нести, по душе, считая ее своей внучкой.

– Если эти твари доберутся до Сашки... – оскалившись, посмотрел на него Реваз.

Почти сто пятьдесят жизней, чтобы убить двоих...

Реваз был прав. И про тварей. И про то, что ради достижения своей цели некоторые ни перед чем не останавливались.

* * *

– И что же мне делать, Люсенька?

Людмила Викторовна тяжело вздохнула и, отложив газеты, поднялась с дивана.

Студенты, особенно те, кто только начинал восхождение к высшему образованию, уверены, что сложно только им.

Они ошибались. Первая неделя. Первый месяц. Первый семестр...

Потом становилось легче. Студенты были изучены, до самого нутра рассмотрены под микроскопом. Для каждого составлена программа индивидуального обучения. От каждого знаешь чего ожидать.

В группе, которую она курировала, двадцать два человека. Шестнадцать парней и шесть девушек. И это не считая других групп, у которых она вела практические занятия, и факультатива по медицине катастроф.

А ведь была еще семья, тоже требовавшая ее внимания. Муж, который иногда как ребенок. Дети, считавшие себя взрослыми и время от времени вытворявшие такое, что волосы вставали дыбом. Да еще и история с Яной...

Хорошо, что хорошо заканчивается, однако вздрагивать, вспоминая об этих днях, она будет еще долго.

Даниле тоже нелегко: кафедра – муторное занятие. Плюс пациенты, для многих из которых целитель не только для излечения

тела, но и для обретения душевного покоя. Кое-кому лучше бы в церковь да исповедаться, получая отпущение грехов. А то и в полицию с чистосердечным признанием...

Она утрировала – не было у Данилы таких пациентов, чтобы уже совсем до крайности, но кто, кроме нее, видел, как иногда замирал супруг у окна и смотрел вдаль, видами природы возвращая себе уверенность и спокойствие.

– Все не можешь решить? – подойдя, остановилась она у мужа за спиной. Обняла за шею, уткнулась носом в ухо, ощутив аромат туалетной воды, смешавшийся с запахом здорового тела.

На столе перед ним лежал препринт статьи в «Медицинский вестник».

Всего несколько страниц, на которых коротко, без особых подробностей, были описаны результаты низкодозированного целительского воздействия на пораженные энергетические каналы.

Несмотря на успех в обоих случаях, метод, по мнению Людмилы Викторовны, должен был вызвать жаркие споры. Уж больно консервативно целительство. Новое в нем и так пробивалось с трудом, а тут еще и использование техник, требующих минимальных усилий.

Странная ситуация. Вроде и радоваться надо – слабым целителям нашлось место в мире, где ценилась сила, но...

Она даже вздохнула, отгоняя вставшее перед глазами видение.

Сколько придется выслушать Даниле Евгеньевичу обвинений и оскорблений в свой адрес?! Сколько потопчется на его личном кладбище, без которого, увы, не получается настоящего целителя?!

Но это будет потом. Сейчас его, к сожалению, беспокоило совершенно другое.

– Советовался с Трубецким, – чуть откинул голову назад Данила Евгеньевич. – Он согласен с Сашей, что ее имя упоминаться не должно. Умом я понимаю, но...

– Ты ведь и себя не ставишь первооткрывателем, – слегка отстранившись, зашла Людмила Викторовна с главного аргумента. – А что касается Сашеньки...

Она замолчала. Освободив супруга от объятий, вернулась на диван.

– Люсенька? – удивленно посмотрел на нее Данила Евгеньевич.

Людмила Викторовна мотнула головой, потом грустно улыбнулась.

Признаться честно, неделя ее просто вымотала.

А еще и Березин...

Нет, открыто он теперь знаков внимания не оказывал – не забыл, как Данила по-простому набил ему морду, но то подложит на ее стол цветок, то шоколадку, то пирожные.

И ведь не выскажешься прямо, не пойман – не вор, хоть в данном случае и выглядело все наоборот, но, пусть и затертые, следы ауры врать не могут.

Сказать Даниле об этом – вновь спровоцировать на агрессивные действия. Промолчать...

– Мне кажется, я ошиблась с кандидатом на роль ее отца, – так ничего не решив, посмотрела она на супруга.

– У тебя появилась другая версия? – поднялся Данила Евгеньевич из-за стола. Подойдя, присел перед ней на корточки.

– И да, и нет, – не отвела она взгляда. – Вчера, когда ездила в Управление по ЧС, встретила в коридоре Василия Салтыкова.

Данила Евгеньевич только кивнул.

Когда Василий Салтыков поступил в академию, оба они были ассистентами преподавателя. Времени с тех пор прошло много, но робкого, молчаливого студента они не забыли.

Талантливым он был, но... Нет, забитым его нельзя было назвать, если только закрытым, не допускавшим к себе никого.

Впрочем, с его отцом это и неудивительно. Деспот не деспот, но правил старший Салтыков родом жестко, следуя старым заветам и не принимая ничего нового.

Конфликт с персами случился, когда Василий был уже на пятом курсе. Мог доучиться спокойно, но решил, что армии его навыки будут нужнее.

Вернулся он в академию уже другим. Практически сразу отделился от семьи, а когда закончил учебу, ушел в структуру МЧС, где и делал карьеру.

Жениться он так и не женился, полностью отдавая себя службе. Да и с отцом...

Не будь Людмила Викторовна внештатным целителем Управления, вряд ли бы до нее доходили какие слухи. А так говорили,

что не ладят они. Сильно не ладят.

– Сняла я слепок с его ауры, – резко, словно боясь, что передумает, произнесла Людмила Викторовна.

– Люся?! – недовольно качнул головой Данила Евгеньевич.

Людмила Викторовна его понимала. Без добровольного согласия или особого решения соответствующих структур снятие ауры запрещено. И почувствуй Салтыков...

Все это могло закончиться очень плохо. Независимо от возможных объяснений.

– У них есть совпадения по родовым участкам полевой структуры, но...

Она сделала паузу, пристально глядя на Данилу.

То, что Саша – девочка непростая, она поняла сразу. А уж когда ее судьбой озаботился князь Трубецкой, то и сомнений не осталось – в ее прошлом достаточно тайн, от которых другим, скорее всего, стоило держаться подальше.

Но потом было похищение Яны. И эта история с мальчиком. И ночные клубы...

Никто не заметил, как Саша стала частью семьи. Не просто помощницей Данилы Евгеньевича, что уже гарантировало ей защиту, а такой же своей, как Юля, Яна, Кирилл...

– Даня, они родственники, но не настолько близкие.

Людмила Викторовна ждала наводящих вопросов, чтобы пояснить вот это «не настолько близкие», но Данила Евгеньевич ничего не сказал. Просто поднялся, отошел к столу, но садиться не стал. Так и стоял, глядя на лежавшие прямо по центру листы препринта.

– Даня... – встала и она, но не смогла сделать даже шага. Словно держало что-то, разделившее ее и супруга.

– Не настолько близкие, – неожиданно повторил сказанное ею Данила Евгеньевич.

– Ты ведь знал? – Людмила Викторовна мгновенно сообразила, что стояло за сожалением, которое она ощутила. – И давно?

Злилась ли она на мужа?

Князь Трубецкой пусть и в шутку, но нередко называл своего друга ищейкой. А потом сетовал, что целителем он был еще лучше, что мешало переманить Данилу в свою Тайную коллегия.

А еще князь доверял ее супругу, точно зная, что даже случайная тайна так и останется тайной, если хранит ее Соколов.

Так что – нет, не злилась. Если только немного обижалась. В том, что касалось Саши, он был очень щепетилен.

– Она дочь Игната Воронцова и Анны Салтыковой, – развернувшись, посмотрел на нее Данила Евгеньевич. – И ты понимаешь, что если об этом станет известно не тому, то...

Людмила Викторовна предпочла промолчать.

Игнат Воронцов и Анна Салтыкова...

Та история происходила практически на их глазах. Встреча. Любовь с первого взгляда. Недовольство родных. Тайное венчание. Изгнание из рода...

Москва тогда гудела. Одни были за молодых, требуя вмешательства императора. Другие, считавшие, что роды крепки соблюдением древних законов, против.

Страницы газет пестрели статьями на злобу дня, едва ли не затмив победу над персами.

Император тогда так и не вмешался, однако подписал прошение сменить фамилию Воронцов на Воронин с сохранением дворянского статуса.

Спора это не решило, но время шло, и история забылась, пока пожар в Старом городище вновь не вытащил ее на свет.

Впрочем...

– Тем более не стоит привлекать к ней внимание, – вспомнила Людмила Викторовна, с чего все началось.

– Да понимаю я все! – неожиданно вспыхнул Данила Евгеньевич. – Понимаю, – добавил он уже тише. – Но чувствую себя подонком, который обирает ребенка.

Что ж, с этим Людмила Викторовна была согласна. Если смотреть с этой стороны...

К сожалению, в их ситуации эта сторона была далеко не главной.

Главное – безопасность. Со всем остальным они могли разобраться и позже.

Глава 5

– Ну как? Нравится? – повела Юля рукой, предлагая оценить обстановку.

Я отказывать ей в этой малости не стала.

Комната была огромной. В дальней ее части, за сдвинутой сейчас ширмой, находилась широкая кровать. В ближней – диван с вычурной спинкой и небольшой столик с двумя креслами на изогнутых ножках. А еще секретер и книжный шкаф, практически полностью заставленный дамскими романами. На полу ковер в тех же сине-голубых тонах, что и вся обстановка в комнате.

Окна огромные, в сад. Плотные шторы раздвинуты и собраны подхватами. Тонкий тюль колыхался, отзываясь на игру легкого ветерка.

Как и предсказывали, установившаяся погода продолжала радовать летним теплом. Не тем июльским, когда и ночью, чтобы уснуть, приходится использовать охладители, а августовским, когда, стоит скрыться солнышку, свежесть намекает на скорое приближение осени.

– Там, – показав на одну из дверей в углу, продолжила Юля, – гардеробная. Рядом – ванная.

– Неплохо, – кивнула я и, забрав с дивана чехол с платьем, направилась к гардеробной.

В имение Мещерских Андрей привез меня к полудню. Юля была уже здесь, осваивая отведенные нам покои. Остальную молодежь ожидали в течение часа. Как раз успеть перезнакомиться за обедом.

– И это все? – капризно протянула Юля.

Я оглянулась, посмотрела на подругу.

Настроение с утра было не очень. И вполне заслуженные нотации Андрея не имели к этому никакого отношения. Просто...

Когда стремилась в Москву, представляла себе все иначе. Без этих сплошных тайн. Без вопросов, на которые при всем желании не находила ответов.

Да, проблемы должны были присутствовать, но... Последние дни мне казалось, что я все меньше и меньше понимаю происходящее

вокруг. Словно засасывает в зыбучий песок.

Когда сказала об этом Андрею, смеяться он не стал. Как и убеждать, что накручиваю себя.

Не самая приятная реакция, наводившая на мысль, что все еще хуже, чем я думала.

– Саш, ты чего? – глядя на меня, забеспокоилась Юля. – Боишься, как примут?

Признаться честно, такие опасения присутствовали. Андрей сказал про два десятка молодых людей. Шестеро мне знакомы, я – седьмая. Оставалось тринадцать. Так что было о чем беспокоиться.

Но это – если искать причину плохому настроению. В действительности меня это мало волновало. Примут – примут. Не примут...

Я приехала в имение ради прогулки верхом. Чтобы насладиться этим, можно было пережить остальное.

– Наверное, нет, – обтекаемо ответила я. – Опасаюсь. Слегка.

– Ты это брось, – подошла она ко мне.

Перехватив у меня чехол с платьем, сама отнесла его в гардеробную. Вернувшись назад, забралась с ногами в кресло. Улыбнулась... криво:

– А мы с Тохой расстаемся.

– Не поняла! – нахмурилась я. – Он решил...

– Это не он решил, это я решила, – твердо произнесла она. – Вот пройдет днюха, тогда и скажу.

– Так он еще и не знает. – Вздохнув, я подошла ближе. – Мне показалось, что у вас...

– Да хорошо все у нас! – вскинулась она, едва не плача. – Он пылинки с меня сдувает. Захочу луну с неба – достанет. Не захочу – обратно вернет. Но ты же понимаешь, что все это ни к чему не приведет. Подберет ему глава рода невесту, и все, пойдет Антоша под венец как миленький. А начнет ерепениться, так ему быстро напомнят про ответственность перед предками, которые хранили и преумножали. А у него еще и дар сильный, две дружественные стихии. А я...

Осекшись, Юля стиснула зубы и сжала кулаки, пытаясь не разреветься. Потом вскочила, отошла к окну.

Мне нужно было как-то отреагировать.

Говорить в таких ситуациях трудно. То, что будущего у них нет, было понятно с самого начала, но ведь надежда, она такая. Знать знаешь, а продолжаешь верить.

И веришь, веришь, веришь... пока не влетишь в реальность, как в стену. И тогда только и останется, что корить себя, но будет поздно: сердце разбито, и собрать его заново – иногда непосильная задача.

Мне повезло – в свои семнадцать я еще не влюблялась так, чтобы голова совсем отключилась. Но у других подобное безумие видела.

Его последствия – тоже.

– Что бы ты ни решила, я – с тобой.

Юля обернулась, без особой радости хмыкнула:

– Я уже десять раз решила так, а потом столько же – иначе.

– Нормальная практика, – дернула я плечом. – Твой мозг действует по пути наименьшего сопротивления. Главное, не переработать.

– Не поняла? – как-то резко успокоившись, задумчиво свела она брови.

– А что тут непонятного, – добравшись до дивана, присела я на краешек. – Ты решила, что надо расстаться с Тохой. Но это ведь надо делать, прилагать усилия, тратить нервные клетки. И мозг тут же вернул тебя в первоначальную позицию. Экономит твои силы.

– Это ты надо мной так издеваешься? – Рассматривая меня, Юля чуть склонила голову к плечу.

– Даже не думала, – как пайныка сложила я руки на колени. – Мы – лентяи по своей природе. Любое действие требует расхода энергии. А ее сохранение – вопрос выживания. Ты думаешь, откуда весь этот технический прогресс? – добавила я назидательных ноток. – От этой самой лени! Сначала придумали колесо, а потом покатилося-поехало... А если серьезно, – поднявшись, подошла я к ней, – то, кроме тебя, этот вопрос никто не закрывает. А я могу тебя только поддержать. Ну и поработать жилеткой, если потребуется.

Юля сначала долго смотрела на меня, словно пытаюсь осознать сказанное, потом грустно улыбнулась:

– Если мы расстанемся, наша компания...

– У нашей компании тоже нет будущего, – перебила я ее. Отвернулась, чтобы Юля не увидела моего ошарашенного лица.

Да, эти слова произнесла я, но...

Я ведь об этом не думала, однако сейчас была абсолютно уверена в том, что все именно так и произойдет.

– Почему ты так считаешь? – положила она мне руку на плечо.

– Потому что синица журавлю не подружка, – иронично хмыкнула я. – Я – будущая целительница. Да, дворянка, но вся моя жизнь – работать на других. Да, в родовитых домах меня будут встречать у порога, оказывать знаки внимания, но и я, и они будем понимать, что ровень нам никогда не встать.

– И тогда остается только Валдаев, – озвучила она то, что я не произнесла.

– И Сергей, – напомнила я наш с ней разговор. – Или идти наперекор всему. Но быть готовой к тому, что проиграешь, – вспомнила я историю родителей.

Да, отец говорил, что они были счастливы, но... этого счастья у них оказалось меньше четырех лет.

– Грустная у нас получается история, – вздохнув, опустила Юля руку.

Я только кивнула. Бросила взгляд на стоявшую рядом с диваном сумку. Три платья, не считая того, что в чехле. Спортивный костюм. Костюм для верховой езды. Еще одни джинсы, свитер, курточка, четыре пары обуви.

В Москву мы должны были вернуться вечером в воскресенье, а одежды я набрала, словно собиралась гостить неделю.

И это было отражение еще одной грани дворянской жизни. Хочешь не хочешь, можешь не можешь, а при любых обстоятельствах должен выглядеть достойно.

– Знаешь, – обернулась я к ней, – я для себя решила, что замуж выйду только по любви. А если нет...

– Собираешься остаться старой девой? – ответила она мне понимающим взглядом.

Хотела сказать, что завести ребенка можно и без замужества, но успела прикусить язык прежде, чем произнесла хоть слово.

Андрею повезло. Хоть и бастард, но признанный отцом. Так что и фамилия, и образование. Если только отношение... Не стань он хозяином стрелкового клуба, который благодаря покровительству князя Трубецкого посещали отпрыски родов из первой сотни, вряд ли бы его приняли в обществе.

А тут – ублюдок. С таким пятном жить, так лучше самому удавиться. Не терпят у нас таких. Презирают.

– Ты права, – понимая, что загнала себя в ловушку, поникла я. – И права, что не хочешь испортить Тохе днюху.

А сама подумала о том, что ситуация, если к ней присмотреться, выглядит странно. На месте родителей Антона я бы просто не рекомендовала ему встречаться с Юлей. Но они этого не сделали.

Почему?

Ответа на этот вопрос я не знала. И боялась, что, когда узнаю, мне он не понравится.

* * *

Молодежи оказалось меньше, чем пугал Андрей. Из тех, кого знала, Сашка Трубецкой, Игорь Валдаев, Иван Струпынин, Илья Воронцов. Неожиданностью стало появления братьев Орловых, но, как мне объяснили, прежде чем окончить лицей экстерном, Петр пару лет учился с ними в одном классе. Ну а Кирилл... Братья друг без друга практически нигде не появлялись.

Илья пришел с девушкой – Натальей Маевской. Как оказалось, тоже их одноклассницей. Миленькая, смешливая, она поднимала настроение одной своей улыбкой, которая не сходила с ее лица. А еще взгляд... Такой взгляд называли лучезарным.

Иван тоже был с девушкой. Той самой Ольгой Морозовой, о которой я говорила Андрею.

Еще четверых парней я раньше не видела, но остальные из нашей компании их знали. Курсанты. Все из одного взвода.

А вот взрослых оказалась не в пример больше. Главы родов, их наследники... Появление некоторых из них стало для меня неприятным сюрпризом. Увидеть здесь князя и княгиню Воронцовых я точно не ожидала.

Радовало только одно: мы с ними пока что практически не пересекались. У них – своя компания, у нас – своя.

– Мадмуазель танцует? – когда выходили из танцевального зала, перехватил нас с Игорем Кирилл.

Праздничный ужин накрыли в двух столовых. К той, в которой находились мы, примыкал танцевальный зал, к другой, для взрослых, куда Антон водил нас на экскурсию, – музыкальный салон с белым роялем, стоявшим по центру.

– Танцует, – бросив взгляд на Игоря, протянула я руку Кириллу.

Тот взял мою ладонь, аккуратно положил на свой локоть...

Платье, которое выбрала для меня Мария, было простым и на первый взгляд выглядело скромно, но мне шло. Бледно-розовый шелк, отделка мелким речным жемчугом и атласная лента на завышенной талии.

Юля сказала, что наряд сделал меня мягкой и ранимой, как и положено юной девушке. Мне это сравнение понравилось. А то в последнее время кем себя только не ощущала.

Музыка в танцевальном зале звучала непрерывно. Струнный квартет – три скрипки и контрабас – чередовал вальс, польку и мазурку.

Игорь пошутил, что глава рода Мещерских решил продолжить подготовку к балу первокурсников, я с ним согласилась.

Впрочем, с учетом вечерних нарядов, о которых нас предупредили, ожидать чего-то другого было самонадеянно. Вряд ли кто-то из девушек отважился бы в своих платьях продемонстрировать что-нибудь ультрасовременное.

Нам с Кириллом повезло, только подошли – заиграли вальс. После того как пришлось попрыгать, это был неплохой вариант.

Кирилл положил руку мне на талию, я чуть откинулась назад, позволяя ему почувствовать себя ведущим...

Танцевал он безупречно. Мы скользили по паркету, полностью отдаваясь чарам звучащей музыки. Шаг, шаг, поворот... Шаг, шаг, поворот... Его руки были крепкими и надежными. Взгляд – спокойный и уверенным.

Вполне можно очароваться, если не напоминать себе постоянно, кто – он и кто – я.

Я напоминала, потому просто наслаждалась танцем и великолепным партнером, с которым не требовалось беспокоиться за собственные ноги.

Музыка оборвалась неожиданно. Вроде только-только вышли на паркет...

– Не хочешь пройти в сад? – успев до новых аккордов, поинтересовался Кирилл.

Руку с моей талии он убрал, а вот ладонь, которую держал в своей, так и не отпустил.

– Извини, – я аккуратно освободила руку, – но я одета не по погоде.

Причина, конечно, так себе.

Нас с Игорем трудно назвать парой – мы даже не целовались ни разу, но я не хотела давать даже малейшего повода для разговоров. Танец – это одно, тем более что перетанцевала я уже практически со всеми, а вот уединиться... Подобное поведение вполне можно было расценить как намек на будущие отношения.

– А если я что-нибудь... – Похоже, он решил настоять на своем.

– Саша! – окликнули меня от двери.

Я оглянулась. У входа в танцевальный зал стояли Трубецкой-младший, Антон и Игорь. Причем тезка выглядел взъерошенным. Если не сказать – злым.

Посмотрев на Кирилла – тот, как и находившийся здесь же Иван, наблюдал за появившейся троицей с интересом, развела руками, намекая, что и обстоятельства против нас.

Подойдя к ребятам, обратилась к Антону, посчитав, что он более адекватен, чем Трубецкой и явно взволнованный Игорь:

– Что-то случилось?

– Надо поговорить, – жестко, не терпящим возражений тоном опередил его тезка. – В библиотеке. Здесь рядом.

– Саша, я могу чем-то помочь? – не оставил меня одну Кирилл.

Не зная, что ему ответить, вновь посмотрела на Антона.

Увы, реакции от него я так и не дождалась. Зато опять отметился Трубецкой:

– Кир, ты за Сашу не беспокойся. Мы ее не обидим. А вот ты...

Что понравилось, Кирилл на провокацию не поддался. Проигнорировав выпад Трубецкого, перевел взгляд на меня:

– Саша, я буду рядом. Если что...

Я только и успела кивнуть, как Трубецкой, подхватив меня под локоть, повел к выходу из столовой.

Возмутиться мне не удалось. Коридор, по которому шли, оказался коротким, закончившись высокой деревянной дверью.

Мы с Трубецким вошли в библиотеку первыми – меня фактически втолкнули. Потом Антон с Игорем. А вот Кирилл остался с той стороны плотно закрытой Валдаевым двери. Но все равно было приятно. Просто оттого, что не бросил, предпочтя быть поблизости.

Свет включился, как только мы оказались внутри. Но осматриваться я не стала, лишь отметила, что книжных шкафов – тяжелых, покрытых темным лаком, было много, а сама обстановка давила, оставляя ощущение нехватки воздуха.

Впрочем, вряд ли это было просто ощущение. Вентиляция здесь если и имелась, то ее точно не хватало.

– Я могу все-таки узнать, что случилось? – избавившись от «опеки» Трубецкого, прошла я чуть дальше. Остановившись, развернулась.

Парни стояли у двери. Плечом к плечу.

С ответом Трубецкой не задержался. Взял у Игоря хорошо знакомую мне деревянную коробочку – только сейчас ее заметила, и протянул в мою сторону:

– Это твой подарок?

– Да, – спокойно произнесла я, не понимая, с чего такая агрессия.

Амулет, который лежал внутри, сделала сама. Заготовка – серебряная и медная монеты с изображением солнца и луны – была вставлена в витой кожаный браслет, который при желании можно было свернуть в виде медальона, чтобы носить на шее.

На монеты нанесены целительские магемы. Одна работала как небольшой накопитель, по капельке собирая «силу» владельца, вторая была усовершенствованной магемой Хинстона. Но если та брала за «образец» для возврата некий усредненный организм, то эта сохраняла слепок самого хозяина, в случае необходимости восстанавливая его за счет сохраненной энергии.

Вещь уникальная. Я была уверена, что Антон оценит ее по достоинству, и подобной реакции на свой подарок точно не ожидала.

– Магемы наносила сама? – продолжил... допрос Трубецкой.

– Да, – не стала я отрицать очевидное.

– Разработка тоже твоя? – уже буквально пыхтя от гнева, процедил он.

– Нет. – На этот раз пришлось даже качнуть головой. – Моего... – чуть замялась я, но все-таки закончила: – Отца.

– И патента на эти магеми у него конечно же нет, – уже не столько спрашивая, сколько констатируя факт, выдал из себя Трубецкой.

– Конечно же нет, – повторила я, пусть и с трудом, но все-таки сохраняя спокойствие.

Да, ситуация не совсем правильная – эти магеми действительно принадлежали нашей семье, но...

Это! Был! Мой! Подарок!

И отец, научив меня этим формулам, не запрещал их применять.

– Ты вообще понимаешь, что ты натворила?! – сделал шаг в мою сторону Трубецкой, но Игорь успел прихватить его за плечо, вынуждая остановиться. – Ты разве не знала, что все подарки, которые получает будущий наследник рода, проходят магическую проверку?!

Моя растерянность слегка остудила его пыл.

Я об этом действительно не знала.

– И в чем проблема? – тем не менее не сдалась я. – Амулет не несет угрозы. Скорее даже наоборот.

– Вот дура! – вновь вспыхнул Трубецкой.

Дернув плечом, освободился от захвата Игоря. Подойдя к стене, постоял пару секунд... Потом как долбанул по ней кулаком!

От его гнева меня и так корежило, а тут почти скрутило, добив подступившей желчью.

Сглотнув – съеденное просилось наружу, вдохнула-выдохнула, нейтрализуя накатывавшие на меня волны чужой ярости.

Быть эмпатом – здорово. Особенно когда речь идет о твоей безопасности.

Быть эмпатом – ужасно. Особенно когда у кого-то рядом с тобой срывает тормоза.

– Тебе повезло, – резко развернувшись, двинулся он на меня, – что обратились к Игорехиному отцу. А он, когда понял, что именно делает этот амулет, придумал, чем отбрехаться. А то бы...

– А то бы что?! – не дождавшись, когда он подойдет, сама сделала шаг вперед, закрывшись от него целительским щитом. – Посадили бы в клетку и заставили клепать эти амулеты для нужд рода?!

Такого отпора тезка не ожидал. Остановился. Замер...

Я и сама от себя такого не ожидала, но позволять какому-то самовлюбленному индюку вытирать о себя ноги...

Признаться честно, он был прав. Я – дура! И все могло действительно закончиться клеткой, сложились обстоятельства иначе, но...

Когда делала – радовалась. Верила, что случись беда – у Антохи будет лишний шанс выбраться из переделки живым. Мечтала, как буду делать такие же амулеты для Игоря и Сашки. Все-таки будущие офицеры, неизвестно куда закинет судьба и с чем столкнет.

Дорадовалась!

Домечталась!

И не обидно – больно! Как если бы с живой сдирали кожу.

Да, я ошиблась, не зная подобных нюансов, но...

Они называли себя друзьями. Сейчас же стали обвинителями. Все трое. И психовавший Трубецкой. И молчаливо стоявшие у дверей Игорь с Антоном.

Опустив щит – пусть бы только попробовал приблизиться, прошла мимо Трубецкого, остановившись напротив Антона.

Все трое – разные. Темпераментный Трубецкой, флегматично-спокойный Валдаев и бесшабашный Мещерский.

Синица журавлю не подружка...

Я просто не ожидала, что все случится так быстро.

– Извини, если добавила тебе проблем, но...

Я не нашла что еще сказать. Толкнула дверь – никто меня останавливать не стал, вышла из библиотеки.

– Саша?! – кинулся ко мне Кирилл.

– Все хорошо, – через силу улыбнулась я ему и направилась в сторону лестницы.

Я приехала в имение ради прогулки верхом.

Эта цена за прогулку оказалась для меня непосильной.

* * *

Мне хотелось бежать, нестись сломя голову, но я шла спокойно. И даже улыбнулась Наташе Маевской, которая возвращалась из своей комнаты.

Но как только за мной закрылась дверь, я буквально рухнула на пол. Сил не было. А от урагана чувств, которые испытывала, тело едва

ли не колотило.

Трубецкой был несправедливо груб, но в его словах имелся здравый смысл. Если о моих... талантах станет известно, все может закончиться очень плохо.

Не дав себе раскиснуть, поднялась, добралась до столика, на котором лежал телефон. Набрала номер Андрея.

Ему, конечно, придется все рассказать, но лучше так, чем остаться один на один с проблемой.

– Саша? – появился он на экране уже после третьего гудка.

– Ты можешь приехать за мной? – чувствуя, как трясется подбородок, спросила я.

Наводящих вопросов не последовало.

– Собирай вещи. Буду минут через сорок.

Он отключился, а я вдруг успокоилась. Да, я уже взрослая, но, наверное, все еще ребенок, раз в такие моменты предпочла спрятаться за его надежной спиной.

Переоделась я быстро. Да и сумку сложила, просто покидав в нее одежду и обувь.

Юля влетела в комнату, едва я успела закончить сборы.

– Саш, это правда? – резко остановилась она, тут же зацепившись взглядом за приготовленные вещи.

– Что именно? – вздохнув – в голове все равно был сумбур, присела я на край дивана.

– Что Трубецкой на тебя орал? – не сдвинувшись с места, уточнила она.

– Он считает, что за дело, – обтекаемо ответила я. – Юль...

– За тобой приедет Андрей Аркадьевич? – перебила она меня.

– Да, – кивнула я, слегка не успевая за ней.

– Я с тобой, – твердо произнесла Юля, направляясь в сторону гардеробной.

– Юль... – вскочив, догнала я ее. Схватила за руку. – Юль. Это – наши с тезкой проблемы...

– Нет! – выдернув руку, развернулась она ко мне. – Это не твои с ним проблемы! Когда Тоха мне рассказал, я только и спросила: «А что делал ты?» А он мне: «А что я должен был делать, если он прав?» Понимаешь?! – Она уже практически кричала. – Он даже не понял, что

они себе позволили! Они с тобой как с вещью! А если я где оступлюсь, то и со мной как с вещью! Потому что они – это они, а мы...

Обхватив Юлю, прижала ее к себе.

Если бы я знала, чем все закончится...

Успокоилась Юля быстро, как и я. Отстранилась, посмотрела на меня решительно:

– От Сашки и Антона я ничего другого и не ожидала. А вот Игорь... – Она качнула головой. – Мне казалось, что в нем нет этого снобизма.

– Они – друзья, – грустно улыбнулась я. – И это хорошо, что он промолчал. Не хочу быть причиной их раздора.

Юля хмыкнула, потом неожиданно кивнула:

– А мы – подруги. И как ты за меня, так и я за тебя. А пока я собираюсь, позвони Андрею Аркадьевичу и предупреди, что нас будет двое.

Она скрылась в гардеробной, а я набрала Андрея. Об изменениях ему точно стоило знать.

На этот раз он ответил после первого гудка.

– Саша? – В его голосе мне послышалась тревога.

– С нами будет Юля, – поторопилась я его успокоить.

Андрей только хмыкнул:

– Даже не сомневался.

– Самый умный, да?! – попыталась я продемонстрировать ему задор. Вот только улыбнуться не получилось. Губы кривились, выдавая желание банально разреветься.

– Все будет хорошо, – почувствовав мое состояние, уверенно произнес Андрей.

Он был за рулем. Но, судя по отблескам, которые ловил сидевший в подставке магфон, машина была не единственной. Как минимум еще одна шла в сопровождении.

– А ты откуда едешь? – Лишь теперь я сообразила, что добратся он собирался значительно быстрее, чем мог. От стрелкового клуба до имени Мещерских не меньше полутора часов. Это если гнать.

– Об этом потом, – дернул он головой. – И еще... Ничего не бойся. Со службой безопасности князя я уже связался, чинить препятствия вам не будут.

Стоило признать, эти слова стали как бальзам на душу. Я не верила в худшее, но червячок сомнений все равно грыз.

А вдруг кроме отца Игоря Валдаева еще кто-нибудь понял, что именно за амулет я ему подарила?! А вдруг князь Трубецкой, который вроде как получил временную опеку надо мной, решил, что пора проучить эту несносную девчонку или заработать на моих знаниях?!

Я, конечно, нагнетала – в порядочности Трофима Ивановича имела возможность убедиться, но... Мне было страшно! Я сама загнала себя в ловушку. И хорошо еще, что ловушка оказалась иллюзорной.

– Саш, я должна...

Я оглянулась. Юля, уже переодевшись, стояла у двери гардеробной, держа в руке сумку, и удивленно смотрела на меня.

– Что? – спросила я, не понимая ее реакции.

– Мне показалось, что ты сейчас искриться начнешь, – вздохнула она с явным облегчением.

– Задумалась, – устроившись в ближайшем кресле, повинулась я. – Андрею Аркадьевичу позвонила. Он сказал, что все будет хорошо.

– Ну и хорошо, – улыбнулась она. Подойдя, поставила сумку рядом с моей. – Саш... Я тут кое-что подслушала.

Я несколько удивленно приподняла бровь. Видеть смущенную Юлю было весьма непривычно.

– Разговаривали Сашка и Кирилл. – Юля мое молчание приняла за желание узнать подробности. – Они стояли под лестницей, а я...

– Юль, ты меня пугаешь, – глядя на то, как мнется подруга, забеспокоилась и я.

Во всей этой истории только разборок между этой парочкой мне и не хватало.

– Еще даже не начинала, – многозначительно фыркнула она. – Кирилл прихватил Сашку за грудки и шипит: «Не смей к ней даже подходить!», а Сашка как взвился, руки его от себя отдрал и грубо так: «Не твое это дело!» А Кирилл в ответ жестко, у меня даже мурашки по спине побежали: «Я за свою сестру кого угодно придушу!» Трубецкой тут и замолчал. И уже так спокойно спрашивает: «А она-то знает?» А Кирилл ему: «Нет, и пока пусть так все и остается».

– А при чем тут я? – мысленно повторив сказанное Юлей, не поняла я, с чего подруга решила, что речь идет обо мне.

– А о ком? – впиалась в меня взглядом Юля.

Я пожала плечом:

– Ты же не слышала начала разговора. Да и Кирилл не назвал моего имени.

– Саша, – укоризненно, словно сетуя на мое скудоумие, начала Юля, – этот разговор состоялся практически сразу после вашей ссоры в библиотеке. Правда, – она слегка замялась, – я тогда еще не знала, кто довел Трубецкого до бешенства.

– Это я довела его до бешенства?! – сделав вид, что жутко обижена ее подозрениями, начала подниматься я.

– Переигрываешь, – отмахнулась от меня Юля.

– А ты принимаешь желаемое за действительное, – снова сев в кресло, парировала я. – Кирилл с Петром не могут быть моими братьями. Ни двоюродными, ни троюродными, никакими! Поэтому...

Я не закончила, да и нужды не было. Возможно, мне и хотелось бы иметь таких братьев, но...

Мама из рода Салтыковых. Вся родословная на полторы тысячи лет. Папа – по рождению Воронцов. И с прошлым та же история. Ни Орловы, ни тем более императорский род там даже близко не просматривались.

– А жаль, – искренне огорчилась Юля. – Я уже представила, что ты – потерянная принцесса, которую выкрали в раннем детстве. И вдруг тебя нашли...

– И как ты себе представляешь похищение юной принцессы из императорского дворца? – залилась я смехом. – Да там...

Договорить мне помешал стук в дверь.

Я резко оборвала смех и с тревогой посмотрела на Юлю. Та ответила мне таким же взглядом.

Андрей, конечно, предупредил, что все будет хорошо, но...

Признаться честно, мне стало банально страшно.

А еще я поняла, что всего этого могла бы избежать, стоило только немного подумать, прежде чем делать.

Дверь в кабинет главы рода Мещерских была приоткрыта. Из музыкальной гостиной, находившейся неподалеку, доносились звуки рояля и мелодичный голос, выводивший шутивную песенку.

Веселье было в разгаре.

К сожалению, не для всех.

Трубецкой еще раз пересмотрел запись – та шла без звука, но для понимания ситуации хватало и картинки, да и по губам он читал неплохо. Потом, отключив, бросил пульт на стол и повернулся к князю Мещерскому.

– Ну что, Иван Никодимыч, опростоволосились наши парни. Как есть опростоволосились.

– Точно сказал, Трофим Иванович, – поерзав в кресле, глухо произнес Мещерский. – Не сочти за труд, плесни настоечки. А то эта старость...

Трубецкой улыбку сдержал – несмотря на свой возраст, на старика старший Мещерский никак не тянул, и просьбу уважил.

Тут ведь как с собаками – правильное поведение надо поощрять. А с неправильным...

Нет, о поступке Александра он бы рано или поздно узнал, но...

– Чья она дочь? – неожиданно спросил Мещерский, забрав стакан, дно которого изрядно прикрывала очередная настоечка собственного приготовления.

Трубецкой, прежде чем ответить, взял свой стакан, отошел к камину.

Огонь был неживым – иллюзия, но жаром обдавало по-настоящему.

– А сам-то как думаешь? – не обернувшись, дал он возможность высказаться Мещерскому.

То, что полученной изначально информацией князь не удовлетворился, было очевидно, но вот насколько...

– Вариантов у меня было немного, – по-стариковски пошамкал губами Мещерский, – а ты своей просьбой пригласить Воронцовых убавил до единственного. Так что глупый вопрос. Хотя... – он с иронией посмотрел на Трубецкого, – если ты о тех домыслах, что княгинюшка Салтыкова князю рога наставила...

– А если это не домыслы? – лишь теперь сдвинувшись, чтобы лицом к лицу, отсалютовал ему стаканом Трубецкой.

И ведь не специально, но как раз попал, когда тот глоток сделал. Мещерский поперхнулся, закашлял...

Откашлявшись, поднялся, подошел к камину, встав напротив Трубецкого:

– Так она, значит, внучка Михаила?

Михаил – брат императора. Великий князь. Отец четырех сыновей и двух дочерей. Это – официальных.

Дурного за ним не замечали. Спокоен, вдумчив, не горячлив. Стихий две, как и у всех в роду Романовых, но сила дара такова, что оставалось только завидовать. Или проклинать, но это смотря с какой стороны окажешься.

Последний конфликт с афганцами, после которого те и не помышляли открыто смотреть в сторону России, не затянулся благодаря ему, да Федору, еще одному из трех братьев нынешнего императора. На пару своим огнем, да с поддержкой дружественного воздуха они линию фронта хорошо тогда почистили. Если бы сплошной была, еще скорее управились бы, а так и другим работа осталась.

И в семье у Михаила все было просто замечательно. Жена – красавица и умница. Дети...

И лишь однажды, поговаривали в узком кругу тех, кто был близок к императору, ударило ему в голову. И ведь не первый раз видел он княгиню Салтыкову. И та уже не единожды деток рожала, чтобы девичьей статью очаровывать. А вот встретились в очередной раз, и замкнуло.

Но приличий Михаил не преступал, вел себя безупречно. Да и она вроде не привечала, держалась ровно, с легким пиететом, который надлежало испытывать перед лицом императорского рода.

И так бы без сплетен все и закончилось, если бы не новогодний бал в Кремле. Что уж там между ними случилось, да и случилось ли, никто не знал, но вспомнили, когда через девять месяцев княгиня родила дочь.

Спустя какое-то время разговоры затихли. Анечка, как называли девочку, со своими сестрами была похожа как две капли воды. Да и отцовское в ней проглядывало.

А то, что Михаил и князь Салтыков имели внешнее сходство...

Так война Михаила, хоть он и был весьма даровитый, все равно потрепала, оставив свои следы не только на теле, но и на лице.

А еще через двадцать лет и одну войну случился скандал с тайным венчанием Анны Салтыковой и Игната Воронцова, после которого оба оказались изгнаны из родов. И ведь не редкое событие – изгнание, а не тайное венчание, что было скорее исключением, чем правилом, но именно этот раз привлек внимание. Красивой они парой были. Один – полковой лекарь, герой войны. Вторая хоть и пустышка – дара у Анны не было даже слабенького, но красавица, каких поискать. А уж умница...

Игнату Воронцову завидовали многие. И сочувствовали, когда Анна погибла в пограничной стычке.

– Что, интересная картинка вырисовывается? – подумав о том, что в жизни часто все не так, как кажется, хмыкнул Трубецкой. – А если учесть, что Анна была бездарной, а эта от отца все взяла, да еще и от деда Воронцова кое-что прихватила, парням нашим головы поотрывать надо. Впрочем... – Он многозначительно посмотрел на Мещерского.

– Думаешь, на пользу пойдет? – скривившись, поймал его мысль Мещерский. Подумал, опять пошевелив губами, словно проговаривая все, что хотел, но пока не сказал.

– Я заметил, ты Юлю Соколову начал привечать? – не дал ему ответить Трубецкой.

С Сашей вопрос был ясен – парни серьезно дали маху, и с этим надо будет что-то делать, а вот Юля...

За дочь Данилы Трубецкой переживал едва ли не больше, чем за своих. У тех родословная, а эта...

Была бы целительницей, все выглядело бы иначе, но в паре Соколовых целительский дар выбрал мужскую линию. Старший Валерий вполне мог повторить стезю отца, пусть и продвигаясь по военной линии. У младшего Кирилла с потенциалом тоже было неплохо. А вот девчонки...

Янка-то со своим сильным огнем точно без хорошей партии не останется, а Юля...

У Юли был воздух. И это – совершенно другая история. Это в сочетании он хорош – со всеми тремя оставшимися стихиями дружелюбен, а вот сам по себе хоть и не бесполезен, но и без особой удали.

– А ты ее наследственную карту смотрел? – многозначительно уточнил Мещерский.

Трубецкой хотел сказать, что необходимости в этом не было, но не успел.

– Извини, – произнес он, отходя к окну.

Достав из внутреннего кармана пиджака магофон, посмотрел на номер.

Этого звонка он ожидал, но...

Поставив защитную сферу – дал понять Мещерскому, что речь пойдет о делах служебных, ответил, зайдя с главного вопроса:

– А ты не заигрался?

– Так вы же сами, ваше превосходительство, намекнули, что пора эту компанию встряхнуть основательно, – с улыбкой произнес Хлопонин. – Вот я и... – Он развел руками, намекая, что только выполнял приказ.

В характеристике, подготовленной много лет назад штатным психологом Тайной коллегии, было сказано: «Принятых другими авторитетов не признает. Приказы исполняет, действуя по принципу максимальной эффективности при минимальных затратах ресурсов».

И с тем и с другим психолог не ошибся – авторитет у хозяина стрелкового клуба можно было только заработать. А уж с исполнением приказов...

– И даже любимицу свою не пожалел... – вроде как укоризненно качнул головой Трубецкой.

Хлопонин – незаконнорожденный сын Аркадия Фторов, дворянина, владевшего небольшим, но весьма прибыльным оружейным заводиком. Пистолеты, автоматы с магической начинкой. Прицелы-доводчики, усиленные магемами пули.

Его мать – тоже дворянка из обедневшего рода, но одаренная, как и сам Фторов.

Родители Аркадия были против брака, но когда стало понятно, что дети зашли дальше, чем стоило, а ребенок, которого носила Валентина, взял и от матери, и от отца, все-таки согласились благословить сына.

Пока решали, пока готовились к свадьбе...

Роды начались раньше времени. Мальчишка родился семимесячным, но был достаточно крепеньким, чтобы выжить. А вот

мать не спасли, умерла от сильной кровопотери.

Аркадий запил, а его родители подсустились и записали ребенка на фамилию матери.

Хитрый ход. Он бы и так, даже признанный, не мог претендовать на наследство, если только на что-то подаренное отдельной дарственной, а тут вообще чужим стал.

Аркадий, как протрезвел, сына от родственников несостоявшейся супруги забрал, выплатив им отступные. И воспитывал как своего. И даже когда женился да законные детки пошли, про самого первого не забыл и другим не позволил.

Так что образование Хлопонин получил достойное. И дар свой развил. И в военном деле себя показал. Да и сейчас...

Хоть и выводил его из себя Хлопонин время от времени, но о решении использовать стрелковый клуб как одно из подразделений своей службы Трубецкой не пожалел ни разу.

– Девочке пора взрослеть. И учиться разбираться в людях.

Что ж, с этим Трубецкой спорить не собирался. Тем более что его сына это тоже касалось.

И ведь вроде бы сам всему учил, но, похоже, без собственных шишек прописные истины плохо доходят.

– Ваше превосходительство, – с неожиданным задором улыбнулся вдруг Хлопонин, – вы кого нам вместо Луки подсунули?

Трубецкой на реплику отреагировал спокойно, хоть и захотелось в очередной раз отвернуть собеседнику голову. Лишь посмотрел...

Другие после такого взгляда предпочитали как можно скорее слиться, этот же только хмыкнул. Мол, со мной номер не пройдет.

И правда, не проходил. По крайней мере, до этого момента точно.

– Мы же разобрались с той машиной, – не став настаивать на ответе, продолжил Хлопонин. – К Саше она отношения не имеет. Нас просто грузили, отвлекая внимание.

– Кто? – нахмурился Трубецкой.

Хлопонин не ошибся. Лука Трофимов Лукой Трофимовым не был. Редкий сотрудник, которого Трубецкой уже использовал, когда требовалось «подставить» ребенка. Внешность – детская, а вот способности на уровне того же Реваза, который и опасность учует задолго до того, как станет поздно, и от стаи волков отбрешется, прикинувшись таким же, как они.

– Служба безопасности, которая обслуживает международное юридическое агентство «Сила». Их московский филиал.

– Значит, все-таки Филоненко, – задумчиво протянул Трубецкой. Бросил взгляд на наблюдавшего за ним Мещерского.

Любопытен был князь. И умел делать правильные выводы. А то, что защиту не «пробить»...

– Давай завтра к десяти ко мне. Прикинем, насколько все серьезно и что с этим делать.

Хлопонин кивнул и отключился.

А Трубецкой, снимая сферу, подумал, что проблемы с некоторыми пор начали сыпаться как из рога изобилия.

И хотя связи между тем и другим точно не было, но началось это с появлением Александры в Москве. Словно именно она послужила невольным катализатором скрытых до определенного момента процессов.

Глава 6

– От имени главы рода и от себя лично приношу извинения за действия своего сына и его гостей.

Николай Иванович, отец Антона, был серьезен и мрачен. И, как мне показалось, весьма недоволен. Но не нами. За нас он беспокоился, я это чувствовала совершенно точно.

– Также от себя лично хочу добавить, что вы были, есть и будете желанными гостями в нашем доме. И я очень надеюсь, что мой сын найдет слова, чтобы донести всю глубину своего раскаяния.

– Николай Иванович... – Я сделала шаг и остановилась.

В первое мгновение, когда он вошел в комнату, я испугалась. И этот страх был так силен, что потряхивало меня до сих пор. Все-таки ощущать беспомощность перед сильными мира сего – не самое приятное из того, что можно испытать в жизни.

– Николай Иванович, – повторила я уже тверже. – Все, что произошло, – чудовищное недоразумение. Я думаю...

– Александра Игнатьевна, – едва заметно улыбнувшись, воспользовался моей заминкой отец Антона, – ваша тактичность делает вам честь. Более того, я уже заранее начинаю завидовать мужчине, которого вы назовете мужем. Иметь супругу, которая умеет обходить острые углы, настоящее счастье.

– Николай Иванович, – невольно ответив улыбкой на улыбку, качнула я головой, – мне очень приятна ваша оценка, но...

– Никаких «но», – мягко перебил он меня. – Сегодня мы эту тему развивать не станем, но я изыщу возможность, чтобы продолжить наш разговор. А пока не будем заставлять ждать Андрея Аркадьевича. Слуги отнесут ваши вещи, а я позволю себе проводить своих прелестных гостей до машины.

С таким решением я была полностью согласна. Чем быстрее покинем имение, тем спокойнее будет. Да и Юля не горела желанием что-либо добавлять. Накинув курточку, она последовала за направившимся к двери Николаем Ивановичем.

Я же чуть задержалась. Буквально на пару секунд. Окинула комнату быстрым взглядом – не забыла ли чего, проверила телефон в

кармане...

Это могло показаться странным, но обиды на ребят я не держала. Не их вина, что наши миры оказались разными.

Впрочем, и не моя.

А вот о чем точно сожалела, так о несостоявшейся прогулке верхом. Лошадей я любила. Они меня, кстати, тоже.

Когда закрыла за собой дверь – наши сумки слуга уже вынес, Николай Иванович с Юлей успели дойти до конца коридора. Пришлось догонять. Спускаться в холл одной мне не хотелось. Мало ли какая встреча...

Как говорит Андрей, накаркала.

– Сашенька, – позвали меня, не успела еще дойти до Юли и отца Антона, которые ждали меня неподалеку от двери.

Остановившись, развернулась к спешившей ко мне княгине Воронцовой.

С Надеждой Николаевной мы сегодня виделись. И даже перебросились парой фраз. Но это было сразу после обеда. А теперь...

– Надежда Николаевна, – отметив некоторую бледность ее лица и легкую одышку, шагнула я ей навстречу, – как вы себя чувствуете?

Моего вопроса она явно не ожидала. Остановившись, посмотрела на меня с недоумением:

– Сашенька?

– Как вы себя чувствуете? – повторила я, перехватив ее запястье.

Пульс частил. И хотя это можно было бы списать на то, что торопилась...

– Сашенька, что-то случилось? – бросив взгляд на отца Антона, княгиня вновь посмотрела на меня.

– Где? – не сразу сообразила я, о чем она спросила. – А... Нет, – улыбнулась я ей, насколько это было возможно искренне. – Так сложились обстоятельства, что нам с Юлей нужно вернуться домой.

– Точно? – Неудивительно, что она не поверила она мне. С ее-то жизненным опытом! – Тебе не нужна помощь?

– Помощь мне действительно не нужна. – Лишь теперь я отпустила ее руку. – А вот вам...

– Пустое, – вроде как отмахнулась от меня княгиня. – Просто немного устала.

– На усталость это мало похоже, – недовольно качнула я головой.

Выглядела Надежда Николаевна великолепно. Красота, которую возраст лишь облагородил, добавив величия. Но это была только внешняя картинка. Иллюзия, которую она всеми силами поддерживала.

А вот то, что находилось внутри...

С последней нашей встречи княгиня сильно сдала. Словно все это время вела борьбу, не достигнув, впрочем, в ней успеха.

И это в ней чувствовалось.

– Надежда Николаевна, когда вас последний раз осматривал целитель? – хоть и понимая, что меня ждут, все-таки продолжила я расспрашивать княгиню о здоровье.

Ее сердечно-сосудистая система работала с нагрузкой. Если учесть, что совсем недавно у нее диагностировали предынфарктное состояние...

То, что я видела, вызывало у меня беспокойство.

– Сашенька, это...

– Нет! – перебив, твердо произнесла я. – Либо вы завтра же покажетесь целителю, либо...

Хорошо, что подкреплять угрозу не пришлось. Она кивнула, как только я сделала паузу.

– Для твоего спокойствия вызову Данилу Евгеньевича, – как-то по-особенному посмотрев на меня, заверила она.

Расслабилась я рано. Ее тон изменился мгновенно:

– Я должна увериться, что у тебя будет достойное сопровождение.

Теперь уже мне пришлось кивать. То, что Надежда Николаевна не откажется от своего решения, лично мне было очевидно.

И, похоже, не только мне. Я лишь собиралась попросить у Николая Ивановича плащ или плед – Надежда Николаевна была в шелковом брючном костюме, когда подошедший слуга накинул на плечи княгини большую шаль.

Вопреки ожиданиям, княгиня слугу поблагодарила. Не небрежным кивком, как принято у людей ее положения, а вежливо произнеся: «Спасибо!»

Добавило ли это очков Надежде Николаевне в моих глазах?

Да, добавило. Хотя она и так нравилась мне значительно больше, чем ее супруг.

На крыльцо мы вышли вслед за Николаем Ивановичем и Юлей. Я подала Надежде Николаевне руку, чтобы помочь спуститься по лестнице, но она вдруг замерла, пристально глядя на стоявшего у машины Андрея.

– Кто это? – спросила она у меня.

Я посмотрела на Андрея, потом на княгиню... Губы у нее дрожали, словно она не могла справиться с эмоциями.

– Мой крестный, – не понимая, что с ней произошло, произнесла я. – Он – хозяин стрелкового клуба «Исень». Хлопонин Андрей Аркадьевич.

– Твой крестный? – переспросила она неверяще, словно только что стала свидетелем чуда, но никак не могла признать, что это действительно случилось.

– Да, – повторила я, с удивлением замечая, как у нее на глазах выступают слезы. – Надежда Николаевна, вам...

– Со мной все хорошо, деточка. – Она схватила мою ладонь и сжала. – Теперь правда все хорошо.

Разобраться, что так обрадовало княгиню, мне не удалось. Андрей торопился. Да и отца Антона ждали гости.

Мы наскоро попрощались, я попросила Николая Ивановича присмотреть за княгиней и, пообещав, что обязательно проверю, связалась ли она с профессором, села в машину. Впереди, как пожелал Андрей.

Юля устроилась сзади.

Когда покинули поместье, к внедорожнику Андрея добавились еще два минивэна – машины сопровождения.

– Это за что нам такая честь? – надеясь, что при Юле Андрей не начнет меня отчитывать, поерзала я на сиденье. Несмотря на вроде бы комфортные условия, в его машине чувствовала я себя неуютно.

– За красивые глазки, – совершенно беззлобно отбрил меня Андрей. Потом оглянулся и произнес, обращаясь к Юле: – Там есть подушка, можешь подремать.

Полтора часа до стрелкового клуба. Там еще чуть больше часа... Да, при желании вполне можно было выспаться.

– Если вам нужно поговорить...

– Нужно, – перебил ее Андрей и опустил перегородку, разделившую салон на две части.

Юля на это словно и внимания не обратила. Бросив подушку к одной из дверей, сняла обувь и легла, пождав ноги.

Ну а я...

– Бить будешь? – тяжело вздохнув, опустила я голову.

Главное, правильно продемонстрировать раскаяние. И искреннее желание исправиться.

Андрей в ответ на мое комедиантство хмыкнул:

– Думаешь, поможет?

Я обиженно поджала губки и активно замотала головой.

– Вот и я так думаю, – усмехнулся он. – Но провести душещипательную беседу обязан.

– Ну, если обязан... – протянула я, догадываясь, что самого страшного избежала.

Оглянулась... Юля, натянув на голову наушники, лежа слушала музыку.

– Тогда первый вопрос, – бросил Андрей на меня быстрый взгляд. – Я знал о том, что у Антона день рождения?

Вопрос был глупым, но раз уж Андрей выбрал такую схему для разговора, лучше не спорить.

– Знал, – глядя на мелькавшие в темноте огни – имение Мещерских в этом направлении было не единственным, признала я.

– И заготовки для амулетов привез тебе сам.

– И заготовки для амулетов привез мне сам, – повторила я с теми же утверждающими интонациями. – Но ты же...

Я осеклась.

В моем арсенале было с десяток амулетов, но на этих заготовках, солнце – луна, можно было собрать только два. Один – защитный, второй – восстанавливающий. Тот самый, который я и подарила Антону.

Предугадать, какой именно буду делать, Андрею было несложно. Хороший защитный ему могли собрать и маги рода, а вот восстанавливающий, который разработал мой отец, нет. А если еще и учесть, что Антон – курсант военного училища...

– Вот видишь, – заметив работу мысли на моем лице, одобрительно протянул Андрей. – И ты считаешь, что, грози тебе

неприятность, я бы тебя не остановил?

Пришлось опять вздохнуть – ожидать подлости от Андрея точно не стоило. Однако сразу соглашаться я не собиралась:

– А если в воспитательных целях? – быстренько нашла я причину.

Брошенный на меня взгляд был укоризненным.

– Ну не до такой же степени!

– Извини, – буркнула я, признавая его правоту. – Значит, отец амулет запатентовал?

– Именно! – вроде как с облегчением воскликнул Андрей. – И в patente оговорено, что сам Игнат, как разработчик, и члены его семьи имеют право использовать амулет в личных целях.

– Но отец Игоря об этом не знал...

– Знал, – вновь перебил меня Андрей. – Он был в комиссии, которая проводила оценку амулета, подписывал экспертное заключение и видел итоговые формулировки.

– Так почему...

Я замерла, глядя на Андрея округлившимися глазами. Игнат и члены его семьи...

– Так он понял, чья я дочь? – прошептала я, сообразив, чем именно был ошарашен Валдаев-старший. – И ты...

– Саш, – Андрея мое «открытие» нисколько не беспокоило, – если я что-то делаю...

– Я поняла, – перебила я его, мысленно закончив оборванную фразу.

Но если бы все было так просто...

В том, что через мое «воскрешение» Андрей передал Валдаеву-старшему «весточку» от Игната, я разобралась. А вот зачем ему нужно было рассорить меня с парнями – нет.

* * *

Наследственную карту Юлии Соколовой Трубецкой посмотрел. И это было первое, чем он занялся, появившись утром в своем кабинете.

А потом клял себя последними словами, что не сделал этого раньше. И не поговорил с Данилой, который просто обязан был знать о

наследственных особенностях своей старшей дочери.

Не пустышка – аккумулятор для способностей рода супруга, которыми были все девочки, рождавшиеся, например, в императорском роду, но очень близко к этому. Спящий целительский дар, который она обязательно передаст ребенку мужского пола. И усиление по стихиям для дочери.

Если думать о сиюминутной выгоде, то особо похвастаться нечем. А вот если о будущем...

Почему молчал Данила, он догадывался – хотел, чтобы дочь вышла замуж по любви, а не из-за своих скрытых талантов. А вот почему он сам был недалёковиден...

Объяснений, чтобы оправдывало на все сто, у него не было. Только сожаления.

Часы пробили десять.

Трубецкой сложил в папку подписанные бумаги и отдал ее помощнику.

Дождавшись, когда тот, забрав, выйдет из кабинета, окинул взглядом сидевшую за приставным столом троицу.

Хлопонин. Варланов. Башаров.

С Маратом Башаровым Хлопонин знаком давно. Не друзья, да и не могли ими быть – разница в возрасте и мировоззрении. Не приятели. Не конкуренты, но – соперники. У каждого свои задачи, однако пересекались все чаще, что Марату явно не нравилось. Но он молчал и, лишь когда доходило до дела, едва ли не выворачивался наизнанку.

Трубецкого это вполне устраивало. Как и позиция Хлопонина, для которого все это – как детские игры. Если кому-то нравится, пусть развлекается, он же будет выше подобных забав.

Варланов в этом негласном соперничестве новичок, но это если брать по персоналиям. А так...

Чтобы за твое продвижение хлопотал сам начальник полиции Центрального округа Москвы, нужно действительно быть лучшим.

– Ну что, с кого начнем? – произнес он, удовлетворившись увиденным.

– Позвольте мне? – чуть приподнялся над стулом Варланов.

Трубецкой махнул – сиди, тот плюхнулся обратно, явно рассчитывая именно на такую реакцию князя.

И ведь не сказать, что разбавил эту троицу, но...

– Не нравится мне все это, – в качестве предисловия начал Варланов. Встретился взглядом с Хлопониным и чуть заметно кивнул, словно отвечая на незаданный вопрос. – Мы проверили наркотики, которые всплыли в ночных клубах. Не знаю, чем нюхало Управление наркоконтроля, но наркота не персидская, а афганская.

– А печати на упаковке? – вспомнил Трубецкой отчет об обыске у одного из дилеров.

Взяли тогда не только серьезную партию, но и фрагмент самой упаковки, на которой сохранился штамп с изображением льва и солнца в обрамлении хлебных колосьев.

Выглядело не совсем стандартно, но стилизация весьма напоминала герб Персии.

– Сама печать старая – отчетливо видны потертости, а вот проштамповано недавно. Два месяца назад. – Достав из папки лист бумаги, Варланов протянул его Трубецкому.

Хлопонин, сидевший как раз между ними, успел перехватить...

Говорить, что кто-то много себе позволяет, Трубецкому не пришлось.

– Вали Рахим? Так мы же его... – несколько озадаченно посмотрел на Трубецкого Хлопонин.

– Вот именно, – вместо князя отреагировал Варланов. – По данным военного ведомства, род Вали Рахима, которому и принадлежит штамп, вы вычистили до последнего взрослого.

– Вали Рахим, это тот самый?! – рассматривая отчет, нахмурился Трубецкой.

Кто именно напал на пограничную крепость, они тогда установили без проблем – пуштунский род, державший в этом регионе ведущий в Россию наркотрафик. Ну и ответили по принципу: каждому по делам его.

Со стороны, возможно, выглядело излишне жестоко, но...

Результат был. Сколько лет прошло, а пограничникам в том районе все еще делать было практически нечего.

– Значит, кто-то из деток подрос и возмужал достаточно, чтобы вспомнить, чем именно промышляли родичи, – задумчиво протянул Хлопонин. – Надо было и их...

– Андрей! – резко оборвал его Трубецкой.

По большому счету с Хлопониным он был согласен. Как бы страшно ни звучало, но дети кровного врага, оставленные в живых, имели свойство вырастать. И чаще всего становились новыми кровными врагами.

А уж когда речь шла о наркоте...

Персидский наркотрафик был серьезной проблемой, справиться с которой, несмотря на все усилия, удавалось слабо. Все как в той присказке: закроешь дверь – пролезет в окно.

С афганским тоже все было не очень, но... В отличие от персов с их короткой памятью афганцы еще помнили, чем закончилось последнее противостояние.

Как оказалось, не все.

– Связался с пограничниками на афганской границе, – между тем продолжил Хлопонин, – те клянутся, что у них чисто. Пропустить, конечно, что-то могли, но мелочовку. А судя по упаковке, у нас речь идет чуть ли не о промышленных масштабах.

– По отчетам, вся контрабанда четко контролируется, – подал голос Марат.

Трубецкой, продолжая оценивать крутившиеся в голове мысли, кивнул.

Да, контрабанду пропускали. Не всю, конечно, – за отлов пограничники получали хорошие премии, так что лишать их дополнительного заработка точно не стоило. Но все, что проходило мимо «всевидящего ока» зеленопогонных, без учета тоже не оставалось. Откуда? Куда? Что? По чьему заказу?

Все это позволяло рисовать весьма замысловатые схемы неявных взаимоотношений между родами, между родами и криминалом, а также выявлять связи с той стороной.

Ну и фиксировать компромат. Куда ж без него. Эта дрянь всегда пригодится.

– Состав новый, появляться начал около полугода назад, – добавил Варланов. – Похоже, шел все-таки по персидскому каналу, потому и наркоконтроль не сразу сообразил, что пробили новый трафик.

– Думаю, дело не только в этом, – скривился Хлопонин. – Мои парни покрутились по клубам. Зацепили там весьма неожиданные контакты.

– И ты... – жестко посмотрел на него Трубецкой.

– Ваше превосходительство, – тот скабречно улыбнулся, – аналитики сведут все в одну кучу, вот тогда и отчитаюсь. А пока... – Он развел руками, намекая, что половину сделанной работы показывать не привык.

Самостоятелен был Хлопонин. И – въедлив. Если уж за что зацепится...

Вроде и неплохо – с его-то опытом и без особого контроля справлялся, но...

Заносило иногда Андрея Аркадьевича. Особенно на дружеских отношениях, которые у него стояли в том же приоритете, что и интересы империи.

– Кстати... – сбив с мысли, подался вперед Хлопонин.

Трубецкой внутреннего напряжения не показал – тоже опыт, но насторожился. Когда этот тип делал стойку, о спокойной жизни можно было забыть.

– Подожди, – неожиданно перебил его Варланов. Как если бы знал, о чем Хлопонин собирался сказать. – Поставки сырья на фармпроизводства Ушакова мы проверили. Не скажу, что прямо-таки идеально, но все найденное скорее тянет на выпуск неучтенной продукции, чем на возможный канал сбыта. Комиссия работает на заводах Ермолина и Дашковых, но пока...

– А я бы обратил внимание на Артемия Зубова, – вновь вклинился Хлопонин.

– И чем же он тебе так не угодил? – Марат не сказать что съязвил, но явно дал понять, что не понимает сути претензий.

Княжеский род Зубовых из первой сотни. Но это по родословной. А вот по могуществу да накопленным богатствам уже давно спустился значительно ниже.

И ведь случилось все едва ли не в одночасье. Сначала, одряхлев, помер старый глава рода. Потом новый влез в махинации и прогорел, предпочтя покончить с собой, но не нести крест бесчестья. Родственники из боковых ветвей отвернулись, посчитав, что каждый теперь живет за себя. Из двух сыновей один спился, а второй сидел тихо в Царицыне, сохраняя, как мог, то небольшое, что у него осталось.

Не зная о дотошности Хлопонина, который делиться непроверенной информацией не будет, Трубецкой бы с Маратом

согласился, но...

– Так что там с Зубовым? – поторопил он.

– Интересные связи, – ощерился довольной улыбкой Хлопонин. – Знаете, по чьей наводке папенька Артемия влез в авантюру? – Дождаться ответа он не стал. – Есть сведения, что вкладывал он деньги в проект логистического центра на границе с Персией по рекомендации нынешнего князя Салтыкова.

– Сведения или?.. – подобрался Трубецкой.

Салтыков – отдельная история. Внешне – благопристойная. А вот если присмотреться...

Присматриваться к этому роду Трубецкой начал после конфликта с Воронцовыми, начатого с подачи отца Игната.

И ведь ничто не предвещало...

На стихии Анну Салтыкову, как и большинство девочек, проверяли в четырнадцать. Было даже заключение: слабые воздух и ветер. Для других, не столь родовитых, ничего хорошего – с такими данными достойной пары не найти, но когда речь идет о предках с тысячелетней историей и соответствующем приданом, то никаких проблем.

И ведь сначала все шло неплохо – Воронцов-старший хоть и отказал Игнату в благословении, но дал понять, что готов передумать, если наследственная карта невесты его устроит.

Карты он так и не получил, да и не мог – Салтыков сделал все, чтобы скрыть результаты освидетельствования.

Пустышка!

В империи полные пустышки рождались только в одном роду – императорском. Так что вердикт оказался фактически признанием. Чужая кровь! Ублюдок в роду Салтыковых!

Стань эти сведения достоянием гласности, от Салтыковых ничего бы не осталось – слишком много гонора, слишком кичились чистотой рода, чтобы другие не воспользовались, закидав камнями, но император был против внутренних войн, приказав засекретить все, что касалось Анны Салтыковой.

А потом было тайное венчание, отъезд новобрачных в гарнизон и...

Казалось, что все стихло.

Увы, только казалось.

– Или, – вздохнул Хлопонин. – Слуга покончившего собой Зубова оказался предприимчивым, сохранил переписку между ним и Салтыковым-старшим.

– Неожиданный поворот... – качнул головой Трубецкой. – Но это ведь еще не все?

Усмешка Хлопонина была кривой.

– Артемий Зубов женат на внучатой племяннице князя Салтыкова. И в качестве приданого получил небольшой заводик в Царицыне, на который четыре года назад взял лицензию на производство фармпрепаратов.

– Но в реестре по заводу Зубова нет поставок наркотического сырья, – возмущенно постучал пальцами по столу Марат.

Потом, смутившись, резко опустил руки, устроив их поверх лежавшей на коленях папки.

Трубецкой отметил это машинально. Больше его сейчас интересовал ответ Хлопонина, от которого многое зависело.

– Не было или нет? – словно бросая вызов, посмотрел Хлопонин на Марата.

И вновь дожидаться реакции не стал. Вынув из внутреннего кармана свернутый лист, расправил его и протянул Трубецкому.

– В центральную базу не пошло – не те объемы, а вот в региональном реестре есть запись о начале производства препарата, сырьем для которого как раз и является наш порошок.

– Это еще...

– Извините, – рывком поднялся из-за стола Хлопонин. Отойдя, ответил на звонок. – Да, слушаю...

Судя по брошенному на Трубецкого взгляду, в этом «слушаю» хорошего ничего не было.

* * *

Синдром выходного дня...

Несмотря на то что легла далеко за полночь, проснулась я лишь чуть позже обычного. Поворочалась, пытаюсь снова заснуть, но не получилось. Использовать что-либо из целительского арсенала смысла не имело – можно потом провалиться и до обеда, так что предпочла

встать. Тем более что заняться было чем – задали нам много. Половину я сделала еще в пятницу вечером, но оставалась вторая, требовавшая внимания.

Позавтракала в одиночестве. Если не считать, конечно, учебника по анатомии и двух атласов, которые лежали рядом.

И хотя отец частенько ругал меня за привычку читать во время еды, отучить от этого так и не сумел. Одно дело, когда за столом большой семьей да не виделись весь день, а когда, кроме тарелки и тебя, никого, просто на прием пищи терять время совершенно не хотелось.

К десяти с анатомией я закончила. Причем прошла немного дальше, сделав запас. Сорок минут на латынь. Потом история государства Российского и еще одна история – классической медицины и целительства.

Я только занялась химией, когда на связь вышел Андрей.

Ответив, хотела пошутить, что еще не успела ничего натворить, но стоило напороться на его взгляд, как желание веселиться исчезло напрочь:

– Что случилось? – отставив кружку с чаем, которую держала в руке, поднялась я со стула.

В голове был сумбур. С отцом вроде все в порядке – ничего тревожного я не ощущала. С самим Андреем – тоже. Как и с теми, кого считала друзьями-приятелями, хоть они и перестали ими быть. Дару ведь не скажешь, что расстались. Раз еще вчера находился рядом, значит, свой. Это со временем сойдет на нет.

– Мне нужна твоя помощь, – оглянувшись на кого-то, кого я не видела, вновь посмотрел на меня Андрей. – Как поисковика.

– Кто? – нахмурилась я.

С чужими эффективность поиска близилась к нулю. Да и с теми, кто знаком... Это с Яной повезло – я почувствовала ее раньше, чем сама осознала, а так зависимость прямая: чем лучше знаю человека, тем быстрее на него настроюсь.

– Лука Трофимов, – произнес Андрей. – Охрана отбивала контроль, он не ответил. Вошли в комнату, а там... – Он развел руками.

– Андрей, ты же знаешь... – попыталась я напомнить, что поиск для меня – случайность. Получится не получится...

– Саша, – перебил он меня, – тут...

– Через сколько быть готовой? – на этот раз уже я не дала ему закончить.

Крестный был прав! Когда речь шла о жизни или здоровье, должны быть задействованы все возможные силы. А уж дальше...

Дальше как выложишься.

Или как повезет. Хотя и философское понятие, но в реальности от удачи зависело многое.

– Через двадцать минут за тобой заедут Владимир и Сергей, – опять оглянувшись на кого-то, ответил Андрей. – И оденься так, чтобы сверху можно было натянуть камуфляж.

Я в ответ кивнула, но уже пустому экрану – Андрей отключился сразу, как закончил говорить.

Потом отошла от стола, развернулась, цепляясь взглядом за разложенные учебники, за коробку с камнями – подарок профессора, за оставленную на спинке дивана кофточку...

Всего лишь миг, чтобы все изменилось, из неважного став ценным, из чужого, не имеющего ко мне никакого отношения, близким и дорогим, а то, без чего, казалось, больше не смогу существовать, совершенно ненужным.

Рассуждения были не к месту и не ко времени, но мысль, если уж появилась, трудно изгнать. Особенно такую.

Переделась я быстро. Узкие джинсы, водолазка с горлом. Кроссовки. Не новые, которые на выход, старые, хорошо разношенные. Во-первых, удобно. Во-вторых, мало ли в какие дебри придется лезть. Испорчу, так не жалко.

В рюкзачок забросила влажные салфетки, бутылочку с водой, набор первой помощи и несколько амулетов, которые могли пригодиться.

У ребят это все, конечно, имеется, но со своим было привычнее.

Дверь открылась, когда я, прихватив курточку – на всякий случай, уже собиралась покинуть флигель.

– Саш...

Юля остановилась на пороге, окинула меня взглядом сверху вниз.

– Позвонил Андрей, позвал на тренировку, – решила я обойтись полуправдой.

Со мной она вряд ли попросится – в отличие от Яны Юлю стрелковый клуб совершенно не впечатлил, а так вполне уважительная

причина, чтобы сорваться с места.

– Будет нотации читать, раз уж ночью не удалось? – улыбнулась Юля. Вот только радости в этой улыбке было мало.

– Антон звонил? – сделала я предположение, украдкой бросив взгляд на часы.

Шестнадцать минут. В том, что касалось времени, Андрей был точен, так что три-четыре минуты у меня еще оставалось.

– Звонил, – вновь сделав попытку улыбнуться, вздохнула Юля. – Я не стала разговаривать.

– Возможно, зря, – твердо посмотрела я на подругу. – Если он тебе нравится, то вам все равно придется пообщаться.

– О чем? – вскинулась она, но тут же обмякла. – Ладно, с этим я и сама разберусь.

– А с чем не разберешься? – Я мысленно посетовала на то, что надо бежать.

С Антоном ей, конечно, надо поговорить, как и мне с ней. Уже спокойно, без тех эмоций, что заставляли принимать решения прошлым вечером.

Нет, мое восприятие сделанного ребятами не изменилось – грубость Трубецкого при тех обстоятельствах невозможно оправдать, но и наше поведение отдавало истерикой. Особенно если учесть, перед кем мы ее закатили. Перед наследником княжеского рода!

Признаться честно, именно эта мысль и не давала мне спать спокойно. Не должна была я доводить до такого, чтобы Николай Иванович приносил нам свои извинения.

Увы, сделанного не воротишь. И все, что я могла, лишь попытаться найти способ все исправить.

– Со всем разберусь, – хмыкнула она. – Папа просил передать, что княгиня Воронцова с ним связалась. Он посмотрит ее сегодня после обеда.

В самую пору было краснеть – о бабушке я совершенно забыла.

Впрочем, меня пусть и слегка, но оправдывало то, что ее состояние вызывало беспокойство, но не опасения.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я. – Извини, надо бежать. Вечером пообщаемся.

Юля в ответ кивнула, развернулась, чтобы покинуть гостиную...

– И с Антоном поговори, – произнесла я ей в спину. – Он нормальный парень.

– Все они нормальные, – явно недовольно буркнула Юля и поспешила закрыть за собой дверь.

Вот ведь... Вчера я чувствовала себя борцом за справедливость, а сегодня...

Нужно было просто набить Трубецкому морду, решив проблему раз и навсегда.

С этой жизнеутверждающей мыслью я вышла из флигеля. Как раз вовремя. Остановившийся у ворот серый минивэн был мне знаком. Именно он участвовал в поисках Яны.

Боковая дверь открылась, не успела я взяться за ручку.

– Привет, – сдвинувшись, пропустил меня Сергей.

– Привет, – забираясь внутрь, поприветствовала я его и Владимира, сидевшего на водительском месте.

Владимир в ответ кивнул – его взгляд я поймала в зеркале заднего вида. Машина дернулась...

Сергей успел меня перехватить, тут же утвердив на сиденье.

– Вов, ты бы аккуратнее, – вроде как посетовал он.

– Как скажешь, – фыркнул тот, резко повернув руль вправо.

– Не обращай внимания, – дождавшись, когда машина выровняется, устроился напротив меня Сергей. – Нервничает.

– Я не нервничаю, – огрызнулся тот. – Я – зверею.

– Это заметно, – не преминул зацепиться за сказанное Сергей. – Пугаешь девушку.

– Ее напугаешь, – хохотнул Владимир. – Она сама кого угодно...

– Решили психологическую поддержку организовать? – наивно поинтересовалась я, лишь теперь сообразив, на что похожа перепалка.

– А нужно? – улыбнувшись, поинтересовался Сергей и бросил взгляд мне за спину.

Я тоже оглянулась.

– Это – мне? – догадываясь, что все так и есть, поинтересовалась я участием лежавшего на заднем сиденье камуфляжа.

– Тебе, – тут же посерьезнел Сергей. – Саша, давай договоримся сразу. Мы отвечаем за тебя головой и прочими частями тела. И если на тебе окажется хоть царапина, Андрей Аркадьевич не просто сделает из

нас отбивную котлету, но и совершит это в особо извращенной форме. Поэтому...

– Я поняла, – приподняв руки, словно сдаваясь, улыбнулась я. – Сначала думаю, потом говорю и только затем делаю, а не то...

– Саша... – перебив, нахмурился Сергей.

И что за день?! Уже вторая попытка пошутить потерпела неудачу.

– Я действительно все поняла, – уже без улыбки произнесла я. И, демонстрируя покладистость, откинулась на спинку, закрыла глаза.

Говорить ничего не пришлось. Владимир и так молчал, если не считать пары произнесенных в ответ реплик, а Сергей тут же затих. И похоже, даже не дышал. По крайней мере, едва слышимое гудение двигателя полностью заглушало его дыхание.

Машина ехала ровно. Убаюкивающе шелестели шины. Шум, доносившийся с улицы, был неявным, служа скорее легким фоном, чем мешая скользнуть в то странное состояние, в котором между мной и знакомыми мне людьми протянуты тонкие линии связывавших нас отношений.

Но сделать это все равно не получалось. Как и расслабиться, полностью отрешившись от всего, что окружало.

Я медленно выдохнула. Вдохнула...

Когда искала Яну, все пришло само, достаточно оказалось подумать о девочке. Теперь же...

Запах горячего металла. Кожи, которой были обтянуты сиденья. Кофе...

Перед мысленным взором тут же возник стаканчик с крышкой, из-под которой едва заметно выползал ароматный парок.

Я дернула головой, избавляясь от видения. И у меня это даже получилось, но...

Рассеявшийся аромат кофе вернул в академию, дав увидеть бредущего по коридору Луку.

Угрюмый. Нелюдимый. И даже казалось, что какой-то неуклюжий.

На пятнадцатилетнего он был мало похож – не хватало задора юности и некой эпатажности. В его возрасте да учиться в академии...

Сейчас все это было не важно, значение имело совершенно другое. Он был универсальным донором – серьезный соблазн для желавших занять живую батарейку, способную не только по

максимуму вернуть здоровье, но и значительно продлить земное существование. И это только одна из возможных причин. А ведь была еще Аня Филоненко, мать которой занималась охотой на уникальных специалистов...

На мгновение стало... нет, не страшно – мерзко, словно это я, перечеркнув все принципы, которые прививал отец, собиралась вмешаться в чужую судьбу. Словно это я отравила воду в бутылке, из которой он пил. Словно это я смотрела, как замер, прежде чем упасть на пол в бывшей все еще чужой ему комнате. Словно это я...

– Саш... – Сергей положил руку на мое колено.

Я вздрогнула, открыла глаза.

– Ты стонала. Что-то поймала?

Сергей был прав. Я что-то поймала. И хотя все еще не знала, где Лука, зато точно чувствовала, как ему плохо.

* * *

Прежде чем выйти из машины, надела камуфляж и натянула балаклаву. Вещи из рюкзака переложила в другой рюкзак. Выглядело смешно – тот был значительно больше, чем мой, но я предпочла держать все под рукой. У парней, конечно, имелось все необходимое, но свое – это свое.

А еще на мне были перчатки и высокие резиновые бахилы. Как сказал Сергей, чтобы сгладить опознавательные маркеры.

На словах было хорошо, а вот как окажется на самом деле... Камуфляж сидел мешковато, практически полностью лишая фигуру девичьих округлостей. Но даже с такими мерами предосторожности оставалось только надеяться, что сторонний наблюдатель не сделает правильных выводов.

– Саша, – прихватив за плечо, в последний момент остановил меня Сергей, – ты все помнишь?

Хотелось вздохнуть и заявить, что провалами памяти не страдаю, но делать этого я не стала. Не тот случай.

– Да, – кивнула я. – Мой позывной – Следопыт. Ни с кем, кроме тебя, Володи и Андрея Аркадьевича, я не разговариваю. Если нужно

что-то сказать, а рядом чужие, даю знак и отхожу с кем-нибудь из вас в сторону.

– Молодец, – улыбнулся Сергей. Я уже собралась толкнуть дверь, но он вновь придержал меня. – Ты ведь понимаешь, что все это делается для твоей безопасности?

Я понимала. В поиске похищенного Луки явно задействовано множество людей. И не все они имели отношение к стрелковому клубу.

– Ну вот и хорошо, – опередив меня, сдвинул он дверь в сторону. Выскочил первым, встав рядом с дожидавшимся нас Владимиром.

Оба в камуфляже, как и я, но если на них он сидел так, как положено – являясь органичной частью того, кем они являлись, то на мне все это смотрелось как на пугале.

Однако сейчас думать об этом было поздно. Не знаю, чем опоили Луку, но ему действительно было плохо.

Андрей обернулся, стоило выйти из машины. Как почувствовал. Сказал что-то стоявшему рядом с ним мужчине – тому самому следователю, который опрашивал меня в полицейском участке. Тот ответил, уже Андрею в спину.

Но Андрей отреагировал. Сначала кивнул, потом сложил пальцы в замысловатом жесте, заметить который я успела, а вот запомнить последовательность – нет.

– Ну что? – подойдя, подозрительно спокойно поинтересовался у меня Андрей.

– Больше ничего нового, – поморщилась я, совершенно забыв, что под балаклавой моих гримас он не заметит. – Направление поиска не чувствую.

– Может, нам покататься? – предложил оказавшийся тут как тут Владимир.

Да и Сергей не заставил себя ждать. Они и до этого стояли неподалеку, а теперь подошли вплотную.

– Обязательно покатайтесь, – заверил его Андрей, – но чуть позже. Сначала я поговорю со Следопытом, а уже потом решим, с чего начинать.

Сергей с Владимиром оказались понятливыми, дважды повторять не пришлось. Вновь отошли к машине, не торопясь присоединиться ни к одной из державшихся поблизости групп.

– Саша, – Андрей смотрел на меня внимательно, словно сквозь ткань балаклавы пытался разобрать выражение лица, – я тебе должен кое-что рассказать про Луку...

– Нет! – резко оборвала я. И даже выдохнула с облегчением, когда крестный послушно замолчал. – Я ищу того Луку, которого знаю. Все остальное – не важно. Как минимум пока.

Андрей ответил не сразу. Нахмурился... ему не шло. Да и выглядело непривычно.

Да, в последнее время я видела его и серьезным, и заведенным, и даже злым. Но тот Андрей, которого хорошо знала и любила, был другим. Пусть и не всегда веселым, но шепутным и легким на всякие проделки.

С чем связана такая метаморфоза, я понимала. Там, в имении, было пусть и не проще – держаться настороже давно стало естественным состоянием для Андрея, Реваза и отца, но все, кто находился рядом с ними, относились к кругу людей, которым веришь безоговорочно. Здесь все выглядело иначе, начиная с рисков и заканчивая ответственностью за меня.

И что время от времени серьезно давило мне на плечи – я прекрасно осознавала, что своими пусть и невольными, но все равно проделками его жизнь легче не делала.

– Хорошо, – наконец произнес он. – Тогда о другом. У нас есть предположение, что его попытаются вывезти на территорию посольства иностранного государства. Наиболее вероятные направления мы перекрыли, но не уверены, что успели. Поэтому твоя первая задача – проверить возможность его нахождения там. В зависимости от результата будем думать дальше.

– Но сначала я должна посмотреть комнату, из которой его похитили, – чуть качнула я головой.

– Ты уверена, что это обязательно? – после короткой паузы уточнил Андрей.

Не сказать, что я была уверена на все сто, но...

Несмотря на уверения, что обстановка в моем видении полностью соответствовала реальности, я должна была убедиться в этом сама.

– Да, – твердо произнесла я. – И чем быстрее мы это сделаем...

– Понял, – тем не менее недовольно произнес Андрей. – Володя, Сергей, – позвал он.

Они подошли, встали у меня за спиной.

– Идете в коттедж. Потом как Следопыт скажет, – кивнул Андрей на меня.

Вопросов не последовало. Да и к чему, когда все основное обговорили еще по дороге.

Учебный центр, в котором мы находились, можно было бы назвать городком в черте города. Сначала дорога пару километров вилась среди березовых рощиц. Затем, протянув метров двести по пустырю, упиралась в КПП, вправо и влево от которого разбегался трехметровый забор с протянутой поверху колючей проволокой и магическими датчиками.

За воротами, которые преодолели после тщательной проверки, снова был пустырь, еще один забор и еще один КПП.

А вот за внутренним периметром среди берез и елок прятался тот самый городок. Несколько трехэтажных домов, коттеджи, кафе, кинотеатр.

Владимир сказал, что дальше располагаются корпуса учебного центра и полигон, но нас это вряд ли могло заинтересовать. Охрана там была значительно серьезнее, чем та, с которой мы уже успели столкнуться.

– Вот его комната, – кивнув на единственную в этом крошечном коридорчике дверь, произнес Владимир.

Коттедж оказался двухэтажным, облицованным плиткой под камень. Широкое крыльцо по центру, балкон как раз над ним. Ползущий по натянутым веревкам плющ...

Смотрелось оригинально. А если учесть полисадничек, скрытый от дороги высоким кустарником, то и уединенно.

Да и защита была на уровне. Магические плетения создавали плотный контур, задача которого не пропустить внутрь постороннего.

Так что думать о том, что здесь действовал чужой, не приходилось. Свой, и только свой! И если не хозяин этого коттеджа, то кто-то не просто бывавший в доме достаточно часто, но и прописанный системой опознавания как имевший свободный доступ.

Ну или, как вариант, хорошо знакомый с защитой. Либо ее устанавливавший. Либо – настраивавший, что позволило оставить для себя лазейку.

Озвучивать свои мысли, хоть и считала их разумными, я не стала. Специалистов хватало и без меня. Уж с этим-то они наверняка давно разобрались.

Внутри меня пропустили лишь после того, как все покинули дом. До этого держали в машине.

На мой взгляд, скорее привлекали ко мне внимание, но...

Обсуждать приказ крестного я тоже не собиралась. Он точно знал, что делал.

Подойдя к двери, я остановилась.

Коттедж «дышал» жизнью, наполненный аурой людей, которые здесь бывали. И в большинстве своем ауры эти были «легкими», «жизнерадостными».

Мужчина. Крепкий, сильный, надежный. По-характеру категоричный, где-то даже жесткий, но без злобы. За такими, как он, как за каменной стеной.

Женщина около сорока. Воспринималась она мягкой, домашней, создавая образ, в котором главными были добрые глаза, улыбка, ласковые руки, аромат сдобного теста, корицы и почему-то молока.

Двое мальчишек-близнецов, четырнадцати – пятнадцати лет. Сорванцы, но не пакостливые.

Девочка... Нет, девушка шестнадцати лет...

– С кем она встречается? – обернувшись, посмотрела я на Владимира.

– Кто? – не понял он.

– Дочь хозяев, – ответила я, пытаясь не упустить зыбкое видение, что возникло перед глазами. – Он значительно старше ее. Около двадцати пяти. Веселый, смешливый... – Я нахмурилась. Взгляд незнакомца, несмотря на улыбку, был холодным. – У него мотоцикл и большая темная машина.

Имело ли это отношение к похищению Луки?

К сожалению, ответа на этот вопрос я не знала, однако ауру мужчины здесь, на втором этаже, чувствовала. Едва-едва, как если бы он заглядывал сюда давно.

Невольно качнув головой, прислушалась к себе.

Обман! Аура оказалась практически стертой. И не сказать, что неумело.

Впрочем, зря старался, моему дару хватило и тех крох, что остались.

– Я передам шефу, – тут же отошел в сторону Сергей. Остановился почти у самой лестницы, забубнил что-то в висевшую на шее гарнитуру.

Вновь повернувшись к двери, коснулась ручки.

С ней уже поработали специалисты – я ощущала остатки их внимания. Не знаю, что они обнаружили...

– А вот и Лука, – произнесла я, ощутив, как среди следов «проступила» аура моего сокурсника.

Нажав ручку, толкнула дверь...

Комната оказалась практически квадратной. В правом углу, за узким шкафом-пеналом, заставленным книгами, кровать. Окно, в левом углу еще один шкаф. Скорее всего, платяной. Снова окно. Перед ним стол, на котором аккуратной стопкой лежали учебники. На стуле рюкзак, с которым Лука ходил в академию. На полу...

На полу лежал ковер. Но это там, в видении, сейчас от него остался только прямоугольник, припорошенный... нет, не пылью, «следом», который сохранялся после каждой вещи, находившейся на своем месте достаточно долго. Тоже своеобразная аура.

– Он пришел не один, – подходя к столу, озвучила я возникшие мысли. Взяв лежавший сверху стопки учебник по анатомии, раскрыла на первой попавшейся странице.

Заданная нам на понедельник тема...

– Поставил бутылку на стол...

– Он принес ее с собой? – тут же уточнил Владимир.

Я оглянулась.

Сергей стоял в коридоре, глядя на меня через дверной проем. Владимир – с этой стороны. Оба – боком, контролируя возможные направления нападения.

Не будь все так серьезно, можно было бы и посмеяться, но...

Несмотря на охрану и десятки задействованных в поисках людей, я продолжала чувствовать опасность. Словно она была все еще здесь, рядом. Только протяни руку.

Глава 7

Со стороны посмотришь – полная неразбериха, но если знать кухню изнутри...

Лишними на этом празднике жизни были как раз они. Все остальные и сами знали, что и когда делать.

– Страна непуганых идиотов...

Князь Трубецкой был в бешенстве. А то, что выглядел при этом невозмутимым...

Андрей и без особой чувствительности ощущал, что сидевшего слева от него капитана – командира роты специального полка, обеспечивавшего безопасность особых военных объектов, Трубецкой был готов придушить собственными руками.

Сдерживало его только одно: это не могло помочь в розыске парня, игравшего роль мифического Луки Трофимова. А что касается морального удовлетворения...

Вот разберутся с проблемой, тогда и удовлетворятся. По полной программе. С награждением, и не только.

– Игорь Серебряков, старший лейтенант. Двадцать пять лет. Женат. Имеет сына трех лет. В роте отвечает за настройку систем безопасности.

Андрей поймал направленный на него взгляд Трубецкого, едва заметно кивнул.

Саша не ошиблась. Их видели. На пляже, в парке, неподалеку от дома. Этого самого Игоря и Ларису Измайлову, старшую дочь начальника учебного центра, в доме которого и проживал Лука. А то, что это был совсем не Лука, данный факт их ситуацию проще не делал. Скорее усложнял. Настоящий Лука действительно был целителем и универсальным донором. Этот же «обманывал» других с помощью вживленных амулетов.

Был среди них и тот, который должен был опознавать «прописанные» в нем яды.

Снотворное и наркотики пусть ядами в прямом смысле этого слова и не являлись, но в списке наличествовали.

И это поднимало еще один вопрос, ответ на который они пока не знали. Почему не сработал амулет – вряд ли в бутылке находилось что-то совсем уж экзотическое, что учли при подготовке к внедрению? А если сработал, то...

– Дальше! – разорвал Трубецкой чуть затянувшуюся паузу. Посмотрел через открытую дверь на скрытый за высоким забором дом, где все произошло.

Штаб они устроили на территории учебного центра. И ближе к месту событий, да и с точки зрения оперативности неплохой вариант. Не центр Москвы, конечно, но это если не оценивать месторасположения четырех из шести посольств, стоявших у них в приоритете.

Сама штабная машина принадлежала стрелковому клубу – оборудовали как раз для таких случаев. Узел связи на колесах...

Техника была хорошей, но лучше бы не пригодилась.

– Полковник Измайлов с семьей со вчерашнего дня находится в поместье его родителей, – спокойно, словно не сознавая, чем ему грозит вся эта история, продолжил капитан. – У старшего лейтенанта Серебрякова – выходной. Он должен был...

– Слушай, капитан, – не сдержался Варланов, – ты что, еще не понял, как облажался?! Под гарантиями безопасности две подписи: твоя и полковника. Как думаешь, чем все закончится для тебя, если не вернем парня живым?!

– Охрана объекта...

– Вы не допустили охрану объекта на территорию центра. – Варланов тоже был... спокоен. – Вы дали гарантии. Вы...

– Извини, – остановил его Андрей. – Слушаю, – ответил он на звонок Владимира.

Когда тот закончил говорить, поморщился, но демонстрировать сожаление не стал.

– Продолжайте действовать по плану. – Отключившись, посмотрел на Трубецкого. – Вторая точка отрицательно. Направления нет.

– А не мог Следопыт...

Андрей не дал князю закончить:

– Не мог. Если он взял образ объекта, будет держать.

– Слабая надежда, – качнул головой Варланов. Бросил взгляд на сидевшего слева от Андрея капитана.

И хотя Варланов не произнес ни слова, Андрей был с ним полностью согласен. Нагл был капитан. Даже слишком. Ему открытым текстом о возможных последствиях, а он...

Либо кто-то из весьма серьезных за спиной, либо...

Идиотом он вряд ли был. Хоть и хотел им казаться.

– Слабая не слабая, но работать будем по всем позициям. Игорь, – обернувшись, обратился он к одному из трех техников, сидевших у мониторов, – есть что-нибудь?

– Отработали двенадцать машин, – не отводя взгляда от экрана, отозвался тот. – Провели по городу до последней точки. Все чисто. Осталось еще четыре, но, судя по всему, тоже пустышка.

Шестнадцать машин, покинувших территорию учебного центра с девяти до одиннадцати тридцати утра через основной КПП.

Был еще один, на полигоне, но...

К камерам, установленным там, их не допустили, не помогли даже полномочия Трубецкого. И все, что оставалось, – уповать на сознательность полковника Измайлова, которого ожидали в течение часа-полутора. Ну и на то, что ситуация за это время не ухудшится до критической, когда выбора не будет и придется действовать силой.

– А ты уверен, что в девять отстучался именно Лука? – неожиданно сбил его с какой-то невнятной мысли Трубецкой.

Андрей, избавив техника от своего внимания, сел ровно. Вздохнув, усмехнулся...

Уверен ли он?!

В своих людях – да! И в том, что проверка на подлинность – первое, что они сделали, определяя контрольный промежуток времени. И в том, что после этой проверки было еще несколько, чтобы не упустить ни одной детали, способной дать подсказку. И в том, что...

Закончить у него не вышло.

– Андрей Аркадьевич, – подойдя к машине, заглянул в открытую дверь Стрельников. – На минутку.

– А я? – тут же подался вперед Варланов.

– А ты за этим пригляди, – поднимаясь, кивнул на капитана Андрей. – А то дойдет до человека, вдруг еще на себя руки наложит.

В последнее он не верил – не тот типаж, да и в первое...

И ведь без гнильцы – такое он чувствовал сразу, но что-то в нем настораживало. Словно все было не так, как Андрей себе представлял. И вот это «не так» должно было вернуть все на круги своя, сделав простым и понятным.

Но пока этого не произошло, все, что он мог, – мелко провоцировать, рассчитывая хоть на какие-то подвижки в понимании сложившейся ситуации.

В отличие от Варланова князь задаваться вопросами не стал, вышел из машины вслед за ним. Одернул пятнистую куртку, огляделся...

Такой суеты, как два часа назад, здесь уже не было. Но оцепление стояло. Да и спецы работали, пытаюсь найти хоть какие-то следы.

Увы, похвалиться пока было нечем. Камеры, державшие периметр вокруг дома начальника учебного центра, отключились за полчаса до возвращения Луки в дом.

– Значит, так, – когда они отошли в сторону, начал Стас, – по бутылке полные непонятки. Стопроцентной гарантии нет, но, похоже, Лука сам приобрел ее в магазине, где как раз и пересекся с Серебряковым.

– Подмена?

– Найдем – спросим, – глядя на штабной микроавтобус, с привычной отстраненностью произнес Стрельников.

Как и остальные, он был в камуфляже, но выглядел как на приеме. Впрочем, в этом был весь Стрельников. Чем хреневее, тем...

В этом они друг друга дополняли. Андрей, несмотря на внешний лоск, был больше боевиком, хотя и неплохо показывал себя в том, что касалось работы на перспективу. Сильной стороной Стаса была аналитика, способность быстро и четко оценивать имеющиеся у него факты и делать правильные выводы.

Что ни говори, а Трубецкой умел подбирать кадры. И хотя их взаимоотношения сложились далеко не с первой встречи, но время показало, что, сведя их вместе, прав был именно князь.

– Но я не ради бутылки, – отведя взгляд от машины, посмотрел на него Стас. – Данные сейчас проверяются...

– Да не тяни ты kota за хвост! – давая понять, что еще немного и всем будет весело, слегка повысил голос Трубецкой.

– Ну, если просите... – лишь на мгновение улыбнулся Стрельников. – Скорее всего, Серебрякова держат сыном, похищенным четыре дня назад. Информацию сейчас перепроверяют, но... – Он качнул головой. – Короче, по словам соседки, мать с ребенком уехали к родственникам, но дело в том, что родственники у них на Ставрополье, а жена Серебрякова беременна вторым и врачи запретили ей любые поездки. Постоянная угроза выкидыша.

Пока Трубецкой цедил сквозь зубы ругательства, Андрей переосмысливал то, что как раз и напрягало.

Капитан. Командир роты. С Серебряковым...

– Ты ведь понимаешь, что это значит? – посмотрел он на скалившегося Стрельникова.

– Понимаю, – недобро хмыкнул он. – Все наши данные...

Стас был прав. Если не считать «видения» Саши, все, что они нарыли, вполне могло быть сфабриковано.

В личном деле ни у одного, ни у другого этого, конечно, не было, но исключать дружеские отношения между капитаном и Серебряковым точно не стоило.

* * *

Больше двух часов в дороге. Несмотря на плотный завтрак, снова хотелось есть. А еще сильнее хотелось в туалет. Все-таки организм, он такой, не забудет напомнить о себе, невзирая на обстоятельства.

И хотя некоторые естественные потребности тренировались, но слишком злоупотреблять подобными тренировками без особой необходимости не следовало. Непользуно это, если говорить о здоровье.

– Володь, тормозни у торгового центра, – за приметив прямо по дороге нужный объект, попросила я.

– Сделаю, – не посмотрев на меня, буркнул Владимир и начал перестраиваться.

Машину мы сменили, ездили теперь в темно-синем седане. Ну и переоделись, чтобы не привлекать внимания. Все-таки камуфляж, да еще и в центре Москвы, не самая привычная одежда.

– Как раз и пожрать что-нибудь возьмем, – словно читая мои мысли, поддержал Сергей. – А то уже желудок к позвоночнику

приклеился.

– Тебе бы все жрать, – беззлобно поддел его Владимир.

Причина на то имелась. Два термоса с чаем, плюс несколько герметичных саморазогревающихся контейнеров с пайком. Андрей предусмотрел, что поиски могут затянуться, и выдал запас из расчета на троих. Однако Сергей только и делал, что ныл: мол, ему это все на один укус.

Если верить возникшим ощущениям, дело было не только в повышенных потребностях организма, продолжавшего восстанавливать каналы позвоночника, но и в желании самого Сергея хоть немного отвлечь меня.

Нет, не от работы – возникшую с Лукой «связь» оборвать теперь было сложно, а от мрачных мыслей, которые одолевали.

Состояние Луки, которого все они называли объектом, стабилизировалось. Но это – сейчас. Да и сам страх не найти...

Как я себя ни уговаривала, что-то такое сидело внутри и зудело, зудело, зудело...

– Можешь отказаться от своей доли в пользу голодающих, – не задержался Сергей. – И давай сбоку, не на центральную. Там как раз кафешка.

– Все-то он знает...

– Так кроме службы еще и культурную жизнь имею, – вновь «огрызнулся» Сергей.

С ними было легко. Вроде и старше, но чувствовалось в них что-то бесшабашное. Словно повзрослели, но еще не забыли, как это, когда на плечи не давит груз ответственности.

– Ну-ну, – усмехнулся Владимир. – Обкультурился весь.

– А ты не завидуй, – отреагировал Сергей, дождавшись, когда Володя пристроит машину на свободное место.

Открыв дверь, вышел.

Я, соблюдая договоренность, не торопилась идти за ним. И дело тут было даже не в перестраховке – кому нужна наша троица, а в договоренностях. Раз обещала вести себя благоразумно, следовало выполнять обещанное.

– Можно, – открыл Сергей дверь с моей стороны. Протянул руку, помогая выйти.

Его помощь лишней не оказалась. Тело от длительного сидения ощущалось скованным, одеревеневшим.

– Ты только потягушки здесь не устрой, – заметив, как я «покачалась», переминаясь с носка на пятку, поддел меня Сергей.

– А то что? – поддержав игру, невинно улыбнулась я. Да еще и похлопала ресничками.

– А то соберешь толпу, – хмыкнул он. – Придется отбивать.

– Боишься лишней работы? – хихикнула я.

Он хотел что-то ответить, но я только махнула рукой. И, прихватив Сергея за рукав, потянула к дверям действительно находившегося с этой стороны торгового центра кафе.

Заведение неожиданно оказалось пафосным. Я, войдя, даже замерла на мгновение, оценив не только интерьер, хоть и он отличался некоторой помпезностью, но и одежду тусовавшихся там молодых людей. Доходы семейств, к которым они принадлежали, точно были значительно выше среднего.

И мы на их фоне... Я в растоптанных кроссовках, простеньких джинсах и самой обычной водолазке и Серега...

С Серегой все было несколько иначе. При таком мощном торсе и с такими кубиками на животе, обтянутых сейчас футболкой, он мог ходить и в тряпье.

– Страшно стало? – сообразив, с чем связана моя заминка, тут же нашел чем «подбодрить» Сергей.

– Если только за них, – фыркнула я, успев заприметить нужную табличку. – Все, мне – кофе и чего-нибудь с мясом.

– А как же фигура? – не отстал Сергей.

На этот его вопрос я не ответила – рванула к туалету. Не потому, что все могло закончиться плохо, просто не хотела привлекать еще больше внимания.

В зал я вернулась минут через пять. Сергей сидел за столиком у входа. Спиной к стене и боком к коридору, из которого я выходила.

Позиция была хорошей. Для меня – точно. Чтобы понаблюдать.

На Серегу глазели. И выражение лиц при этом было разным. У девиц – плотоядным. У парней – мрачным. Будь их воля...

Я была уверена, что у большинства из присутствовавших здесь молодых людей голова на плечах имелась, так что связываться с явным бойцом никто из них в здравом уме и без особых на то причин не стал

бы. Но это не мешало им представлять, как они его... да одной левой...

Тестостерон! С этим и захочешь, а ничего не сделаешь.

Заметив меня, Сергей не сказать, что расслабился, но что-то такое мелькнуло. Вроде как мое появление несколько уменьшило напряжение, в котором находился.

С расслаблением он поторопился.

– Саша! – довольно громко окликнули меня, когда я прошла уже половину пути.

Остановившись, развернулась и мысленно выругалась. Илья Воронцов собственной персоной.

Если учесть, что двоюродный братец должен был находиться в имении Мещерских, эта встреча слегка встревожила.

– А ты что тут делаешь? – дождавшись, когда он подойдет, опередила я с вопросом.

В зал старалась не смотреть, но несколько направленных на меня взглядов ощутила. Неприятных таких взглядов. Оценивающих.

– Заскочил с приятелем перекусить, – кивнул он неопределенно. – А тут ты. Еще и не одна. Что-то случилось? – В его голосе явственно послышалось беспокойство.

– А что могло случиться? – улыбнувшись, недоуменно посмотрела я на Илью. – Была в стрелковом клубе. Андрей Аркадьевич отправил меня с водителем. По дороге проголодались...

Заставившая меня замолчать улыбка Ильи выглядела ироничной.

И ведь был прав. Чтобы по дороге из стрелкового клуба в дом профессора попасть в этот торговый центр, требовалось сделать серьезный крюк. Это не считая того, что подобных комплексов, в которых имелись свои кафешки, по пути было не один и не два.

– Извини, – вздохнув, опустила я на мгновение взгляд.

Не любила я такие ситуации. Вроде и вины нет, а чувствуешь себя виноватой.

– Да ладно... – усмехнулся он, но тут же вновь стал серьезным. – Саш, ты не держи зла на Трубача. Он это...

– На кого?! – не сразу сообразив, о ком Илья сказал, наморщила я лоб.

– Тьфу ты! – выдохнул он. – Трубецкого. Это мы его еще в лицее Трубачом звали, пока не получили по шее.

– А за что я должна на него злиться? – почти искренне удивилась я.

И ведь действительно не злилась. Ни вчера вечером, когда он кричал на меня. Ни сегодня, уже на свежую голову.

И дело было не только в разнице положения. Просто...

Мысль так и осталась незаконченной, потому что «просто» не было. И хотя зла я на него не держала, но обида... обида буквально разрывала грудь, не давая дышать.

Умом я понимала: мы – не ровня, но все равно почти поверила, что это не помешает нам оставаться друзьями.

– Саша... – грустно улыбнувшись, качнул головой Илья. – Он иногда бывает настоящий дурак, – резко сменил двоюродный братец тон, – но все равно остается хорошим другом. И если потребуется...

– Молодые люди, – заставил его замолчать подошедший Сергей. – Извините, Илья Борисович, но Александра Игнатьевна должна ехать. Время.

– Все-таки охрана, – многозначительно хмыкнул Илья, переведя взгляд с Сергея на меня. – Бабушка в городе и очень хотела встретиться лично, чтобы поблагодарить за заботу. Я могу позвонить тебе вечером, согласовать время?

– Попробуй часиков в десять, – вынуждена была согласиться я. – Но если вдруг...

– Александра Игнатьевна. – Сергей сделал строгое лицо.

Получилось у него неплохо.

Впрочем, он был прав. Тратить время на пустые разговоры сейчас явно не стоило.

– Наконец-то, – забирая свой стаканчик с кофе, недовольно протянул Владимир, когда мы вернулись в машину.

– Это не он, это – я, – устраиваясь на заднем сиденье, призналась я.

– Какая...

– Подожди, – перебила я, возвращая кофе в пластиковую подставку. Достала из кармана телефон. – Слушаю.

– Саш...

– Что у нас еще случилось? – непроизвольно подалась я вперед. Голос Андрея, хоть и звучал спокойно, не предвещал ничего хорошего.

– Сделай на громкую, – прежде чем ответить, скорее приказал, чем попросил крестный.

Огрызаться, хоть и хотелось, я не стала. Перевела телефон на громкую связь:

– Сделала.

– Тогда слушайте, – продолжил Андрей все тем же... неправильно нейтральным тоном. – Парня мы нашли. Игорь Серебряков. Старший лейтенант, техник-настройщик систем безопасности. Женат. Ребенку три года. По неподтвержденным данным четыре дня назад у него похитили сына. С дочерью полковника он познакомился спустя сутки. И еще... По данным экспертов, в образцах, взятых с пола, следов каких-либо химических соединений не обнаружено. Как и остатков магического воздействия. Так что вопрос...

– Помолчи! – резко оборвала я его, бессильно откидываясь на спинку сиденья. Пальцы сжали телефон, словно собираясь его смять, превратив в бесполезный комок.

По спине пробежал холодок, я непроизвольно дернула плечами, пытаюсь избавиться от неприятного ощущения.

Всего несколько мгновений, произнесенные Андреем слова...

Почти как снежный ком. Достаточно небольшого толчка, чтобы сорвалось... понеслось вниз, сметая все на своем пути.

Отец говорил, что поисковики работают по-разному. Кто-то просто чувствует направление. Кто-то «образует» связь с объектом, с той или иной степенью интенсивности переживая все вместе с человеком, с которым установил контакт. Кто-то – «видит» картинку, визуально восстанавливая происходящее.

Я могла и то, и другое, и третье. И если в случае с Яной сработал второй способ, то сейчас...

Сейчас все было со мной и во мне. Вопросы, ответы. Причины, следствия... последствия. Начало и конец.

И это было страшно. Потому что было прошлое и настоящее. А вот будущее...

Будущее продолжало оставаться надеждой, завися от того, как каждый из нас сделает свою работу.

И я в том числе.

Вот Лука входит в комнату...

– Саша, – тихонечко позвал Андрей, словно догадываясь, что именно в этот момент мне требовалось хоть что-нибудь, способное послужить якорем в той круговерти картинок, которые мелькали перед глазами.

И не зажмуриться! Не закрыть глаза руками, избавляясь от мельтешения! Не ускользнуть, разрывая цепочку кадров!

И они продолжали крутиться.

Один за другим.

Один за другим...

Лука вошел в комнату, прошел к столу, поставил бутылку...

Лука вошел в комнату, прошел к столу, поставил бутылку. Тот, кто остался у двери, что-то произнес...

Лука вошел в комнату, прошел к столу, поставил бутылку. Тот, кто остался у двери, что-то произнес. Лука вновь взял бутылку, развернулся. Открутив крышку, глотнул...

Лука вошел в комнату, прошел к столу, поставил бутылку. Тот, кто остался у двери, что-то произнес. Лука вновь взял бутылку, развернулся. Открутив крышку, глотнул. Потом вздрогнул, посмотрел на Серебрякова... страшно посмотрел, словно тот его предал. Схватился за горло, упал, забившись в судорогах...

– Его обманули, – с трудом вырываясь из этой круговерти, зацепилась я взглядом за машину, что стояла напротив.

Очередной крутой джип. И игрушечный чертенок, талисманом висевший на лобовом стекле.

Обычная машина. Не черная, как показалось, темно-зеленая. И номер. Две единицы и две девятки. Как начало и конец.

– В воде ничего не было, – продолжила я, не отводя взгляда от чертенка. – Это – катализатор.

– Тогда понятно, почему не сработал амулет, – заметил Андрей. Судя по интонациям, услышать нечто подобное он был готов. – И остается...

– Я знаю, где он, – все-таки закрыла я глаза, чтобы не видеть, как многообещающе оскалился представитель демонического мира. И повторила, догадываясь, что это – далеко не конец: – Я знаю, где он...

И снова камуфляж поверх своей одежды. И снова тот же минивэн, дожидавшийся нас в тихом дворике, пока мы куролесили по центру Москвы.

Вот только настрой был другим. К сожалению, далеко не боевым.

– Саша, тебе нужно поесть, – довольно хмуро посмотрел на меня Сергей.

– Не хочу, – буркнула я, без малейшего энтузиазма взглянув на протянутый стакан с кофе.

В отличие от них к своей доле добычи из кафе я так и не притронулась. Не смогла. Как отрезало. Умом понимала, что действительно надо – силы мне еще потребуются, но даже смотреть на еду не могла.

Причина была понятна. Если верить собственным ощущениям, то Луке стало хуже. Ну и мне вместе с ним.

Не сказать, что совсем плохо – находились еще далеко от него, да и после истории с Яной я поняла, как разделять себя и находившегося на той стороне «связи» человека, но все раздражало, и хотелось, чтобы меня оставили в покое.

О поисковиках отец рассказал, когда мне было около одиннадцати. Не специально – просто нашелся повод. Андрей с Ревазом и дядькой Прохором ушли на охоту и не вернулись, как договаривались. Я не то что забеспокоилась, скорее переживала за поездку в город, которую мне обещали. Не такое уж частое развлечение, чтобы пропустить.

Вот тогда и состоялся разговор. Сидели в уютной плющом беседке, пили чай, смотрели на закат и общались.

Я задавала вопросы. Он – отвечал. Подробно, не избегая мелочей. Словно знал, что рано или поздно эти знания мне пригодятся.

Все поисковики являлись сильными эмпатами, хорошо чувствуя людей. Но целителями, даже слабенькими, становились немногие. Один талант необязательно соседствовал с другими.

Для кого-то все способности ограничивались собственной семьей. Для кого-то – родом. Причем это касалось не только людей, но и событий, связанных с благополучием. Рискованные сделки, удачные или не очень браки. Знакомства, которые могли привести к возвышению или стать источником проблем.

А некоторые, как мой дед из Воронцовых, могли искать, и для этого им достаточно иметь лишь фотографию или вещь человека.

И именно таких, как он, и считали настоящими поисковиками, нередко привлекая на государственную службу.

Отец еще упомянул об ограничениях, которые могли наложить на себя поисковики. Например, оказывать помощь только тем, кто в ней нуждался.

Я тогда подумала, что, появившись у меня дар, так бы и сделала. Не стала бы ищейкой, которая будет вынюхивать, кого прикажут, а выручала бы только тех, кому грозила реальная опасность.

Знала бы я тогда...

Оказалось, что как раз вот эти убеждения и формировали ограничения, о которых говорил отец. Потому и про свои способности поисковика узнала поздно. Когда они действительно потребовались.

Случилось это, когда мне было четырнадцать. Из больницы, из детского отделения, сбежала девочка восьми лет.

Вот тогда все переполошились. Мать приехала из деревни проведать, а ребенка нет! А тут еще снег пошел, и замело так, что в трех шагах ничего не видно.

Подняли на ноги всех: полицию, военных, добровольных помощников. И – ничего. Использовать собак бесполезно – раньше нужно было думать, до непогоды. Вся надежда на чудо, но с чудесами оказалось сложно. Время шло, уже совсем стемнело...

Девочку ту я знала – убиралась в детском отделении. Ну и играла с ними, когда выпадала свободная минутка.

К играм она была равнодушна, предпочитала книги. Читала много, запоем. А когда дочитает, сядет у окна и смотрит вдаль. И личико у нее при этом было такое... одухотворенное. Как у принцессы из сказок.

Я так и звала ее: принцесса. Маленькая, добрая и такая домашняя принцесса.

Не знаю, что именно пробудило способности. Собственные переживания или дикий, похожий на вой крик матери, когда очередная поисковая группа отчиталась, что девочку в отведенном им квадрате не нашла. Но в какой-то момент я вдруг почувствовала холод и желание спать.

Ощущения были столь сильными, что я едва не поддавалась им.

И вот почти в последний момент, устроившись в коридоре на лавочке, я вспомнила о том нашем разговоре. И о связи, которая

образовывалась у поисковика с объектом поиска.

Самого отца поблизости не оказалось – он ушел с одной из групп, но был Андрей, которому я все и рассказала.

Крестный поверил мне сразу. Пока одевалась, позвал Реваза...

Принцессу мы нашли живой. Без последствий, конечно, не обошлось, но ничего, с чем не смог бы справиться целитель, не случилось.

О том, с чьей помощью это произошло, знали лишь трое: Андрей, Реваз, отец.

Дядьке Прохору об открывшемся у меня даре стало известно несколько месяцев спустя, когда его подрал медведь. Убить его дядька Прохор убил, но и сам был серьезно ранен, истекая кровью.

Это был первый раз, когда я почувствовала тревогу. Не простое беспокойство – что-то похожее на панику, требовавшую немедленных действий.

И опять мне поверили, не задавая глупых вопросов.

А если бы засомневались...

Когда мы добрались до того бурелома, где все это случилось, дядька прощался с жизнью.

Поторопился...

– Саша... – вырывая меня из воспоминаний, вновь укоризненно качнул головой Сергей.

– Не дергай ее, – пришел мне на помощь Владимир. – Не видишь, ей...

Телефон зазвонил не вовремя.

Или – наоборот.

Достав его из кармана куртки, бросила взгляд на экран.

– Кто? – не пропустив, как я нахмурилась, подался вперед Сергей.

– Игорь, – тяжело вздохнула я.

Разговаривать желания не было. С ним – тем более.

– Дай, – протянул Сергей руку.

Я качнула головой и ответила на вызов. Желания желаниями, но решение своих проблем не следовало перекладывать на других.

– Да, привет, – словно и не было вчерашнего разговора, сказала я.

– Саша, мы можем встретиться? – ответив на приветствие, спросил он.

Рано или поздно встретиться нам придется – как ни сложно, объясниться я должна, однако делать это, пока эмоции еще не остыли, точно не стоило.

Да и обстоятельства...

– Извини, я сейчас занята, – так и не включив видеорежим, максимально спокойно произнесла я. – Андрей Аркадьевич...

– Саша, отец рассказал мне о patente, – весьма невежливо перебил меня Игорь. – Но это еще не все, – добавил он, не дав отреагировать на его слова. – Князь Воронцов подал прошение императору о возвращении тебя в род. Ему известно, кто такая Александра Салтыкова.

В первый момент я даже испугалась – до совершеннолетия еще год, и оказаться игрушкой в руках деда мне не хотелось, – но тут же успокоилась. Опека у князя Трубецкого. И подписана она его императорским величеством. И насколько я узнала Трофима Ивановича, он от своих прав не откажется.

– Сашка знает? – уточнила я, поймав в зеркале заднего вида взгляд Владимира.

– Да, – твердо, ничуть не сомневаясь в правильности сделанного, отрезал Игорь.

– И что сказал? – даже не пытаясь представить себе реакцию тезки, уточнила я.

– Сказал, чтобы я не парился. Его отец просчитывал подобный вариант и заранее предпринял все меры.

– Ну и тогда чего ты...

– Саша, – перебил меня Игорь, – ты не понимаешь! Воронцов не будет ждать...

Сергей выхватил телефон, не дав мне дослушать:

– Игорь, это Сергей. У Саши тренировка, ее ждут. Перезвони, пожалуйста, вечером.

Отключившись, Сергей убрал телефон в карман своей куртки.

Я приподняла бровь, уточняя, что это значит, но Сергей только качнул головой, отказываясь комментировать свои действия. Да и Владимир... В его взгляде, в очередной раз брошенном на меня в зеркало заднего вида, ясно читалось одобрение.

Впрочем, меня это тоже устраивало. Хоть небольшая, но отсрочка.

– Через десять минут будем на месте.

Непроизвольно посмотрела в окно. Я знала, что с той стороны яркий солнечный день, но затемненное стекло меняло краски, делая их тусклыми.

Прямо как мое настроение.

– Кофе? – Сергей сделал очередную попытку накормить меня.

И вновь не думая, находясь в каком-то отстраненном состоянии, я взяла кружку, поднесла к губам...

От кофейного аромата закружилась голова, а к горлу подступила тошнота.

Я поморщилась, сглотнула...

Сергей успел перехватить стаканчик – на его штаны попала лишь пара капель, закрыл крышкой и убрал в подставочку.

– Саша... – пересел он на сиденье рядом со мной. Обнял, прижимая к себе. – Если тебе что-нибудь...

Он что-то еще говорил... мягко, ласково, то ли убеждая, то ли уговаривая, то ли просто сочувствуя, я вроде и слышала, но воспринимала слова как фон, окутавший меня мягкой кисеей звуков.

И, закрыв глаза, я погружалась в них, растворялась, теряя саму себя. Не было страха, не было боли, было просто тихо и спокойно. Как будто бы я уже умерла.

Все закончилось резко. Машина подскочила на кочке, я дернулась, ударившись макушкой о подбородок Сергея. Застонав, открыла глаза...

– Эй, ты живой? – тронули... не меня – Луку за плечо.

Он открыл глаза, шевельнулся, тут же застонав, но заставил себя смотреть. Не на того, кто склонился над ним, а на то, что окружало.

Высокий потолок. Ребристая стена. Штабель деревянных ящиков, выкрашенных зеленой краской, цифры на них...

– Спасибо, – чуть слышно прошептала я, надеясь, что Лука пусть и не услышит мой голос, но почувствует, что помощь уже близко.

– Мы так не договаривались... – сипло, с трудом произнес Лука, давая еще одну подсказку.

Надеюсь, не последнюю.

Глава 8

Балахонистый камуфляж, балаклава, резиновые бахилы, чтобы скрыть размер ноги. Никто не подумает, что перед ним девушка, скорее решит, что это subtilный паренек или подросток. Скорее даже второе, что подкреплялось соответствующим поведением.

Сашка сидела в минивэне. Рядом с ней Док – целитель из команды Владимира.

Помогало мало. Через открытую дверь Андрей видел, как время от времени крестница сначала вздрагивала, а потом съеживалась, стараясь быть незаметнее.

В тот первый ее раз тоже происходило нечто подобное – все, что чувствовала девчонка, Сашка принимала на себя. А вот с Прохором обошлось, просто перла буром, откуда только силы взялись. Они, трое крепких, правильно подготовленных мужиков, еле успевали за зацепившей направление Сашкой.

Но ведь успели. И в тот, и в другой, и в третий раз, когда заблудились приехавшие в гости к деревенским городские мальчишки.

С Яной тоже все сложилось удачно. А вот как будет с Лукой?!

Девчонка привыкла к удаче, если его не спасут, вполне может потерять веру в себя.

С мужиком проще: поставил по стойке «смирно», отчитал, потом залил в глотку что погорючее, дал оклематься и провел профилактическую беседу для закрепления. С этой так не получится. Хоть духом и крепкая, но все равно девушка. Чуткая. Ранимая.

А раз так... Значит, из кожи вон, но найти надо раньше, чем станет поздно.

Зависело бы все от него, он бы уже давно камня на камне здесь не оставил. Но, к сожалению, не все так просто. Учебный центр спецназа военной полиции... Структура серьезная, без высочайшего дозволения не полезешь.

– Говоришь, Воронцов подал прошение... – не столько спрашивая, сколько размышляя вслух, повторил Андрей сказанное Владимиром.

Телефон Саши был на прослушке. На всякий случай.

Как оказалось, не зря.

– Да, Андрей Аркадьевич, – кивнул Владимир. – Игорь Валдаев именно так и сказал. Вот только откуда ему это известно?

Прежде чем ответить, Андрей окинул взглядом площадку, на которой расположился штаб.

В самом ее конце, рядом с деревьями, штабной микроавтобус. Минивэн, на котором приехали Владимир, Сергей и Сашка, – рядом, в тени, прикрытый низко свисающими ветками. С другой стороны машина продолжавшего давить на нервы Трубецкого. Задняя дверь открыта, давая увидеть вальяжно развалившегося на сиденье князя.

И понятно, что вся операция с Лукой – его игры, но...

Чаще всего, чем меньше начальства, тем лучше результат.

– Ты забываешь, кто его отец, – продолжая витать в эмпиреях, произнес Андрей.

– И кто? – слегка насупился Владимир. – Насколько мне известно...

– Он – председатель Совета полковых врачей, – перебил его Андрей. Когда Владимир посмотрел несколько недоуменно – именно это он и собирался сказать, хмыкнул. – А еще Фрол Валдаев отвечал за здоровье цесаревича и его брата Федора во время их командировки на персидскую границу. И если тебе это ни о чем не говорит...

– А по виду и не скажешь, – многозначительно качнул головой Владимир, но тут же вновь подобрался. – Может, стоит увезти Александру Игнатьевну? На всякий случай. Как говорится, с глаз долой...

– Надо будет, увезем, – жестко отрезал Андрей. Он бы и сам предпочел, чтобы крестница находилась подальше от этого гадючника, но...

Для понимания всей ситуации у него не хватало исходных данных – не тот уровень, но, судя по довольно грубым намекам Трубецкого, князь Воронцов у императора в последнее время как бельмо в глазу. Был бы повод, давно отправил бы в почетную отставку, предпочтя видеть главой рода его старшего сына.

А повода не было. Нет, князь, конечно, не без грешков, но того, что на поверхности, для серьезных мер не хватало, а если вытаскивать на свет божий что посерьезнее, то не самая лучшая перспектива для самого рода.

При таком раскладе Саша могла послужить неплохим раздражающим фактором. И с этим Андрей был согласен, но только чисто теоретически. Практически Сашка была его крестницей, и создавать ей лишние проблемы или позволить это сделать кому-либо другому ему совершенно не хотелось.

– Значит, так, – жестко посмотрел он на Владимира, – контроль не снимаем. Парней своих настраивай, как хочешь, но за Сашку...

– Понял, – довольно протянул Владимир. – Разрешите...

– Стоять! – перебил его Андрей. – Князь Воронцов получит отказ, с этим вопросов нет, но вряд ли старика это остановит. Так что...

– Я понял, Андрей Аркадьевич, – вновь кивнул Владимир, но уже иначе. Основательно так кивнул, давая понять, что сообразил и про несказанное.

А несказанного...

Про конфликт в роду Воронцовых Стрельников, у которого при князе наличествовал свой осведомитель, много чего поведал. И о последнем семейном, а не родовом совете, когда княгиня собрала сыновей, тоже.

Те, конечно, не совсем слепые – быть такого не могло, чтобы от брошенного в воду камня круги не пошли, но чем удивить отпрысков у нее нашлось. В том числе «продажей» их отцом внучки, которая ему уже совсем не внучка, да попыткой всучить юной целительнице амулет подчинения, чтобы выдать ее то ли за убитую, то ли за пропавшую девушку.

Грязное это дело. И то и другое. Тут и похищение, да еще и несовершеннолетней. И принуждение к браку, на что церковь смотрела весьма неодобрительно. А еще и замешанное на корысти, что только усугубляло ситуацию. И применение амулета, действие которого считалось незаконным на территории Российской империи.

При благоприятном раскладе все могло сойти с рук, да и сходило – имелись в недавней истории подобные факты, если бы не императорский род, чья кровь текла в Сашке.

Князь об этом, естественно, догадывался, а то и точно знал, но рассчитывал, что вмешиваться никто не станет. До этого момента игнорировали, с чего бы теперь оказалось иначе.

– Что думаешь про ситуацию? – не дал закончить мысль подошедший Стрельников.

Впрочем, там и заканчивать было нечего. До тех пор пока Воронцов-старший – глава рода, все эти семейные советы для него как комариный укус. Неприятно, но не смертельно. Поговорить поговорят, но в открытую против не пойдут. Потому как родовые клятвы не просто так давались, являясь гарантией безусловной верности.

И хотя там тоже имелись свои нюансы – присягали роду, а не его фактическому главе, рассчитывать, что наследник сумеет самостоятельно решить вопрос, не приходилось.

– Ты про полковника и капитана? – Андрей даже не взглянул в ту сторону, где отдельно от остальных стояли полковник Измайлов и командир роты, в которой служил подозреваемый ими лейтенант Серебряков. – Топорно работают, никакого изящества.

– Уверен, что оба в теме? – Стрельников чуть сместился, встав вполоборота. Как раз прикрыл Андрея от возможного наблюдения.

– Об Измайлове отзываются только в превосходных степенях. Как говорится, слуга царю, отец солдатам. Если он был не первым, к кому кинулся с проблемой Серебряков, то вторым – точно.

– При этом на идиота полковник не тянет, – заметил Стрельников.

– Стас, – Андрей недовольно качнул головой, – не лезь ты в эту историю. Наше дело – найти Луку и мальчишку. Все остальное...

– Да понимаю я, – скривился Стрельников, – но ведь дергает.

С тем, что дергает, Андрей был согласен. Его и самого...

И опять теоретически он вроде как все понимал: крутые парни из спецназа военной полиции посчитали себя способными повернуть операцию по освобождению ребенка и захвату тех, кто охотился за Лукой, но не приняли в расчет три момента. Во-первых, князя Трубецкого, который играл в свою игру. Во-вторых, стрелковый клуб, у которого оказался поисковик. И, в-третьих, конфликт вживленного в лже-Луку амулета и средства, которое использовали для его нейтрализации.

Было еще и «в-четвертых». Скорее всего, свои договоренности с лже-Лукой, который по каким-то причинам предпочел участвовать в их разработке, они нарушили. И вот это Андрею совершенно не нравилось, потому как намекало даже не на несогласованность действий, а на откровенное предательство, но он, как и сказал Стрельникову, не собирался с этим разбираться. Для этого имелся Трубецкой с его полномочиями и возможностями.

Его же дело маленькое: найти Луку, найти ребенка и как можно скорее убрать с поля Сашку, для которой все это было за гранью душевного спокойствия.

– Номеров ящиков в базе нет, – с какой-то радости решил добавить драматизма Стрельников.

Андрей посмотрел на Стаса с усмешкой:

– А ты ожидал, что они тебе их на блюдечке с голубой каемочкой принесут?

Тот пожал плечами и произнес довольно флегматично:

– Почему бы и нет?

Андрей смерил заместителя задумчивым взглядом, потом хмыкнул:

– Ладно, с шутками заканчиваем. Номеров ящиков в базе нет, потому что списаны, но не вывезены. Находятся, скорее всего, на полигоне. Конец – начало месяца...

– Шеф, ты – голова! – демонстрируя восторг, заявил Стрельников.

Андрей хотел ответить...

Как выпрямился Трубецкой, он не пропустил. Да и взгляд, когда посмотрел в его сторону, поймал сразу.

Слова ему не требовались, хватило и того, что увидел. Добро получено, они могла начинать действовать.

Главное, чтобы не оказалось поздно.

* * *

Бездействие нервировало.

Тут и так состояние такое, что хоть вой, а когда еще и понимаешь, как дорога каждая секунда, так от невозможности ничего изменить сжимаются кулаки.

– Так, пацан, возьми себя в руки! – подавшись вперед, громким шепотом угрожающе протянул Сергей.

Док – собрат-целитель, которого приставил ко мне Андрей, посмотрел иронично, но ничего не сказал, только проводил взглядом продефилировавшую мимо пару бойцов с нашивками клуба. Вроде и свои, но крестный предпочитал, чтобы о моей персоне знали лишь вынужденно осведомленные единицы.

Я же после окрика съежилась. И не только отыгрывая роль, которую попросили сыграть, но и действительно желая стать меньше и незаметнее. Слишком много народу вокруг, слишком много направленного на меня внимания. И так корежит – Луке лучше не стало, а тут еще и они.

– Долго телятся...

Я отвлеклась буквально на мгновение, едва не потерявшись в накативших ощущениях, но этого оказалось достаточно, чтобы пропустить возвращение Владимира.

– Ждут команду сверху, – усаживаясь на водительское сиденье, буркнул тот недовольно. – А князь спокоен, как удав. Выдержка у мужика.

– Расскажи это тем несчастным, кому не повезло попасть под его гнев, – хохотнул в ответ Сергей. – Заики через одного. Безопаснее на банду с голыми руками, чем нарваться на этого.

– А с виду и не скажешь... – глубокомысленно хмыкнул Док и подмигнул. Не мне, а обернувшемуся Владимиру. – Как думаешь, долго еще? – добавил он уже серьезно.

Тот, похоже, хотел огрызнуться, но, заметив, с каким напряжением жду ответа, медленно выдохнул и произнес:

– Если меня не обманывает чуйка, то с минуты на минуту. Так что...

Что именно «так что» он не сказал. Отвернулся, откинулся на спинку сиденья. И даже закрыл глаза – увидела в зеркале заднего вида.

Хотелось бы и мне вот так...

Отец говорил, что секрет внешнего спокойствия прост: уверенность в своей правоте и правильное дыхание. Ну еще и контроль дара, если он имеется, потому как те же огонь, воздух и вода со своими носителями иногда игрались, как бурная река с брошенной в нее щепкой.

И чаще всего у меня что-то подобное получалось. По крайней мере, в сложных ситуациях я редко теряла голову, начиная поддаваться панике уже после того, как все закончится.

Но вот сейчас держать себя в руках у меня совершенно не получалось. Тело требовало вскочить и бежать. И чем дальше, тем лучше.

Реакция была знакомой. И единственным действенным лекарством было пойти и...

– Так... – сорвал мой мысленный монолог голос Владимира.

Я выпрямилась, а вот остальные не отреагировали никак, словно и не прозвучало в этом «так...» предвкушения.

– Док...

– Понял, – хмыкнул тот, выбираясь из машины.

Выйдя, потянулся, покрутил головой, попрыгал, вроде как разминаясь. Потом посмотрел куда-то в сторону выезда из городка, нахмурился. Развернулся к нам, наклонился...

– Следопыт, на переднее сиденье! – ничего не объясняя, приказал вдруг Владимир.

Пока соображала, Сергей уже стянул меня с места, подтолкнув к перегородке, отделявшей салон от кабины, устроился на сиденье.

Изящно перебраться мне не удалось – камуфляж был велик, да тело немного затекло, но, пусть и неуклюже, с задачей я справилась. По жесту Владимира сползла ниже, потому и не видела, сколько человек подошли к машине. Только слышала шаги.

– Серый, Док, вы со Следопытом идете с группой. Ворон, ты...

Остальное зам крестного произнес скороговоркой, да еще и тихо, так что слов я, в отличие от Владимира, чьим позывным был Ворон, не разобрала.

А вот для него это проблемой не стало.

– Принято, сделаю!

Машина качнулась, хлопнула, закрываясь, боковая дверь...

– Приоткрой дверь и выползай наружу, – последовал приказ, адресованный мне.

Хотелось хмыкнуть – все это напоминало шпионские игры, но я не стала. Если крестный счел необходимым принять подобные меры предосторожности, стоило не думать, зачем это требовалось, а следовать им.

Дверь приоткрыла, как и просили, осторожно. Пролезла в щель, прижалась к борту машины, благо штабной микроавтобус стоял близко, прикрывая от чужих взглядов.

Владимир оказался рядом спустя минуту. И ведь значительно крупнее меня, но дверь сдвинулась не больше чем на пару миллиметров.

– Переобуйся, – протянул он мне высокие ботинки со шнуровкой и толстые шерстяные носки. Жестом показал на кусты, в которые мордой упирался минивэн.

Пока я занималась берцами, он собой перекрывал проход между машиной и микроавтобусом.

– Володь, а что случилось? – зашнуровывая ботинки, спросила я.

Размерчик оказался не мой, но носки взяли разницу на себя, так что проблем с обувью не ожидалось.

– Не «Володь», а Ворон, – поправил он. – А ты теперь Шурик.

– Да без проблем, – хмыкнула я. Шурик так Шурик. – А что по сути вопроса? – уточнила, выпрямляясь.

– Вот сейчас Серый с Доком вернутся, у них и узнаем, – даже не оглянувшись Владимир.

Подойдя, встала у него за спиной, чуть сбоку.

Суеты на площадке было много. И участвовали в ней не только команды стрелкового клуба, но и бойцы в незнакомой мне форме. Тоже камуфляж, но более темный. На голове тактические шлемы. Да и оружие было серьезное. Из тех, что попадает только в спецподразделения.

И хотя спецназ военной полиции тоже не детский сад, но ничего подобного у тех, с кем уже сталкивалась, я не видела.

– Это кто такие? – не пропустила я, как они двигаются.

Андрей бы при всей его подготовке так не смог. А вот Реваз...

Да, Реваз был на голову выше этих, но данному факту я не удивлялась. Отец говорил, что тот уникал, каких за сотню лет не больше чем десяток народится. Вроде как дар предков.

Звучало как сказка, но я видела, что Реваз иногда вытворял. Встанет один против троих. Весь такой мягкий, как тонкие ветви березы под весенним ветерком. Подвижный. А потом раз – и... исчез, словно сам ветром стал. Только эта троица уже лежит на земле и кричит. И ладно бы только дядя Прохор – все-таки возраст, но и отец с Андреем.

А Реваз появится словно ниоткуда, стоит и скалится довольно.

Эти в темном камуфляже ему хоть и уступали, но тоже были хороши. Как ни обидно признать, но лучше, чем Андрей.

– Не уверен, но, похоже, особая рота его императорского величества... – протянул Владимир.

– Они самые, – подтвердил вывернувший из-за машины Сергей. Следом и Док подтянулся, встал рядом.

– Значит, так, – продолжил Серега, – сейчас эти здесь быстренько шмон наведут, потом мы выдвинемся. Машина в двух домах отсюда. Едем на полигон. Там нас будет ждать группа. Их и поведем.

– Понял, – подобрался Владимир.

– А я – нет, – грустно заметила я.

– А тебе и...

– Ты – главный, – обращаясь ко мне, перебил Дока Сергей. – Правила те же, все общение только с нами троими. Станет хреново, тyani с Дока, он справится.

Вместо ответа мотнула головой. По отдельности все слова понятны, а вот вместе никакого смысла.

– А еще раз? – попросила я жалобно.

Я, конечно, могла обойтись и без разъяснений – делать то, что сказали, совсем несложно, но хотелось бы понимать ситуацию.

– Еще раз? – переспросил, оглянувшись, Сергей.

Суэта не сказать что затихла, но точно стала более упорядоченной.

– Городок оцеплен гвардией. Наши во главе со Следопытом начинают прочесывать территорию центра, а мы отправляемся на полигон, где, судя по твоим видениям, и находится Лука. Теперь понятно?

Понятно мне не было, но я кивнула. Если что, разберусь по ходу дела.

– Ну раз понятно... – протянул Володя. – Мы с Шуриком первыми. Док на контроле. Серый...

– Принято, – отозвался Сергей, не дав Владимиру ничего сказать. Отступил в сторону, пропуская нас.

До машины мы добрались быстро. Шли плотно, буквально плечом к плечу. Не знаю, как им удавалась подобная слаженность, но меня держали в центре, прикрывая собой. И даже когда я оступилась, не сбились, удержав от падения.

Техникой оказался выглядевший старьем уазик. Потертый тент, вмятины, сколы. Да еще и грязный до такой степени, что дверь я открывала с осторожностью. Не то что боялась испачкаться, просто неприятно.

А вот двигатель завелся, стоило Владимиру только повернуть ключ зажигания. Выйдя на обороты, сыто заурчал, опровергая сложившееся о нем мнение. Сколько бы лет уазику ни было, держали его в хорошей форме.

Городок словно вымер. На улице, если не считать патруля, никого. Окна домов задернуты шторами.

И – тишина. Нет, тихо не было – пели птицы, слышались звуки проезжавших где-то неподалеку машин, но тишина была. Вроде бы внешний антураж есть, а людей, которые должны в нем существовать, нет.

Странное впечатление. Странное и тяжелое.

– Шурик? – не пропустив, как я опустила голову, позвал с переднего сиденья Серый.

– Все нормально, – буркнула я, заставляя себя дышать. Вдох – выдох. Вдох – выдох...

– Док?

– Да нормально все! – неожиданно для себя рывкнула я, выпрямляясь. – Нормально!

Нормально не было – валом нахлынули эмоции. Горло сжало, грудь словно сдавило тяжестью...

Я прекрасно понимала, что это – не мое, но...

Справиться с ураганом чувств у меня не получалось.

– Сколько до полигона? – Док стянул с меня балаклаву, сунул под нос ватку с нашатырем.

Рефлекторно дернулась, но тут же задышала нормально. Резкий запах хорошо ударил по мозгам, едва ли не сразу избавив от фантомных ощущений.

– Спасибо, – уже спокойно поблагодарила я Дока.

– Не за что, – судя по интонации – надетая балаклава не позволила увидеть выражение лица, улыбнулся он.

– Полтора километра, – посмотрев на меня в зеркало заднего вида, лишь теперь ответил Владимир.

– Почти приехали... – протянул Док, бросив взгляд в окно.

Я тоже посмотрела в окно.

За черту городка мы успели выехать, что и неудивительно, выглядел тот небольшим, компактным. Теперь за стеклом были

практически лишенные растительности холмы и редкие березки, мрачно смотревшиеся на таком фоне.

– Так Лука пришел в себя? – как бы между прочим вдруг спросил Док.

– Нет, – не задумываясь, ответила я.

Потом недоуменно посмотрела на наблюдавшего за нами Сергея.

– И чьи эмоции ты тогда схватила? – с той же интонацией, как будто все это не имело особого значения, поинтересовался Док.

И ведь был прав. Луке, кем бы он ни был на самом деле, эта ярость вперемешку с отчаянием точно не могла принадлежать.

* * *

Как мы оказались на полигоне, я пропустила. Те же лысенькие холмы, те же редкие березки-осинки, сиротливо смотревшиеся на фоне весьма неприглядного пейзажа.

И только вдалеке виднелось что-то похожее на тренировочный городок. И то утверждать, что это именно он, я бы не стала. Мало там было за что зацепиться взгляду.

– Так ты уверен? – вновь повторил свой вопрос темный.

Темным был, конечно, не он, а его камуфляж, на котором не оказалось ничего, что позволило бы идентифицировать бойца.

Впрочем, это и не удивительно. Спецподразделение! Отец про такие говорил: тихо пришли, тихо ушли, оставив после себя одни развалины.

Последнее добавлял Реваз. После кривой усмешки.

Я кивнула и, указав то же направление, что и в первый раз, прошептала наклонившемуся ко мне Владимиру:

– Сто пятьдесят – двести метров. Состояние Луки тяжелое, но без опасности для жизни.

Владимир слово в слово повторил темному.

Тот ничего не сказал и, развернувшись, направился к стоявшей неподалеку технике. Названия я не знала, но выглядел монстр знатно. Начиная с восьми огромных колес, для которых бездорожья как такового не существовало, и заканчивая стволом пушки, грозно смотревшим как раз в том направлении, куда я и показывала.

Знатной была и магическая защита. Все плетения я прощупать не могла, но об уровне противодействия угрозе судила по тому, как искажалось все в границах безопасности. Расплывалось, не давая зацепиться взгляду.

– На этом все? – вроде как с облегчением вздохнул Док, едва машина, рывком сорвавшись с места, исчезла за холмом.

– Если бы, – прихватив за плечо, развернул меня Владимир. Подтолкнул к уазу, рядом с которым оставался Сергей.

– А что...

– Помолчи, а! – грубовато попросил Владимир, устраиваясь на подножке.

– Да я-то что? Я могу и... – себе под нос начал бурчать Док.

И опять ему не повезло.

– А по шее!

– Понял! – тут же подобрался Док. – По шее не хочу.

– Я в порядке, – остановила я кипиш. То, что старались ради меня, было понятно с первого раза.

– Ну если в порядке... – Стянув балаклаву, Владимир вытер ею лицо. Покрутил головой. – Короче... Вы помните, что у парня, который сейчас с Лукой, четыре дня назад похитили трехлетнего пацана?

Я помнила, постоянно держа это в голове. Потому что найти Луку после того, как установилась связь, было только делом времени и сил. А вот ребенок...

Работу с ним осложняло то, что ребенок совсем незнакомый, а кроме того, я устала, и желание лечь и не вставать становилось все сильнее.

Поиск выматывал. Особенно в тех случаях, когда еще и тянешь на себя чужие ощущения.

А ответственность! Это в четырнадцать кажется своеобразной игрой: получится – не получится? Теперь же все иначе. С пониманием, что именно стоит за этим «не получится».

А когда и выбора нет, потому что здесь и сейчас нет второго поисковика, способного взять на себя эту работу, и либо ты впрягаешься, с полным осознанием возможных последствий, либо...

Во втором варианте осознание возможных последствий тоже будет полным. Потому как поисковик – последняя надежда. И не

важно, по времени или обстоятельствам.

– И что дальше? – Сергей двинул носком ботинка по колесу. – Тут...

– Не кипятись, – оборвал его Док. – Дай ему сказать.

С Доком я была согласна. С Сергеем – тоже. Тем более что преследовал он мои интересы.

– Да говорить особо и нечего, – посмотрел мне за спину Владимир.

Я на мгновение оглянулась.

Того пятнистого монстра видно не было.

Да и неудивительно. Куда ни глянь, везде холмы.

– Это понятно, что парни полезли не в свое дело. Надо было...

– Ты сам сказал – надо было! – выскрился Сергей.

И ведь не играл – эмоции были живыми, настоящими. Злость. Беспокойство. Скрытая нежность...

Нет, не как к девушке, а как к сестре. Младшей. Любимой.

Это было приятно. И одновременно больно.

Я постоянно помнила, что где-то есть квартира с потайной дверью. Чужие документы, деньги на первое время...

Ситуация вокруг меня менялась, но менее тревожной быть не переставала.

– Вот что, Серый, – попытался положить ему руку на плечо Док.

Сергей скинул ее, отошел к хилому деревцу, неподалеку от которого мы остановились. Сел, уткнувшись лицом с согнутые колени.

– Так они решили сами вытащить мальчишку? – прервала я затянувшуюся паузу.

– Ну да, – вздохнул Владимир. – Не знаю, как и о чем они с Лукой договорились, но и полкан и капитан точно в теме. И не только они. Потому наши с особыми в городке и шмон наводят, чтобы вроде как отвести подозрения, если кто из наблюдателей внутри был. А мы сейчас потихоньку Луку вытащим и...

– И – ничего! – зло хмыкнул Док. – Насколько я понял по ее словам, – кивнул он на меня, – Лука если и не в магической коме, то близко к этому, так что никакие комбинации с ним невозможны. Только больничка, и надеяться, что обойдется без последствий.

С этим он не ошибся. Кома не кома – не настолько я его чувствовала, но надзор целителей ему требовался срочно.

– А если добавить поднятый шухер, то от пацана проще избавиться и залечь на дно, обрубив все контакты. И тогда...

Док не закончил, махнул рукой. Отошел к Сереге, сел рядом. Вся разница – голову не опустил, а просто обхватил колени руками.

Мы с Владимиром остались у машины вдвоем. Я – стояла, он...

– Я химию даже не открывала, – неожиданно вспомнила я об оставленном на столе учебнике.

В понедельник химии не было, готовила на вторник, но все равно стало немного обидно. Нарушенные планы, как нарушенное равновесие. Вызывают дискомфорт.

– Что? – не поняв, посмотрел на меня Владимир.

– Химию даже не открывала, – жалуясь, повторила я. – А вернемся, наверное, поздно. Да и Илье сказала позвонить около десяти.

– Саш? – нахмурился Владимир.

Я его понимала. Тут решаются судьбы, а я...

А у меня как защита сработала. Все понимаю, но в голове – каша. И мысли не о том. И эмоции...

– Док! – не отводя от меня взгляда, поднялся Владимир.

Иногда хватает и ерунды, чтобы если и не прояснилось, так хотя бы появилось хоть какое-то подобие порядка.

Вот и сейчас... То ли тон – с намеком, что ситуация выходит из-под контроля, то ли движение... осторожное, вроде как не спугнуть.

Не скажу, что сразу стало легче, но определиться с приоритетами удалось.

Мотнув головой, чтобы окончательно утряслось, остановила:

– Не надо. – Медленно вдохнула, выдохнула. – Фотография ребенка есть?

Владимир молча достал фотографию из внутреннего кармана. Протянул мне.

Взяв, отошла в сторону, чтобы не сбиваться.

Фотография была свежей. Стоявшая на ней дата – чуть меньше месяца назад.

Пухленькие щечки с ямочками. Хитрые, смешливые глазенки. Светлые, чуть вьющиеся волосы.

Интересно, в кого из родителей?

Вопрос в данной ситуации смысла не имел, но себя ведь не заставишь думать о том и не думать о другом.

Ушки небольшие, прижатые к голове. Лицо кругленькое, со слегка выступающим подбородком.

Глядя в объектив, мальчишка широко улыбался, показывая ровные, белые зубки...

Я улыбнулась в ответ. Потянулась к нему...

Мне показалось, что еще мгновение и я встречу с ним взглядом, почувствую тепло его тела, но звук двигателя вывернувшего из-за холма монстра сбил с настроек, сделав лицо на фотографии всего лишь отражением.

– Ты чего? – когда я, переживая накатившую злость, сжала кулаки и опустила голову, спросил подошедший ко мне Владимир. Взял за плечи...

Лучше бы он этого не делал.

– Не подходи! – отскочив, закричала я. Сорвала балаклаву, бросила ее на землю и начала топтать, не в состоянии справиться с душившей меня яростью. – Я не могу! Я устала! Я просто хочу домой и забыть все! И не видеть вас больше! Как же я вас...

Пощечина обожгла щеку:

– Успокоилась! Быстро! – рявкнул Владимир.

Когда я, прижав ладонь к горевшей от удара коже, оторопело посмотрела на него, добавил все тем же тоном:

– Подняла балаклаву, отряхнула и надела.

Спорить у меня даже мысли не возникло. Наклонившись, подняла балаклаву, встряхнула, еще раз...

От выступивших на глазах слез все поплыло, стало мутным. Я всхлипнула. Попыталась прикусить губу, чтобы не разрыдаться, но даже этого сделать мне не удалось. Губы дрожали...

От обиды? От беспомощности? От осознания, что даже они...

Накатившая вдруг «волна» заставила отшатнуться. Потом меня качнуло. Раз, второй, третий...

Совсем рядом, прямо за деревянной решеткой, которой было забрано круглое окошко, плеснуло. Из воды показалась рыбья голова...

– Озеро... Река...

– Что? – наклонился ко мне Владимир.

Узнала только по голосу, перед глазами была вода и плещущаяся в ней рыба. Много рыбы...

– Озеро, – решила я и развернулась. – Там, – указала куда-то. – Много рыбы. Разводят. Лодка? Нет. Дом на воде? Не знаю. Пароход? Нет... Дебаркадер? Не знаю. Их трое, в большой комнате. Он – один, на другом конце. Там, где много рыбы... Там...

Я точно знала, что должна была еще что-то сказать, но меня в очередной раз качнуло, и я, не почувствовав под ногами опоры, полетела вниз. Туда, где было темно, тепло и спокойно.

* * *

Док перекачал в меня столько силы, что я должна была порхать как бабочка, я же едва волочила ноги. Эмоциональное выгорание. Здесь требовался либо целитель иного профиля, либо просто хороший отдых. Организм молодой, должен был восстановиться и сам.

– Саш, приехали, – шевельнулся Андрей.

Я открыла глаза – не спала, просто предпочла сделать вид, чтобы меня не трогали. Выпрямилась.

Шея затекла – голова лежала на плече Андрея, да и спина была как камень.

– Сколько времени? – спросила я чуть слышно.

Ехать мы должны были около часа. Мне показалось, что значительно дольше.

– Без пятнадцати девять, – вместо Андрея ответил сидевший за водителя Сергей.

– Это хорошо, – беря рюкзак, ответила я.

Это действительно было хорошо. Ужином меня накормили, пусть им и пришлось действовать уговорами и силой. Осталось принять душ и спать.

И больше ни о чем не думать и ни о чем не беспокоиться.

О том, что мальчишку нашли на том самом пруду, где занимались разведением рыбы, мы узнали, когда уже покинули учебный центр. Позвонил сам князь Трубецкой, попросив сообщить эту новость мне.

Не скажу, что не испытала облегчения – куда же без него, но как-то отстраненно. Знала, что нужно радоваться – за один день

справилась с двумя поисками, но это было именно знание. Настоящие эмоции отсутствовали.

– Подожди, – остановил меня Андрей, когда я уже собралась открыть дверь. – Я провожу.

Чтобы добраться от ворот, рядом с которыми остановился минивэн, до флигеля, сопровождение мне не требовалось, но спорить с крестным я не стала. Он и так чувствовал вину за то, что втянул меня в эту историю. Усугублять ситуацию еще и откровенным демаршем точно не стоило.

Андрей вышел из машины, обойдя ее, открыл для меня дверь. Подал руку.

Я правильно сделала, что не отказалась. Несмотря на помощь Дока, тело было слабым. Безвольным.

– Эх, Сашка, Сашка, – прижав меня к себе, посетовал Андрей. – Какой же я...

– Перестань, – чуть слышно попросила я.

Мы оба понимали, что он поступил так, как должен был поступить. А то, что я его крестница...

Это не тот аргумент, на который при данных обстоятельствах стоило обращать внимание.

– Перестану, – чмокнув меня в макушку, хмыкнул он. – Но ты...

– Подожди, – остановилась я, вздрогнув от пришедшей в голову мысли. И ведь нашла время! Ни раньше, ни позже. – В той группе был сильный целитель. Он знает, что я – девушка.

Андрей развернул меня к себе. Продолжая держать за плечи, посмотрел сверху вниз:

– Для той группы, – начал он медленно, словно догадывался, что слова для меня сейчас скорее звуки, чем единицы информации, – эта операция – исключение из правил. Личная просьба князя Трубецкого. А в том, чем занимаются обычно, поисковики им не требуются. Что касается возможных разговоров, – опередил он меня с уточнением, – то там столько подписок о неразглашении, что о тебе предпочтут забыть как можно скорее. Успокоил я тебя?

Я только кивнула.

Усталость и апатия.

Главное, пережить ночь. Утром точно станет легче.

Двор перед домом был небольшим. Одна дорожка от ворот вела к крыльцу главного входа. Вторая, по которой мы шли, к флигелю.

Нам оставалось только повернуть, когда за углом зашебуршились. И ведь негромко так. Словно кто-то сидел и начал вставать. Скрипнуло дерево. Потом еще раз.

Будь вечер ветреным, не расслышать, а так в вечерней тишине получилось очень даже отчетливо. Да и освещение осталось там, за спиной. Здесь было довольно темно.

Андрей, отреагировав первым, сдвинул меня за спину. Выхватил пистолет, тут же сняв его с предохранителя...

– Вот только стрелять не надо, – язвительно произнес знакомый голос.

Трубецкой вышел из-за угла, встал у нас на пути.

– Какие люди! – вновь поставив пистолет на предохранитель и вернув его в кобуру, с теми же интонациями протянул Андрей. – Княжич Трубецкой собственной персоной. И не один, а со свитой, – добавил крестный, заметив появление еще троих. – Я могу узнать, что вы здесь делаете?

– Хотим поговорить, – взял на себя роль переговорщика мой тезка. – С Сашей.

– А она хочет с вами разговаривать? – удивился крестный.

Вот ведь... Из любой ерунды устроит показательную порку.

– А это мы сейчас... Саша? – дернулся ко мне Трубецкой, не пропустив, как я покачнулась.

Андрей успел первым. Обхватив за талию, вновь прижал к себе.

– Что ты с ней... – Трубецкой сделал еще шаг вперед, явно нарываясь на скандал.

– «Вы», молодой человек! – процедил сквозь зубы Андрей. – Прочь с дороги!

– Вы слышали?! – Трубецкой решил продемонстрировать княжеские замашки. Оглянулся на парней, хмуро смотревших на разыгрывавшееся представление.

Не будь мне так отвратительно, я бы, может, и восхитилась лицедейством сторон, но ноги уже откровенно не держали. Да и зябко было. Не рассчитывала, что операция затянется так надолго.

– Саш, перестань, пожалуйста, – попросила я, надеясь, что противостояние на этом будет закончиться. – У меня все в порядке.

Я просто устала.

– Это ведь то, о чем я подумал? – выдвинулся к Трубецкому Игорь.

– Это то, о чем ты подумал, – кивнула я, крепче прижимаясь к Андрею. – Кстати, – встрепенулась я, – у вас же увольнительная до двадцати!

С Ильей было проще – гражданский вуз, но эта троица...

– Какая прелесть! – не удержался от сарказма Андрей. – Мы еще и грубо нарушаем дисциплину. А подумать о последствиях?

– Андрей, – жалобно протянула я, посмотрев на крестного снизу вверх.

О парнях я не беспокоилась – знали, на что шли, но хотелось закончить все как можно скорее и отправиться спать.

Их присутствие здесь было проблемой. Я была уверена, что Андрей способен ее решить к вящему удовольствию всех.

Я не ошиблась. Да и думал крестный недолго. Только слегка осознать и проникнуться.

– Ну если только ради тебя, – довольно усмехнувшись, подмигнул мне Андрей. Достал магофон.

– Господин Хлопонин...

– Помолчи! – легко сбросив образ доброго дядюшки, вновь оборвал Трубецкого Андрей. Набрал номер. Дождался, когда ответят. – Степан Петрович, приветствую! Хлопонин беспокоит так поздно.

Я хоть и стояла рядом, но расслышать, что ему сказали, не получилось. Магофон – не телефон, у него встроенная защита.

– А я ведь к тебе не просто так, – когда на той стороне, похоже, замолчали, бросил на меня взгляд Андрей. – По-хорошему тебе должен был Трофим Иванович звонить... А, – после короткой паузы воскликнул он, – вы уже в курсе кипиша! Так вот в нем и дело. Обстоятельства так сложились, что трое ваших курсантов поучаствовали. Не хочется, чтобы за доброе дело, да на губу...

Я хмыкнула, парни переглянулись, а Андрей качнул головой. Мол, тут серьезные дела, а этим бы все веселиться.

Впрочем, особого веселья на лицах ребят я не видела. Скорее уж упертая уверенность в том, что поступают правильно.

– Так я их сейчас отправлю на своей машине, а завтра загляну на огонек. – Очередная пауза. – После обеда? Часам к трем?

Договорились.

Он отключил магфон, убрал в карман пиджака – костюм возил в машине, так что успел переодеться и выглядел, скорее, как бизнесмен, но отнюдь не боец.

– Короче, вам повезло, что я сегодня добрый и у вас есть такая защитница, – вновь чмокнул меня куда-то в макушку Андрей. – Поэтому без разговоров идете в машину и ждете меня.

– Господин Хлопонин... – на этот раз решил выступить Илья.

– В машину, я сказал! – давая понять, что предел его терпения уже близок, рыкнул Андрей.

Не сказать, что парней прямо так и сдуло, но задерживаться никто не стал. Обойдя по траве, прошли мимо...

– А там Данила Евгеньевич ждет, – уже отойдя, крикнул вдруг Тоха. С намеком.

– И Людмила Викторовна, – поддержал его Илья.

– Вот ведь обормоты! – с ухмылкой качнул головой Андрей.

Мысленно согласилась с ним, но на душе потеплело. И даже стало легче. Да и Сашка...

Да – несдержанный грубиян, но лишь когда становится горячо. А потом остывает и...

– Постелешь мне на диване?

– Что? – не сразу поняла я вопрос Андрея. Когда сообразила, удивленно приподняла бровь. – А как же Мария?

Он пожал плечом:

– У взрослых так иногда бывает.

– А домой ехать далеко, – подхватила я. – Постелю, – не дала я ему начать оправдываться. – Но постарайся потише.

– Я как мышка, – улыбнулся Андрей и подтолкнул меня вперед. – Ты там держись...

– Так и говори, что струсил! – хохотнула я в ответ и направилась к крыльцу.

И не важно, что ноги все еще подгибались, а желание забиться в какой-нибудь угол и закрыть глаза оставалось навязчивым.

Мне хватило нескольких минут, чтобы вновь почувствовать себя живой. И нужной.

И не только тем двоим, чей поиск стоил мне сегодня всех сил, но и тем, кто даже на расстоянии продолжал оставаться рядом.

Глава 9

Утро вечера мудренее...

Народная мудрость в очередной раз доказала свою правоту. События вчерашнего дня сгладились. И хотя воспоминания были все еще свежими, ясными, но уже без той эмоциональной составляющей, от которой корежило не только душу, но и тело.

И даже тот факт, что вчера я нашла двоих, остался лишь фактом. Да, чувство гордости присутствовало, но и только. Я четко осознавала, насколько мне повезло. Судя по всему, парень, которого я знала как Луку, тоже был пусть и слабым, но поисковиком, успев взять образ ребенка до того, как сам начал проваливаться в магическую кому.

А ведь сложись обстоятельства иначе...

Думать об этом не стоило. Тем более теперь, когда уже все позади.

К сожалению, в моем окружении имелись те, кто оказался вполне способен испортить только-только восстановившееся настроение.

– Ты не знаешь, где Лука? – даже не спросив разрешения, устроилась на стуле напротив Аня.

Положив ложку – «поймала» она меня в столовой, посмотрела недоуменно:

– А почему я должна знать, где Лука?

Мне, естественно, об этом было известно – парень находился в военном госпитале, где его вполне успешно вывели из комы, но вопрос Анны явно подразумевал какие-то иные формы знания.

С предположением я не ошиблась.

– Ты же живешь в доме Соколовых. Уж они-то...

– Я живу во флигеле дома Соколовых, – аккуратно перебила я ее. – К тому же у нас не те отношения, чтобы мне докладывали об одноклассниках.

– Жаль, – совершенно спокойно отреагировала Анна на мой тон. – С ним хотела встретиться моя мама. Сделать хорошее предложение.

– Какое предложение? – почти искренне удивилась я.

Кем была госпожа Филоненко, я помнила. Охотник за головами. Хищница, для которой чужие судьбы были лишь вариантом заработка.

– Моя мама – хедхантер, – с гордостью произнесла Аня. – Она сводит перспективных сотрудников и их работодателей.

– Вот как? – задумчиво протянула я. – А не рано?

– Это для середнячков рано, а для таких, как мы с тобой или Лука, в самый раз! – разгорячилась Анна. – Хороший работодатель своего будущего сотрудника не обидит. И поможет со специализацией, и нормальными бытовыми условиями обеспечит. Флигель – это, конечно, здорово, а вот собственный домик к окончанию первого курса еще лучше.

– И что, есть такие работодатели, которые готовы и домик подарить? – сделала я вид, что удивилась.

Про домик она вряд ли врала – девицу сватают, золотые горы обещают, но явно умолчала про долги, за которые потом еще долго придется рассчитываться.

– Луке – готовы! – перейдя на шепот, уверила меня Аня. – Да и тебе... Хочешь, поговорю с мамой?

– А ничего, что Луку охраняют? – пропустила я мимо ушей ее предложение.

– А! – выпрямившись, отмахнулась она. – Если он согласится, его будет охранять не какой-то там стрелковый клуб, а очень серьезные люди.

– Даже так... – вроде как поразившись, пару раз кивнула я. – Завидую. Но где он, я не знаю.

– А твой крестный? – этак... задумчиво приподняла она бровку. – Не можешь у него поинтересоваться?

Вот теперь все встало на свои места. А то начала с невинного: «Не знаешь, где Лука...» И взгляд такой... наивно-беззащитный.

Впрочем, важнее было другое. Эта барышня умела замечать нюансы и делать правильные выводы. Чтобы связать меня с хозяином стрелкового клуба, ей хватило упоминания крестного и машины с соответствующей эмблемой на стоянке.

– Ты предлагаешь мне влезть в его дела? – в очередной раз напомнив себе, что держаться с ней нужно настороже, посмотрела я на Анну как на умалишенную.

Игрой здесь и не пахло. Не знаю, как ее, но меня с детства приучали, что чужие дела – это чужие дела и любопытство не просто неприемлемо, а категорически запрещено. И если тебя не просят...

А то, что у меня не всегда получалось следовать этому правилу... Это были уже семейные проблемы.

Похоже, о чем-то подобном она все-таки слышала. Вздохнув, развела руками и поднялась.

– Извини, не подумала. Но если вдруг...

– Если вдруг, то обязательно скажу, – заверила я, с грустью посмотрев на остывающий борщ.

Аня намек поняла правильно. Еще раз кивнула и направилась в сторону раздачи.

Я проследила взглядом, успокоившись, когда она, уже с заставленным тарелками подносом, устроилась за столиком в другом конце столовой.

Первые две пары стали настоящим кошмаром – каждого в группе опрашивали не по одному разу, дав понять, что времени на раскачку нет и выходные не для отдыха, а для повторения всего изученного.

После большой перемены – факультатив по медицине катастроф.

На первый взгляд можно и расслабиться, но не тогда, когда занятия ведет Людмила Викторовна. Уж она-то не ограничивалась простой подачей материала, устраивая нам смесь из короткой теоретической подготовки и практических заданий.

С одной стороны, это было даже здорово – все закреплялось по мере изучения. С другой...

С другой, тем, кто с третьего курса, было все-таки легче. Как минимум физически. Особенно когда речь заходила об отработке эвакуации.

– Чего она от тебя хотела? – Я только и успела взять ложку, как мое одиночество вновь оказалось нарушенным. На этот раз парочкой, Петром и Киrom.

Окинув столовую быстрым взглядом – свободных мест было более чем достаточно, посмотрела на них исподлобья:

– Вас здороваться не учили?

Вчерашний поиск стоил мне почти двух килограммов. И это несмотря на то, что меня все-таки заставляли есть.

– Привет, – добродушно улыбнулся Кир и кивком указал брату на раздачу.

Тот, ни слова не говоря, встал и направился за едой.

– Привет, – как только Петр отошел, ответила я Киру. – Вы по делу или просто стало скучно?

– У тебя борщ остыл. Петька сейчас принесет горячий, – проигнорировал мой вопрос Кир.

Вздыхнув, взяла тарелку в руки. Небольшое усилие и...

Стихийный дар у меня тоже имелся. На всякие мелочи, вроде подогрева пищи, его вполне хватало.

– Здорово! – вполне серьезно оценил мои успехи Кир. – А охладить можешь?

– Могу, – не стала я делать секрета из своих «талантов». – Немного.

– А что еще можешь? – не скрывая интереса, уточнил он.

– Надеть тарелку тебе на голову! – разозлилась я. – Вы мне дадите поесть или нет?!

– Извини, – довольно улыбаясь, откинулся на спинку стула Кир. – Приятного аппетита.

– Спасибо, – буркнула я, вновь принимаясь за еду. Пока была такая возможность.

Петр вернулся, когда я уже покончила с борщом. Не знаю, с чего Кир решил, что его братец позаботится и обо мне, но на подносе находились только по две тарелки с салатом и вторым и кружки с морсом.

Ели мы молча. Да и о чем говорить? Я бы, может, и хотела спросить, о какой двоюродной сестре шла речь в разговоре с Трубецким, но делать этого точно не стоило. Юля стала случайной свидетельницей их общения. Так все и должно было остаться.

– Саш, а что от тебя хотела Анна? – дав мне доесть, повторил свой вопрос Кир.

Отставив почти пустой стакан – в отличие от парней я взяла чай, откинулась на спинку стула и сложила руки на груди.

– Это допрос?

Кир с Петром переглянулись и продемонстрировали мне похожие на оскал улыбки.

– Да, – категорично подтвердил один.

– Нет, – уверенно возразил другой.

– Вы хотя бы определились, – не сдержавшись, хмыкнула я. И тут же, опустив руки, начала подниматься. – И вас это совершенно не

касается.

– Ее мать занимается не очень хорошими вещами, – жестко произнес Кир.

Сев обратно, посмотрела на него вопросительно. Мол, сказав «а», не стоит затягивать с «б».

– Она вербует студентов для родов. В том числе и за границу. Наем долгосрочный, но там такие условия, что вполне может стать пожизненным.

– А вы откуда знаете? – нахмурилась я. – Тоже предлагала?

– Смеешься?! – хмыкнул Кир. – Нам?! Она еще не совсем с ума сошла, чтобы связываться с нашей семьей.

– А с моей, значит... – скривившись, качнула я головой.

– Саш, ты не принимай на свой счет, но приехавшие из провинции студенты часто не понимают, что скрывается за подобными предложениями. А когда до них доходит, становится поздно. Контракт подписан, и расторгнуть его практически невозможно.

– И многих вы уберегли от ошибочного шага? – не без сарказма уточнила я.

А сама почему-то вспомнила встречу в ночном клубе с завлекалами из тайного студенческого общества под весьма говорящим названием «Валите в свою провинцию».

Сашка Трубецкой тогда ругался. Называл меня идиоткой. А я убеждала, что готова справиться с любой ситуацией. Кичилась собственными знаниями.

В чем-то была права – магема Хинстона, возвращающая организм к среднестатистическому состоянию, должна была помочь при накачке наркотиками, но это при благоприятных обстоятельствах, когда сумела бы ее создать и активировать.

А ведь могло сложиться и иначе. Достаточно было только растеряться.

– Скажем так, – улыбнулся Кир, пропустив мою язвительность мимо ушей, – ты не первая и, скорее всего, не последняя.

– Тогда это меняет дело, – отзеркалила я его эмоции. – Анна интересовалась Лукой.

– Ну здесь ей ничего не обломится, – как-то даже довольно заметил Петр. Потом бросил взгляд мне за спину. Нахмурился. – А этот что здесь делает?

Я оглянулась...

– Извините, – поднялась я.

Ответ на вопрос, что делает в академии Илья Воронцов, мне был известен.

Ищет меня.

* * *

– Значит, полкана в почетную отставку? – подумав, что сон на диване в его возрасте не самое правильное решение, откинулся Андрей на спинку кресла.

Князь Трубецкой появился на территории стрелкового клуба лишь на полчаса позже его самого. Хорошо еще предупредил, потому как у Андрея были в городе планы, которые пришлось резко сворачивать.

– Можно сказать, отделался легким испугом, – скривился Трубецкой. Сделал глоток – пили кофе, оставил чашку на стоявший между их креслами столик. – Всех причастных, включая Серебрякова, на Дальний Восток. С пяток лет послужат где-нибудь в Хабаровске или Владивостоке, умнее станут.

– Могло быть и хуже, – философски заметил Андрей.

То, что спецы избегут серьезного наказания, он сообразил, как только сложилась картинка происходящего.

Благие намерения! Вытащить пацана, вроде как пойдя на поводу у похитителей.

И вряд ли кто подумал, что военная полиция нацелена на совершенно иного рода операции. Привыкли, что круче них только яйца!

В результате – сплошное дилетантство и шапкозакидательство!

Подобный подход Андрея бесил. Каждый должен заниматься своим делом и действовать, имея полное представление о методах, обеспечивающих получение ожидаемого результата.

– Могло, – кивнул Трубецкой, – но государь наш милостив и милосерден. Долгие годы ему жизни.

Андрей приподнял бровь, но ничего не сказал. Утро у князя Трубецкого было, скорее всего, насыщенным. И вряд ли ограничилось аудиенцией у его императорского величества.

С другой стороны, жалеть тайного советника Тайной коллегии точно не стоило. Уж кто-кто, а этот в мутных водах дворцовых интриг чувствовал себя вполне комфортно.

– Уже понятно, куда ведут следы? – поинтересовался он.

Парня, которого считали Лукой Трофимовым, продолжали охранять бойцы стрелкового клуба, поэтому информация о том, что тот пришел в себя, была у Андрея уже спустя пару минут.

О визите следователя он тоже узнал. Еще до того, как это произошло.

– А вот здесь непонятки, – поднявшись с кресла, отошел Трубецкой к окну.

Сидели они в кабинете Андрея рядом с операторским залом. В одну сторону посмотришь – дорога к главному корпусу. В другую – тоже дорога, но уже на стрельбище.

Все, конечно, ухожено и облагорожено, но при этом утилитарно. С намеком, что предназначено не для нежных барышень, а для суровых мужиков.

Мелькнувшая мысль была идиотской.

Впрочем, после того как полночи проворочался без сна, а за завтраком ловил сочувственные взгляды крестницы, ничего другого и не предполагалось.

– Ожидали британцев, а проявились персы? – глядя на расслабленную спину Трубецкого, уточнил он.

Князь напрягся, обернулся...

– Угадал? – усмехнулся Андрей, глядя на задумчивого Трубецкого.

То, что грешили на британцев, стало понятно по маршруту, отрабатываемому группой Владимира, в которую входила Сашка. А вот персы...

В последнее время их уши торчали из-за всех кустов. Почему бы не засветиться и на этот раз?

За версию работал и еще один аргумент – единственный выход Игната за территорию посольства обернулся попыткой его похищения, но об этом Трубецкой вряд ли уже знал. Это его канал поторопился доложить, княжеский же тормозил. По не зависящим от него причинам.

– Угадал, – мрачно кивнул Трубецкой. – И вот это мне...

– Это – не Филоненко, – не дав ему закончить фразу, уверенно заявил Андрей. – Ее мы жестко контролируем. На все встречи – фото и видеоматериалы. Криминального больше, чем надо, но никаких контактов, которые могли бы вывести на персов или тех же бриттов, нет. Только наши роды. Да и отдельного запроса на донора тоже не было, лишь на перспективных целителей.

Трубецкой ответил не сразу. Задумчиво покивал, качнулся с пятки на носок...

– Но тянется все из академии, – наконец произнес он. – Других вариантов...

– Я бы не стал скидывать со счетов учебный центр, – вновь перебил Трубецкого Андрей. Про Виктора Бабичева, отцу которого требовался донор, он не забыл, но там была иная история. Искали девицу. – Слишком быстро вышли на Серебрякова. А ведь досье на эту братию собрать совсем не просто.

Спорить Трубецкой не стал. Вернулся в кресло. Кивнул, когда Андрей взялся за кофейник. Чашечки буквально на два глотка. Только посмаковать.

– А я ведь к тебе не за этим, – сделав первый из них, заметил Трубецкой. – Что твой Стас говорит про Воронцовых?

Андрей мысленно усмехнулся – не терпится государю избавиться от зарвавшегося князя, – но на лице не дрогнул ни один мускул. А то, что все это касалось и Сашки...

За крестницу он не беспокоился. Даже с учетом возможных неожиданностей.

– Говорит, что старшенький встал на сторону матери, но князя это вряд ли остановит. Группа по захвату Александры готова, ждут отмашку.

– Умом, значит, тронулся Ванюша? – Трубецкой вновь поднес чашечку ко рту. – Тяжело таких вразумлять. Тут только кардинальные меры.

– Государю виднее, – соглашаясь, покивал Андрей. – Наше дело маленькое – не дать случиться непоправимому. Ну а все остальное... – Он развел руками.

– И все-таки интересно, кто у Воронцовых сливает твоему Стрельникову информацию? Уж не сам ли наследник? Больно осведомлен.

Андрей дернул плечом и промолчал. Имена информаторов – святая святых. А что касается осведомленности...

Согласен Андрей был с Трубецким – сведения, поступавшие по этому каналу, были горячими. С пылу с жару. Так что версия князя вполне имела право на существование.

Впрочем, была у самого Андрея еще одна, не менее жизнеспособная. Имелся у Воронцова личный секретарь из рода, служившего секретарями не одному предку нынешнего князя.

Верность в таких случаях является едва ли не безоговорочной, подтвержденной множеством клятв, но это если не учитывать нюанс, о котором часто забывали, принимая все как должное.

Честь и достоинство!

Хватало одного подлого поступка, чтобы от клятвы остались только слова.

– Но это меня не касается, – вдруг резко произнес Трубецкой. – А скажи-ка ты мне...

– Извините, – перебил его Андрей, поднимаясь. Подойдя к рабочему столу, нажал моргающую красным кнопку интеркома. – Слушаю.

– Объект восемь, – раздалось по громкой связи. – Подозрительный контакт. Вы просили докладывать немедленно.

– Принято, – оглянувшись на Трубецкого, ответил Андрей. – Всю информацию на планшет.

– Принято, – отозвались с той стороны. – Всю информацию на планшет...

– Что-то серьезное? – когда затих фоновый шум, доносившийся из операторской, поинтересовался Трубецкой.

Андрей вздрогнул – вроде и не «отключался», но вопрос князя стал неожиданностью, – прихватив планшет, развернулся:

– Наследник Волынских попросил присмотреть за одной из дочерей. Изменилось поведение. Опасается, как бы во что не вляпалась.

– Инга или Марина? – поинтересовался Трубецкой.

Внешне – не придерешься, спокоен и незыблем князь, но Андрей вряд ли ошибся, посчитав, что тот зацепился за сказанное.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Волынские – род из приближенных к императору. Более того, одна из императорских

внучек благосклонно принимала знаки внимания от старшего внука Волынского.

И хотя в этом возрасте говорить о серьезных планах на будущее не приходилось, шанс, что отношения закончатся браком, имелся.

Но и это было еще не все. Род Волынских славился магами-прикладниками, многие из которых работали на военное ведомство. При таких раскладах и не захочешь, а начнешь дуть на воду.

– Марина, – бросив взгляд на присланную фотографию, нахмурился он.

Трубецкой поднялся. Подойдя, встал рядом, развернул планшет в руке Андрея так, чтобы не бликовал экран.

Фотография была четкой, словно позировали. На заднем фоне здание университета, в котором училась Марина. Не все – подъезд, из которого выходила. Рядом с ней парень...

Эту смазливую физиономию Андрей точно видел.

Аналитики, конечно, разберутся, но вот это «видел» ему совершенно не нравилось.

– Знаешь? – подался вперед Трубецкой.

Андрей только качнул головой. Видел мельком, не так давно, но в памяти осталось. Значит...

– Даже так... – протянул он, сообразив, с чем могло быть связаны выверты памяти.

Оставив планшет Трубецкому, обошел стол. Сев, тут же пододвинул ближе мышку стационарного компа.

Файлов в нужной папке было немного. Начав с последнего, просмотрел запись, пройдя по меткам, выставленным технарями. Нужной физиономии на записи не оказалось. Как и на последующей, и еще на одной.

Файл, который он искал, оказался в самом конце. Точнее, первым, если упорядочить по датам. Да и листать далеко не пришлось. Остановился уже на четвертой отметке.

– Неожиданно, – произнес за его спиной Трубецкой.

– И не говорите, – медленно выдохнул Андрей. Как обычно, все это было совсем не вовремя.

– Это в каком? – правильно опознал картинку на экране Трубецкой.

Ночной клуб. Сашка у барной стойки и парочка – парень с девушкой, стоявшие рядом со стулом, на котором сидела крестница.

– «Юпитер» Ушаковых, – ответил Андрей, взглядываясь в лицо парня.

Лет девятнадцать – двадцать. Смазлив, но не излишне, присутствовала в чертах лица определенная мужественность. Да и взгляд... Метка поставлена удачно, парень как раз анфас, так что цепкость в его взгляде видна четко.

Жаль, основания заинтересоваться этими двоими у него имелись, но слишком многое тогда происходило, чтобы отвлекаться, как ему казалось, на непрофильные события.

– Это тот, куда я отправлял своего Сашку? – В голосе Трубецкого проявилось напряжение.

– Именно! – посмотрел на него Андрей. – А эти двое – завлекалы из «Валите в свою провинцию». И как вы понимаете...

Он не закончил, да и не требовалось. Тщательная проверка студентов университета показала, что эта зараза до главного столичного вуза пока не добралась.

Судя по всему, ситуация менялась. Не в лучшую сторону.

* * *

Жизнь и здоровье целителя важнее жизни и здоровья пациента!

Исключений из этого правила два – император и его наследник, да и то с нюансами, учитывавшими возраст одного и наличие здорового сына у другого.

А еще в работе целителя МЧС имела значение постоянная оценка ситуации.

Именно этому нас сегодня и учили. Оценке!

Сколько на месте происшествия целителей? Каков уровень их квалификации? Опыт работы на выезде? Сколько пострадавших в той или иной сортировочной группе? Какова вероятность утяжеления состояния пораженных. Насколько ты имеешь право выложиться, чтобы, случись кризисная ситуация, был способен пусть и не заблокировать ее полностью, так хотя бы обеспечить «дожитие» пациента до момента оказания полноценной помощи. Ну и едва ли не

главное – риск для самих целителей, связанных с местом происшествия.

Первый час мы отрабатывали условный ЧС в спокойном ритме, обсуждая каждую из предложенных Людмилой Викторовной ситуаций.

Действовали как первая бригада по принципу ОБЛДМ: обзор – быстрая оценка масштаба происшествия; безопасность – обеспечение безопасности персонала на месте происшествия; лечение – экстренная помощь пострадавшим с угрожающими состояниями; доклад – обратная связь с руководителем; мероприятия – определение приоритетов, экстренная помощь, транспортировка.

А вот затем времени на принятие решения становилось все меньше, а вводных, требовавших внимания, все больше.

Не знаю, как остальные, но к окончанию факультатива я пришла с неожиданной мыслью о том, так ли хотела быть целительницей, как мне это казалось еще недавно.

Если говорить откровенно, то на медицину катастроф меня никто не тянул, что позволяло отказаться от затеи без малейшего намека на какие-либо отрицательные последствия для учебы. Но ведь характер! Не зря отец иногда заявлял, что я не Близнец, что соответствовало месяцу рождения, а баран. Такая же упертая.

Судя по тому, что видела вокруг себя, таких баранов здесь было много.

– Выдохлась? – перехватил меня Кир, стоило оказаться в коридоре.

– Сторожишь? – даже не притормозив, бросила я на него подозрительный взгляд.

Из аудитории выходила последней из студентов. Предупредила Людмилу Викторовну, что договорилась с Ильей о встрече с княгиней Воронцовой.

– Охраняю, – хмыкнул он. Когда я удивленно вскинулась, ощерился довольной улыбкой. – Да не парься. Просто надо поговорить.

– О чем? – остановилась я.

Кир машинально сделал еще один шаг. Развернулся.

– Прямо здесь? – огляделся он.

Народу в коридоре было немного. Точнее, только мы вдвоем.

– А что тебе мешает? – провокационно приподняла я бровь.

Вряд ли он собирается пригласить на свидание. А для всего остального...

Кир и Петр – парни видные. Высокие, широкоплечие. Про кубики пресса можно только догадываться – с обнаженным торсом ни одного, ни другого я не видела, но догадки в данном случае оказались верными. На факультативе оба сняли пиджаки, рельеф под приталенными рубашками определялся четко.

Да и внешностью предки их не обидели. Не сказать, что совсем уж писанные красавцы, но лица у обоих приятные. И что не менее важно – мужественные. Таким хочется доверять, потому как чувствуется в них не только сила, но и надежность.

А то, что наша первая встреча не задалась... Уже тогда они не вызвали у меня ни малейшего отвращения. Если только подумала, что выпендрожники.

– Да ничего, – кивнул он на окно, предлагая отойти в сторону.

Спорить не стала. Подойдя, присела на подоконник, благо были те низкими и широкими. Как раз для утомленных учебной студией усюсов.

– И долго будешь молчать? – расправив юбку, поторопила я.

Кир задумчиво посмотрел на мои ноги и только после этого поднял голову.

– Мы с Петькой хотим, чтобы ты была в нашей тройке.

Хмыкнув, бросила взгляд на дверь кабинета, в котором проходило занятие.

Триста первая аудитория располагалась в начале коридора, который вел к главной лестнице. Мы же с Кириом шли к другой, в конце. Так было ближе к гардеробу и выходу на стоянку.

– С Анной, значит, не хотите связываться? – вновь посмотрела я на Кириу.

Разбивка на тройки или четверки – классический вариант работы группы целителей МЧС. В основе – сильный диагност. Двое – специалисты общей практики, на них обычно лежало оказание первой помощи. Ну и последний, если таковой имелся, донор или нейтрализатор, что было особенно важно, когда речь шла об опасности отравлений любого типа.

Впрочем, нейтрализатор играл значительную роль и при других видах ЧС. Особенно при обрушениях.

Вопреки ожиданиям, ответ Кирилла был не столь категоричен:

– Если согласишься стать диагностом, то можно рассмотреть и вариант четверки.

Почему именно меня они хотят видеть в своей группе – основу составляли все-таки студенты третьего курса, – спрашивать не стала. Диагностика мне нравилась, и, как показала практика, магемы этого вида получались у меня без всяких усилий.

– А тот парень, который белобрысенький? – на всякий случай решила уточнить я.

– Олег? – догадался Кир. Когда я кивнула – вспомнила, что его действительно называли Олегом, поморщился. – Пижон.

Мне он пижоном не показался, но выяснять сейчас этот вопрос не стоило.

– А Петр считает так же?

Вот не хотелось мне соглашаться. И причин для отказа не было – братья работали так, что только позавидовать, но внутри что-то протестовало. То ли жажда хотя бы относительной самостоятельности – эти меня точно возьмут под опеку, то ли непонятки с собственным будущим – я уже почти смирилась с тем, что плыву по течению, позволяя другим решать, как мне жить. То ли просто нашла коса на камень. Не подойди ко мне Кир, мечтала бы о том, чтобы оказаться с ними в одной группе. Но он подошел, что позволяло немного покочевряжиться.

– Так же, так же, – успокоил меня Кир. – У Петра «хвост», побежал сдавать.

– Двоечник, значит?! – хохотнула я. Заметив, что Кир собирается встать на защиту брата, качнула головой. – Я согласна. А по поводу Анны думайте сами.

– Сомневаюсь, что она откажется, если предложим, – совершенно спокойно отреагировал на мое решение Кир. – Не то у нее положение.

– Это ты о чем? – не поняла я.

– Да все о том же, – поморщился Кир. – Кое-кто с нашего курса уже попался в сети ее мамочки. Так что наши все знают, что это за фифа. Кстати, – протянул он мне руку, давая понять, что тема разговора исчерпала сама себя, – ты с кем идешь на бал первокурсников?

Приняв помощь, встала. Собиралась взять рюкзак – пусть и больше привычного рюкзака, но тоже девчачий, со стразами, – но Кир успел первым.

– Предлагаешь свою кандидатуру? – хмыкнув, направилась я к выходу.

– А почему нет? – легко засмеявшись, парировал он. – С собой хорош, да и как собеседник неплох. Единственный мой недостаток – близость к императорской семье, но можно сделать вид, что ты об этом еще не знаешь.

– А то, что третьекурсник? – привела я, как мне показалось, весомый аргумент.

– А третьекурсники бывают разные, – многозначительно заметил он, но не удержался и рассмеялся снова. – Саш, первокурсники имеют право пригласить на бал любого. И если ты пригласишь меня...

– А я могу подумать? – вновь остановившись, посмотрела я на Кира.

Соглашаться вновь не хотелось – несмотря на собственную убежденность, что дружбы у нас не получится, пойти на бал я предпочла бы с Игорем. Отказываться...

– И не только подумать, но и отказаться, – словно знал то, о чем я даже не догадывалась, произнес Кир. – И если это случится, я не обижусь, а...

– ...просто найду другую первокурсницу, с которой и пойду, – воспользовавшись паузой, чуть слышно закончила я за него.

А сама подумала, что, наверное, хотела бы иметь такого старшего брата. И не важно, что он выпендрожник. Просто...

Жаль, но просто ничего не было. Да и версия с братом не выдерживала никакой критики.

В ресторан, выбранный Надеждой Николаевной, я вошла за пять минут до назначенного времени. А ведь могла и опоздать. Сначала попала в пробку, затем искала вход, оказавшийся совершенно не там, где думала.

Заведение было не только пафосным – в его отделку явно вложили серьезные деньги, но и закрытым, обеспечивая своим посетителям определенный уровень уединенности. Если бы мое имя не было внесено в список приглашенных, внутрь я бы вряд ли попала.

Княгиня и мой двоюродный братец находились уже там. Илья, опередив метрдотеля, встретил меня у двери. Похоже, видел, как подъехала. Помог снять пальто – погода не испортилась окончательно, но все шло к тому, – проводил в небольшой закуток, отделенный от остального зала рифленным стеклом, по которому, чуть слышно шелестя, стекала вода.

Столиков у прикрытого магической защитой окна стояло два. Один – пустой, за вторым, накрытым на троих, сидела Надежда Николаевна.

В глаза почему-то бросилась стоявшая в центре бутылка вина и бокалы... Тонкое стекло. Прозрачное до звона.

Княгиня была взволнована. И хотя внешне придаться оказалось не к чему – ни грамма надменности или высокомерия, но сомнений в том, какое именно положение занимала эта женщина, не возникало, – однако для меня ее волнение выглядело очевидным. Полевая структура пылала сдерживаемыми эмоциями, что было не очень хорошо для ее состояния.

– Надежда Николаевна, – несколько торопливо подойдя к столику, укоризненно качнула я головой, – не бережете вы себя...

Больше ничего сказать я не успела. Она порывисто поднялась и, всхлипнув, крепко обняла меня.

– Девочка моя...

Ощущения были странные. И облегчение – она знала, кто я. И страх – о желании ее супруга устроить мою судьбу рассказал Андрей. И радость – всегда хотела иметь любящую бабушку. И даже какое-то предвкушение, причины которого мне были совершенно непонятны.

А еще было тепло. словно после холода улицы, да в домашний уют с пылающим огнем в камине. И ароматом роз. Легким, ненавязчивым.

– Бабушка, – не выдержав чувств, что теснились в груди, произнесла я чуть слышно. И, бросив взгляд на Илью, смотревшего на нас с довольной улыбкой, больше не стесняясь, обняла ее в ответ.

Сколько мы так простояли – не знаю. Но когда Илья иронично хмыкнул, разрывая наше единство, резануло словно по живому. Слишком четким получилось понимание, чего именно лишили меня.

Не отец с матерью – у меня даже мысли не возникло винить их в этом. Те, кто не принял их решения быть вместе.

Когда все-таки сели за стол, если легче и стало, то совсем чуть-чуть. Хотелось столько сказать, но говорить не получалось, слова застревали в горле. Оставалось только смотреть и улыбаться.

Первой себя в руки взяла Надежда Николаевна, что, впрочем, и неудивительно. Вызвав официанта, приказала подавать закуски.

Пока расставляли салаты и нарезки, говорили о мелочах. Княгиня расспрашивала про учебу, я – отвечала. Сначала не сильно вдаваясь в подробности, но бабушку... да, именно бабушку, а не Надежду Николаевну Воронцову, интересовало все. Преподаватели, однокурсники, предметы. Как разговорилась, сама не заметила.

Так же прошло мимо меня, как Илья наполнил бокалы вином. Как, ухаживая за мной, положил на тарелку салат...

И опять время словно одновременно шло и замерло. Снаружи секунды, сопровождаемые репликами и постукиванием приборов, собирались в минуты. А вот внутри...

Почему внутри все замирало от напряжения, я догадывалась. Рано или поздно бабушка должна была спросить про отца.

А вот что ей ответить, я не знала.

* * *

Андрей, которому я позвонила сразу после разговора с бабушкой, приехал к ужину. Принес коробку с пиццей, от которой пахло так соблазнительно, что я, ни слова не говоря, занялась сервировкой стола.

Пока он раздевался, мыл руки, управилась и я. А ведь собиралась отделаться только легким салатиком. После довольно плотного обеда вроде как и не хотелось.

Жизнь показала, что, даже когда есть ты уже не можешь, от вкусенького вряд ли откажешься.

В отличие от меня Андрей был голоден. Более того, единственным эпитетом, соответствовавшим его состоянию, было слово «зверски». Пришлось добавлять к салату еще и мясную нарезку, благо холодильник пустым не был.

Ел он вроде и спокойно, но как-то сосредоточенно-быстро. Как если бы опасался, что прервут в самый неподходящий момент.

Впрочем, с его беспокойным хозяйством все могло быть.

– Как Мария? – дав крестному утолить первый голод, аккуратно поинтересовалась я.

Если верить сумке, которую притащил с собой, спать Андрей вновь собирался у меня на диване.

И ведь не сказать, что была против, но имелись у меня смутные подозрения, что причиной этому была отнюдь не их ссора.

– Нормально, – вроде как безразлично ответил он, проводив взглядом кусок пиццы, который я перекладывала на свою тарелку.

Был тот уже вторым. Первый я съела, даже не распробовав.

– Ты не узнавал, когда мне можно приехать на примерку? – сделала я вид, что не заметила нежелания Андрея говорить на эту тему.

– Позвони сама, – на этот раз не скрыл он недовольства.

Поднял голову, посмотрел на меня. В глазах мелькнуло что-то непонятное, но тут же пропало, давая повод усомниться в собственной наблюдательности.

– Извини, – спустя секунду улыбнулся он мягко. – Устал я что-то сегодня.

– Я заметила. – Я ответила ему улыбкой. – Ляжешь...

Про пораньше я сказать не успела. Он отложил вилку и нож, вытер руки и только после этого достал из кармана поставленный на беззвучный режим магофон.

– Хлопонин.

Последовавшая пауза оказалась довольно длинной. И несколько напряженной – на лбу Андрея залегла тяжелая складка, намекая на усиленную работу мозга.

– Даже так... – качнув головой, наконец произнес он. – Я тебя понял.

Андрей отключился, вновь посмотрел на меня, потом на мой телефон, лежавший на краю стола.

Говорить что-то нужды не было, ситуация знакомая.

Отключив телефон, еще и «накрыла» его целительским куполом. На всякий случай. Это магофон не прослушать, а вот телефон вполне возможно. Через него – тоже, но только техническими средствами. Магическая защита лишала такой возможности.

– Что-то случилось? – закончив, подняла я на Андрея вопросительный взгляд.

– Что-то случилось, – повторил он уже без вопросительных интонаций и нажал на вызов.

Ответили ему не сразу.

– Ваше превосходительство, извините, что поздно, но тут... – Эта пауза была короткой. – Княгиню Воронцову завтра утром отправляют в имение под Пензой. Вроде как по причине ухудшившегося здоровья. Илью – на вольные хлеба с минимальным содержанием.

В отличие от спокойного Андрея я даже зажала рот ладонью, чтобы не сказать какую-нибудь непристойность.

В том, что все происходящее стало следствием нашей последней встречи, я не сомневалась, но чтобы так...

А Андрей между тем продолжил разговор:

– Да, предлагаю перехватить утром, на выезде из княжеского городка. А Илью на несколько дней в общежитие, пока все не утихнет.

Судя по тому, что следующей фразой Андрея было пожелание доброй ночи, его предложения были приняты.

Я только и дождалась, когда он уберет магофон:

– Что с бабушкой?

– С бабушкой? – иронично приподнял он бровь.

Вот ведь...

В последнее время я начала воспринимать крестного серьезно, успев позабыть, какой язвой он был в имении.

– Да, с бабушкой, – хоть и тревожилась, но ехидно протянула я. – И тебе лучше...

– Понял, – «сдаваясь», поднял он руки.

И очень хорошо, что продолжать в том же духе не стал. От нетерпения узнать, что происходит, я вполне могла сотворить какую-нибудь глупость.

Вот только начал он не с объяснений, а с вопроса:

– Илья об Игнате знает?

Хоть и получилось неожиданно, но с ответом я не задержалась:

– Нет. Об отце с Надеждой Николаевной мы говорили без него. Да и она... – Я чуть замялась. – Она только спросила, жив или нет. А я не стала ничего объяснять.

– Это хорошо... – Андрей посмотрел на меня с удовлетворением. – Будем считать, что ты оправдала мои ожидания. – Он вновь потянулся к приборам. – Надежда Николаевна подала на развод, что, как ты понимаешь, очень не понравилось ее супругу. А тут еще и ваша встреча...

– Он ведь знает, кто я? – нахмурилась я.

– Было бы удивительно, не узнай он об этом, – криво усмехнулся Андрей, перетаскивая на тарелку сразу два куска пиццы.

Я проводила их взглядом. В коробке оставалось еще два, но Андрею было нужнее, так что я, приподнявшись, переложила на его тарелку и их.

– А об отце? – нахмурилась я.

Признаться честно, я уже ничего не понимала. А ведь всего-то и должна была приехать в Москву, поступить в академию и тихонечко жить, не привлекая к себе внимания.

Не знаю, какую роль во всем происходящем сейчас сыграла моя везучесть, но ситуация изменилась с точностью до наоборот. Лично у меня сложилось ощущение, что именно я стала центром какой-то навороченной комбинации, к которой сама имела весьма смутное отношение.

– Предлагаешь спросить у него? – Андрей вновь приподнял бровь. – Саш, – изменил он тон, – мне нечего тебе сказать, потому что такие люди, как твой дед Воронцов, не просчитываются. Их можно прочувствовать, их действия – предугадать, но просчитать...

– Почему? – не забыв, что больше всего меня интересовала судьба бабушки и Ильи, все-таки спросила я.

– Потому что есть хитрые, есть мудрые, есть профессионалы. А он хитромудрый самодур, которому уже давно пора уйти на покой, а он все еще продолжает выстраивать многоходовки. И надо признать, чаще всего они удаются. А то, что он при этом не щадит ни своих, ни чужих, так это уже издержки. Для него издержки, – заметив, что я собралась высказаться на эту тему, поправился Андрей.

– Для меня это плохо? – не удержалась я и от этого вопроса.

– Плохо, – спокойно, словно не говорил мне о грозившей опасности, произнес Андрей, – но мы с этим справимся.

– А для бабушки?

На этот раз Андрей ухмыльнулся. Да так, что я бы посочувствовала тому, кому эта ухмылка предназначалась.

– А за бабушку не беспокойся. Государь в курсе ситуации, так что вместо ссылки Надежду Николаевну ждет отдых в подмосковном имении Романовых по приглашению ее императорского величества. А Илья, – предвосхитил он мой вопрос о кузене, – пока все эти непонятки не закончатся, проживет в общежитии университета. Только на пользу пойдет.

– Ты так уверен...

Стук в дверь не позволил мне закончить.

– Да, войдите, – на правах хозяйки разрешила я. Встала, предполагая, кого именно увижу.

И не ошиблась.

– Андрей Аркадьевич, Саша... – приветствовал нас вошедший в гостиную профессор.

– Данила Евгеньевич, – поднялся и крестный, – рад вас... – Он осекся, раньше меня заметив выражение растерянности на лице профессора. – Что-то случилось? – Андрей вышел из-за стола.

– Случилось? – задумчиво переспросил профессор. Потом посмотрел почему-то на меня. – Да, случилось, – произнес он уже тверже. – Я получил письмо от князя Мещерского с просьбой о встрече, чтобы обсудить помолвку его внука и моей дочери Юли. А Людмилы Викторовны еще нет, и мне даже не с кем... Ой, простите, – похоже лишь теперь увидев накрытый стол, встрепенулся он, – кажется, я не вовремя.

Убеждать профессора, что все в порядке, мы с Андреем начали одновременно. И не важно, что все было не совсем так. Да только не воспользоваться возможностью, чтобы узнать все буквально из первых рук, было бы просто глупо.

Глава 10

Время пролетело, я и не заметила. Словно только вчера был вечер понедельника, когда Данила Евгеньевич рассказал нам с Андреем о предложении князя Мещерского, а сегодня уже пятница.

О том, что помолвка все-таки состоится, стало известно в среду. Юля была растеряна – ничего подобного она не ожидала, но повела себя, на мой взгляд, абсолютно правильно. Судьба дала ей шанс быть с любимым человеком. Потерять этот шанс было бы большой глупостью.

Ну а то, что я с ребятами так и не помирилась... Мне удалось убедить подругу, что это только дело времени. Ну и обстоятельств, но об этом я промолчала.

Помолвку назначили на конец октября, подгадав между двумя балами. Тем самым балом первокурсников, на который, несмотря на название, собирались практически все отпрыски известных фамилий, и осенним балом, проводившимся под патронажем императорской семьи.

Радовалась ли я за подругу?

Несмотря на осадок, вызванный ссорой с парнями, да, радовалась! Хотя бы тому, что им с Антоном повезло значительно больше, чем моим родителям.

Но еще я понимала, что легко Юле не будет. Высшее общество, оно такое... Превалирующее большинство их союз все равно воспримет как мезальянс.

Но все эти мысли оставались за стенами академии. Здесь я думала только об учебе и нагрузке, которая с каждым днем становилась все более значительной.

– Итак, дамы и господа...

Первая пара пятницы – занятие по начальному целительству. При кажущейся его простоте предмет весьма серьезный. Та самая основа, без которой не получится хороший целитель.

Вел его старший преподаватель Иван Васильевич Скрябин, выглядевший добродушным невысокий старичок с лысой головой и тощей седой бородкой.

Первое впечатление было ошибочным. Иван Васильевич оказался вьедливым и дотошным, не терпя ни малейшей безалаберности и легкомысленности в отношении к своему предмету.

А уж каким он был язвительным...

На себе мне его ядовитый сарказм прочувствовать не довелось, а вот некоторым, в том числе и Бабичеву, от Ивана Васильевича досталось. Да еще и по полной, чего привыкший к другому обращению Виктор явно не ожидал. Он, похоже, думал, что здесь все как Людмила Викторовна – хоть и строго, но с уважением.

Нет, что касается Ивана Васильевича, то упрекнуть его в невежливости было нельзя. Что отнюдь не мешало ему использовать весьма обширный запас уничижительных, но при этом не относившихся к ненормативной лексике эпитетов.

– Сегодня начнем с вас, госпожа Александра Салтыкова. – Под дружный вздох облегчения Иван Васильевич просеменил к моему столу.

Вытащив из коробки плоский круглый камень, положил передо мной.

– Тест Шермана. Прошу вас, можете приступать.

Встав, отодвинула стул, освобождая себе место. Потерла ладонь о ладонь – действие необязательное, но помогало настроиться, затем поднесла одну руку к камню.

Ощущения не заставили себя ждать. Дохнуло жаром. Отхлынуло, но лишь для того, чтобы накатить новой волной в ритме частившего пульса.

– Тепло. Между сильным и очень сильным. Соответствует температуре тела тридцать девять – сорок градусов, что говорит об остром воспалительном процессе.

– Это все? – Иван Васильевич, торопя, постучал пальцами по столу.

– Нет, – произнесла я, подумав, что могла бы рассказать о значительно большем, если бы сам Иван Васильевич не требовал строго придерживаться изученного материала. – Есть дополнительное ощущение колючего холода. Интенсивность – слабая.

Диагностика, которую мы сейчас изучали, выглядела довольно просто. Сначала скользящие движения по контуру тела – сверху, от макушки, вниз. При всей незамысловатости вполне позволяло

определить общее состояние пациента: плотность и однородность его полевой структуры, температурный фон.

Затем, имея первоначальное представление о том, с чем предстояло работать, целитель переходил к обследованию по уровням. Голова, шея, плечевой пояс, грудь, живот, руки, ноги. Здесь движения становились медленными, с фиксацией на проекции внутренних органов, что позволяло сложить более полную картину.

Последним этапом шла диагностика по движению энергии в каналах.

Чтобы определить, какая именно помощь требовалась пациенту, в простых случаях такого рода обследования вполне хватало. Но это касалось целителей, чьи способности относились к средним или ниже. Те же, чей уровень был выше, предпочитали использовать магемы. Точнее, да и картина происходившего с больным выглядела более четко.

– Других ощущений нет, – поставила я точку, пожелав мнимому пациенту как можно скорее оказаться на операционном столе. Потому как подобная совокупность ощущений вполне могла соответствовать перитониту с начавшимся некрозом тканей в месте перфорации.

Целитель, конечно, в таких случаях тоже способен помочь – продержаться до оказания хирургической помощи, но и только. Это вам не прирастить отрезанный палец, что для хорошего специалиста нашего профиля не составляло особой проблемы, тут требуется санация иного рода.

– Вы уверены? – чуть наклонив голову, посмотрел Иван Васильевич на меня снизу вверх.

От такого взгляда любой бы засомневался в собственном ответе, я исключением не стала. Еще раз прислушалась к своим ощущениям...

– Да, уверена, – твердо произнесла я, понимая умом, что это всего лишь еще одна проверка, но продолжая волноваться. – Тепло между сильным и очень сильным, ближе к сильному, и колючий холод слабой интенсивности.

– Ну что ж, садитесь, – забирая камень, недовольно протянул Иван Васильевич.

Я напряглась... нет, ошибиться не могла – отец натаскивал меня на ощущения, как натаскивают на запахи борзую, но в жизни случается всякое.

– А что нам скажет на этот счет господин Бабичев? – Иван Васильевич переложил камень на соседний стол, за которым как раз и сидел Виктор.

Сказать Виктор ничего не успел. По ушам «ударил» сигнал «Внимание», затем на выданном пару дней назад браслете замигала красным цифра «двадцать четыре», а по вещательной сети академии разнесся голос ректора:

– Внимание, ЧС! Всем внештатным целителям МЧС немедленно пройти в аудиторию триста один. Всем целителям, приписанным к медицинским учреждениям, собраться в холле второго корпуса. Всем не занятым в оказании помощи в условиях ЧС до особого распоряжения оставаться в аудиториях и классах академии. Повторяю...

Первая реакция – непонимание и растерянность. Потом мысль о том, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

Как рассказывала Людмила Викторовна, при ЧС внештатных целителей привлекали чаще всего группами, начиная с более опытных, в которые входили студенты четвертого, выпускного курса. А тут всех, да еще и поднимают целителей...

Взрыв? Железнодорожная авария или крушение самолета? Обрушение здания? Крупный пожар? Химическое отравление?

– Аня, Саша... – сбил меня с мыслей голос Ивана Струпынина.

Этого хватило, чтобы я подскочила, сунула в сумку учебник и рабочую тетрадь и, не пропустив хмурого взгляда Ивана Васильевича, наблюдавшего за нашими сборами, бросилась к выходу.

В коридоре хлопали двери, из них выбегали парни и девушки, осматривались, словно ища ответ на тот же вопрос, который задавала себе и я. Что могло случиться, чтобы привлекли всех?!

Триста первая аудитория находилась на третьем этаже. Кабинет, в котором мы изучали начальное целительство, здесь же, только ближе к центру, но, когда подбежали к дверям, там уже стояли не только дежурные – два парня с какого-то из старших курсов, но и с десятков студентов.

– Полная подготовка! – Дежурные пропускали по одному, сканером снимая данные с браслетов. – Разобраться по группам. Полная подготовка... – повторил он заходившей вслед за мной Анне.

В триста первой аудитории два прохода: справа и слева. В конце них – двери в мужскую и женскую раздевалки. Там – кабинки с одним из комплектов специальной формы, которая выдавалась всем внештатным целителям МЧС, туалеты и душевые.

Полная подготовка – это две магемы, экстренно очищающие кишечник и мочевой пузырь. Не самые приятные ощущения, да и кишки потом ноют, но, когда неизвестно, где и сколько предстоит работать, это лучше, чем если приспичит в самый неподходящий момент.

Магема я произнесла, как только вошла в аудиторию. Время срабатывания – две-три минуты. Как раз добраться до туалета.

Когда переодевалась, пыталась действовать быстро, но несуетливо. Вот только получалось плохо. Вроде и опыт какой-никакой имелся – на тренировки с отцом приходилось тоже поторапливаться, но там не примешивались нехорошие предчувствия. А тут... то одно выпадет, то другое. То в штанину не получается попасть, то рукав оказывается вывернутым внутрь.

А еще заполошно билось сердце – первый выезд. Да и от дурных мыслей избавиться было трудно. Масштабное ЧС! Я попыталась посмотреть новости по телефону, но связь оказалась заблокированной, что не добавило спокойствия.

Но тем не менее я справилась.

Специальное белье. Тонкая, но хорошо впитывающая гигиеническая прокладка. Футболка, штаны, куртка, ботинки со специальной шнуровкой. Затем бандана с красным крестом и жилет с кучей карманов и двумя эмблемами: целителей и МЧС. Ну и сумка с минимальным целительским набором, защитными масками и перчатками, двумя бутылками питьевой воды и пакетиком сухофруктов, чтобы восстановиться при утомлении.

Раздевалку мы с Анной покинули вместе, одними из первых. Но это была не только наша заслуга. Девушек среди внештатников немного, так что никто друг другу сильно не мешал.

Когда уже одевались, на браслет пришло новое сообщение – номер автобуса, к которому следовало прибыть, и план стоянки.

– Ты что-нибудь знаешь? – не удержалась от вопроса Анна, когда мы уже были на лестнице.

– Нет. – Подкрепляя ответ, я чуть качнула головой, а вообще старалась смотреть под ноги, чтобы случайно не запнуться.

– Никто ничего не знает, – обогнал нас парень с третьего курса. Занимался вместе с нами. – Все заблокировано.

Анна остановилась, ошарашенно глядя ему вслед, но я тут же схватила ее за руку и потянула вниз. Мешкать нельзя. Если верить предчувствиям и догадкам, информации для которых было более чем достаточно, все оказалось еще хуже, чем я думала изначально.

Полная блокировка!

Такие меры предосторожности применялись только в одном случае.

В случае совершенного теракта!

* * *

– Слушаем меня внимательно, – как только выехали за пределы академии, поднялась со своего места Людмила Викторовна. Встала у передней двери, крепко ухватившись за стойку.

Одета она была так же, как и остальные, в униформу внештатных целителей МЧС. Вот только кроме стандартной сумки у нее была еще одна, довольно объемная, стоявшая сейчас у сиденья.

Взгляд, которым Людмила Викторовна прошла по каждому из находившихся в салоне, был жестким, не оставляя ни малейшего сомнения, что все очень серьезно.

Впрочем, я в этом уже не сомневалась. Своими глазами видела, какие задействованы силы. И это только внештатные целители академии, для которых было выставлено более тридцати автобусов.

В этом, рассчитанном на двадцать человек, нас было как раз двадцать. Не считая, конечно, водителя. Пять групп по три человека, все с выпускного курса, нас четверо – Петр, Кирилл, Анна и я – и Людмила Викторовна.

– Массовое отравление неизвестным токсином в главном общежитии Московского Императорского университета.

Я прикусила губу, чтобы не вскрикнуть. Илья Воронцов! Мой двоюродный брат. Со вторника он жил именно там.

– Токсин отсроченного действия, – бросив на меня быстрый взгляд – реакции на свои слова она не пропустила, продолжила Людмила Викторовна. – Накапливается в почках и в меньшей степени в печени. Вызывает острую почечную недостаточность, которая стремительно приводит к отказу почек.

– Это теракт? – задал интересовавший нас всех вопрос один из старшекурсников.

– Наша задача, – проигнорировав, продолжила Людмила Викторовна, – сортировка. Шесть групп, три сортировочные площадки. В связи с нехваткой медицинского персонала сортировку проводим по сортировочным группам. Напоминаю цветовую градацию: черная карточка – наступившая смерть или терминальное состояние; красная – экстренная медицинская помощь; желтая – нуждающиеся в экстренной медицинской помощи во вторую очередь; зеленая – легкое поражение. По предварительным данным, на каждые десять пострадавших один летальный исход, один – терминальная стадия, два-три требуют экстренной помощи.

– Ни хрена себе! – выдохнул кто-то из сидевших в конце автобуса.

Я была с ним полностью согласна. Еще когда готовилась к поступлению в академию, просматривала информацию о других высших учебных заведениях Москвы. Все меня, конечно, не интересовали, но статистику по университету я не пропустила. Более тридцати тысяч студентов, две трети из которых проживали в четырех общежитиях. В главном, самом большом, находившемся в студенческом городке неподалеку от основного учебного корпуса, половина. Это около десяти тысяч. Если из каждых десяти умирает один...

От осознания получившейся цифры в горле встал ком. Тысяча погибших! Не плюсуя тех, кто получит красную карточку, но своевременной помощи так и не дожидается.

Похоже, считать умела не я одна. Сидевшая рядом со мной Анна побледнела, до побелевших костяшек вцепившись в лежавшую у нее на коленях сумку. Да и я сама...

Хотелось открыть глаза, проснуться и, отойдя от испуга, понять, что это был лишь сон. Страшный, но сон.

Увы, мы не спали. И все, что происходило сейчас, происходило именно с нами.

– Токсин распространялся через горячее водоснабжение. Максимальную дозу получили те, кто раньше других умывался или особенно принимал душ. Поэтому на этапе диагностики не только смотрим степень интоксикации и уровень поражения почек, но и оцениваем дозу полученного токсина. Решение принимаем на основании трех показателей. Используем малую диагностическую магему. Карточки клеим в любое доступное место: спина, грудь, руки, ноги. В каждой бригаде имеется оборудование для отслеживания соответствующих сигналов.

– Оказание первой помощи?

Я опять не увидела, кто задал вопрос, потому что сидела спиной к говорившему.

– До дальнейших указаний ваша задача – сортировка, – тем же жестким, не терпящим возражения тоном произнесла Людмила Викторовна. И добавила: – Исключение составляют нейтрализаторы. При выявлении пострадавших в терминальной стадии вы должны оказать возможную помощь для снижения статуса до красного. Повторяю, – она посмотрела на Анну, – до красного статуса. Данная схема действует до наступления следующего этапа, сообщение о котором придет на ваши браслеты. При возникновении непонятных ситуаций – желтая кнопка. Угроза жизни целителя – красная кнопка. Напоминаю, что жизнь целителя – важнее жизни пострадавшего. Это – закон. Всем все понятно? – вновь окинула она нас быстрым взглядом.

Вопросов не последовало. Да и к чему? Все, что нам предстояло, Людмила Викторовна расписала в достаточно ярких красках, чтобы не только понять схему действий, но и осознать, какими могут быть последствия в случае ее нарушения.

Один из десяти – летальный. Еще один – в терминальной стадии...

Сколько всего сортировочных площадок – неизвестно, но даже на наших трех...

На каждого – сорок секунд, идти будем от центра к краям. За час, если не прерываться ни на мгновение, сможем оценить состояние девяноста пострадавших. А их десять тысяч!

– Аня, ты готова работать? – заставив сдвинуться Петра и Кира, сидевших лицом к нам, устроилась на краешке их сиденья Людмила Викторовна.

– Нет, – едва слышно выдохнула Филоненко и тут же добавила: – Но я справлюсь.

– Это хорошо, – ободряюще улыбнулась ей Людмила Викторовна. – Если поймешь, что с чем-то не справляешься, не стесняйся жать желтую кнопку. Я буду держаться поблизости, одних вас не оставлю. И еще, – ее тон стал более серьезным, – работаем без перерыва, до последнего пострадавшего. Когда будешь проводить нейтрализацию, рассчитывай, что через тебя пройдет не меньше чем тридцать – сорок человек. Поэтому свое воздействие ты должна дозировать очень четко. Отвести пациента от черты с расчетом, что реальную помощь ему окажут не раньше чем через час.

Несмотря на отношение к Ане, в этот момент я ею гордилась. Только что сидела бледная как смерть, но тут же взяла себя в руки, полная решимости сделать все, что от нее требовалось.

Я чувствовала, что она волновалась, но...

Вряд ли ошибусь, если скажу, что каждый из сидевших сейчас в автобусе, включая Людмилу Викторовну, испытывал схожие эмоции. Массовое отравление!

Это какой же надо быть сволочью, чтобы обречь столько людей на подобные мучения.

Острая почечная недостаточность... Не важно, что знала я об этой проблеме немногим больше, чем обыватель. Одного сочетания трех слов было достаточно для понимания, какими могут оказаться последствия.

– Теперь ты, – возвращая в реальность, Людмила Викторовна перевела взгляд на меня. – Диагностическую магему делаешь ты. Оценку – все четверо. Решение о статусе пострадавшего принимаете совместно. Старший – Петр.

В ответ кивнула. Не скажу, что стало легче, но все-таки оказаться в роли судьи, выбиравшего, кому жить, а кому нет, я была еще не готова.

– Ну, если все понятно...

– Людмила Викторовна, – перебила я ее, не пропустив, как напряглись братья Орловы, – в главном общежитии университета живет Илья Воронцов.

Ее взгляд стал нечитаемым. Лицо на мгновение закаменело... Одноклассник ее дочери. Княжич и возможный наследник рода

Воронцовых...

– Я возьму на контроль, – наконец произнесла она, поднимаясь, и, больше ничего не сказав, ушла на свое место.

Стекла у автобуса затемненные. С той стороны ничего не видно, с этой все выглядит нереальным, словно фильм в плохом качестве. Все мрачно и похоже на детскую поделку: криво вырезанные из бумаги фигурки, наклеенные на грязный картон. А еще и дождь... Закончился он утром, но небо все еще оставалось заляпанным тяжелыми, неуклюжими тучами.

– Саш... – сидевший напротив Кир наклонился, положил ладони мне на колени.

Оторвав взгляд от того, что творилось за окном, посмотрела на него.

Дорога, по которой ехали, была практически пустой. Лишь военные машины с сидевшими в них бойцами обгоняли нашу колонну, стремясь куда-то к центру города.

А еще отовсюду вопили на разные голоса сирены, и тротуары перекрывали вооруженные патрули.

Мне бы поговорить с кем-нибудь из тех, кто обычно вселял уверенность, но...

Несмотря на пример Ивана Струпынина, чей дар проснулся и стабилизировался в ситуации ЧС, все, к чему готовила нас Людмила Викторовна, казалось чем-то далеким. Да, случалось и обязательно еще случиться, но...

Я была уверена, что к тому моменту, когда потребуется моя помощь, уже буду готова ее оказать. Узнаю больше, чем знала. Наберусь опыта. На манекенах отработаю все, что необходимо. Натренирую скорость создания магем. Разберусь с нюансами, о многих из которых не имела ни малейшего представления.

Да просто стану старше!

– Саш. – Привлекая внимание, Кир слегка сжал колено.

Так до конца и не вынырнув из переживаний, тяжело вздохнула. Передернула плечами от побежавших по спине мурашек.

– Страшно, – произнесла я, спрессовав в одно слово все свои переживания.

– Всем нам страшно, – явно через силу улыбнулся он. Оглянулся на Людмилу Викторовну.

Я тоже посмотрела на нее и кивнула. Юля не жила в общежитии, но в безопасности ли она сейчас?!

Попыталась прислушаться к собственному дару... Тот не молчал, но тревоги было так много, что и непонятно, от беспокойства за кого набатом билось сердце.

– Я справлюсь, – заставляя себя верить в то, о чем сказала, перевела я взгляд на Кира.

– Мы – справимся, – поправил он меня.

И я согласилась. Мы – вместе. И по-другому быть не может!

* * *

Здание университета – тридцать шесть этажей в центральной части и по восемнадцать в боковых. Дальше стадион, парк с небольшим искусственным озером. Еще дальше то самое общежитие, объявленное сейчас местом чрезвычайной ситуации.

Точнее, студенческий городок – шесть двенадцатиэтажных корпусов, соединенных между собой переходами. В каждом комбинат бытового обслуживания и столовая. Неподалеку два кафе и молодежный клуб.

Либо меня подвела память, либо информация на портале, на котором я ее обнаружила, оказалась недостоверной, но по данным, которые нам сбросили на браслеты, в главном общежитии Московского Императорского университета проживало семь тысяч восемьсот семьдесят студентов. Часть из них до конца сентября находились в полевых лагерях. Проходили военную подготовку.

Это было из хорошего.

Из плохого...

Скорых было столько, сколько я не видела за всю свою жизнь. И они все прибывали и прибывали.

В отличие от них, въезжавших во двор, автобусы останавливались на объездной дороге. Наш исключением не стал. Подъехал достаточно близко, почти вплотную к домам, и, стоило нам выйти, сорвался с места, которое тут же занял другой.

Остальную часть пути мы преодолели бегом. И это было даже лучше, потому что некогда думать. И не важно, что в маске тяжело дышать, а сумка, надетая как рюкзак, бьет по спине. Главное, просто бежать. Не обращая внимания на вновь начавшийся дождь, на страх, который никуда не делся, лишь отступил, словно понимая, что для него найдется лучшее время.

Воздух звенел от сирен, от стрекота садившихся и взлетающих где-то неподалеку вертолетов. От команд по громкоговорителям, которые, несмотря на какофонию звуков, воспринимались четко:

– Внимание! Зеленых с сортировок с первой по третью на карантинную площадку во втором секторе! Четвертая – шестая, сектор пять. Повторяю...

– Тринадцатая бригада – первый корпус, второй подъезд. Сортировка...

– До оценки состояния целителями и медиками пострадавших не поить! Очищать рот от рвотных масс, смачивать губы. Повторяю...

– Обработка нейтрализующим раствором проводится до размещения на сортировочной площадке. Внимание, повторяю, обработка нейтрализующим раствором...

Нашим оказался шестой корпус. В нем уже работали. Сновали спасатели МЧС, военные, сотрудники полиции...

Внешне все выглядело довольно упорядоченно, без суеты, но целительская эмпатия не обманывала. Каждый из них работал на пределе, выкачивая себя без остатка.

Пострадавших выводили и выносили из подъездов, укладывали на топчаны, установленные у самых дверей, срезали верхнюю одежду. Кого-то окатывали из ведер водой, тут же закутывая в одеяла. Кого-то обрызгивали из пульверизаторов...

Лично для меня эти нюансы сейчас не имели особого значения – информация вряд ли могла помочь в будущей работе, но взгляд замечал мелочи, цеплялся за них, словно опасаясь увидеть не кусочки мозаики, а всю картину целиком.

Наверное, так оно и было. Потому что и кусочков, чтобы удариться в панику и утратить способность действовать здраво, оказалось более чем достаточно.

– Седьмая и двадцать четвертая – третья сортировка! – Людмила Викторовна, перейдя на шаг, махнула рукой в сторону стоянки.

Машин на ней не было. Лишь тела, почти ровными рядами лежавшие на асфальте и газоне, обрамлявшем площадку.

– Игорь, Петр...

Резкий шум отвлек на секунду... Лопасты поднимавшегося из-за деревьев вертолета «пробили» висевший защитный купол, расплескали струи дождя, потоком лившегося там, за пределами магической пленки.

Красиво! Завораживающе! Тонкая прозрачная кисея, похожая на оболочку мыльного пузыря, махина вертолета с огромным красным крестом на боку и вода, пытавшаяся прорваться сквозь вращающийся с огромной скоростью металл.

– Двадцать четвертая! – Петр слегка толкнул меня, вырывая из созерцания. Поймав мой «очнувшийся» взгляд, повесил себе на шею ленту с карточками и цветными наклейками. – За мной!

– Седьмая...

– Внимание! Зеленых с сортировок с первой по третью, карантинная площадка второго сектора! Четвертая – шестая, сектор пять. Повторяю...

С пострадавшими уже работали. Не целители или медики, кто-то из вспомогательных служб или добровольцев. Повсюду стояли бутылки с водой, тазики. Картонные коробки, в которые сбрасывали использованные тряпки...

Сильно пахло дезинфицирующими средствами, но даже они не могли забить другого запаха. Кислого. Неприятного. Запаха рвотных масс.

Четыре ряда. Это в одну сторону. По длине же сосчитать было трудно, подносили из разных подъездов. Большинство лежало. На одеялах, простынях, брошенных на землю куртках. Какой-то парень сидел и раскачивался... Хотела бы я сказать, что это хороший признак, но парень вдруг посмотрел на меня, и его взгляд был пустым, отсутствующим.

Практически все раздеты. Из одежды только майки, трусы, да топики или бюстгальтеры на девушках.

Если бы не тепловые пушки...

Под магическим куполом, растянутым между зданиями, относительно тепло. Вот только земля была уже холодной. И влажной после прошедшего ночью дождя.

У большинства из тех, кого я видела, кожа чистая. Скорее всего, токсин до попадания внутрь вел себя нейтрально, не вызывая местных реакций. Но были и с покровами, изуродованными красными пятнами, явно вызывавшими зуд.

Аллергическая реакция? Или, может, было еще что-то...

Все эти мысли мелькали как в калейдоскопе. Их бы остановить, заставить замереть...

– Пострадавших до оценки состояния целителями или медиками не поить! Очищать рот от рвотных масс, смачивать губы...

– Саша!

Я вздрогнула. Отец рассказывал о войне. О смерти. О множестве раненых, не каждому из которых целитель в состоянии помочь.

Я слушала. Понимала. Примеривала на себя. Пыталась осознать, насколько готова к тому, что вся моя жизнь будет связана с человеческими трагедиями. С верой в меня. С надеждой, которая для кого-то станет последней.

И я решила, что – да! Даже если не готова сейчас, то научусь, смогу...

Я обманывалась! Научиться такому...

– Сашка, да что с тобой?! – тряхнул меня за плечи Кир.

Я дернулась, но посмотрела не на него, а на Игоря из седьмой группы, который уверенно подвел своих ребят к первому из пострадавших. Потом перевела взгляд на Аню... такую же растерянную, как и я сама.

Талантливые студенты! Будущие великие целители!

Сдулись будущие великие целители, стоило только столкнуться с действительностью.

Этого хватило, чтобы разозлиться. На себя. На обстоятельства. На тех сволочей, для которых человеческая жизнь не имела ценности.

– Я в порядке, – скинула я руку Кира со своего плеча. – Работаем!

Сказать было легко, а вот сделать...

Эти несколько шагов до парня, лежавшего на газоне, стали для меня тяжелыми. Словно на плечах вся та боль, что скопилась здесь. А ноги... Ноги были ватными и подкашивались. Но я была упрямой. Шаг. Еще шаг...

Со стороны, наверное, казалось, что шла я решительно. Это было не так. Решительности во мне не было. Только упертость!

Сорок секунд на одного человека. Из них двадцать пять, чтобы развернуть малую диагностическую магему...

О том, смогу ли я управиться за двадцать пять секунд, если этим человеком окажется Илья, я старалась не думать.

– Работаем, – повторила я чуть слышно. Когда Петр достал карточку, которую мы прикрепим к пострадавшему, начала говорить, одновременно с этим создавая магическую структуру: – Мужчина. Семнадцать – девятнадцать лет. Степень интоксикации... – Блок магемы растянулся над лежавшим, тут же окрасившись в желто-красные цвета. – Сильная.

– Согласен, – подтвердил мой вывод Кир.

– Согласен, – повторил за ним Петр.

– Уровень поражения почек... – Визуализация стала четче, проявились контуры органов, дополнились деталями внутренней структуры. – Средний.

И вновь дважды прозвучало «согласен».

При других обстоятельствах...

При этих обстоятельствах от точности моей диагностики зависели жизни.

– Доза токсина...

Этот момент был самым тяжелым. Малая диагностическая магема не давала полного представления об отравляющем элементе. Лишь косвенные признаки, которые нужно еще уметь интерпретировать.

Там, в поезде, мне это удалось. Здесь...

Людмила Викторовна подсказку дала. Токсин распространялся через горячее водоснабжение. Значит, всасывание происходило через кожные покровы и в меньшей степени через слизистые.

Сделав четче контур, оценила степень поражения.

– Доза токсина – средняя. Состояние осложнено принятием алкоголя, – не пропустила я и то, что усугубляло степень интоксикации. – Желтый. – Свернув магему, в виде записи сбросила ее на карточку. Как подспорье для медиков или целителей, которые с ним будут работать.

– Желтая, – подтвердил мой вывод Кир.

– Желтая, – клея на карточку соответствующую ленту, сделал заключение Петр. И, уже выпрямляясь, добавил: – Пятьдесят три секунды. Ускоряемся.

Я кивнула и направилась к следующему... следующей пострадавшей. Успев бросить взгляд на диагноста седьмой группы – он уже разворачивал вторую магему, посмотрела на девушку.

Людмила Викторовна говорила, что этого делать не стоило, но...

Она была, скорее всего, моей ровесницей.

Такая же глупенькая. Посчитавшая, что Москва примет ее, позволив вырваться из своего провинциального городка и зажить другой жизнью...

Очередная моя мысль была глупой. И несвоевременной.

– Женщина, – отбросив все, отложив рефлексии на время, когда будет можно, четко и ровно начала я. – Семнадцать – девятнадцать лет...

Желтый. Желтый. Желтый...

Тот парень, с которым я случайно встретилась взглядом, получил зеленую карточку и после короткого объяснения сам отправился в карантинный блок. Низкая доза, низкая степень интоксикации, отсутствие поражения почек...

Без медицинской помощи он не останется, да и за состоянием в карантинном блоке будет кому присмотреть.

Ну а то, что в шоке... В шоке были все. Не все могли позволить себе впасть в протрацию.

Желтый. Зеленый. Желтый...

В какой-то момент я поверила, что статистика, которую привела в автобусе Людмила Викторовна, нас не коснется. Это где-то там, но у нас все останется так, как есть. Да, страшно, но поправимо.

С выводами я поторопилась. Магема развернулась над лежавшей передо мной девушкой...

– Святая заступница! – опередил меня Петр.

Он был прав. Если верить тому, что мы видели, пострадавшая находилась в терминальной стадии.

* * *

Анна справилась. Не одна – вместе с Киrom, который наложил несколько поддерживающих магем.

Но основную работу проделала все-таки Анна. Плача – из-за слез нейтрализацию проводила практически вслепую, ругая и собственный дар, и мать, настоявшую на ее поступлении в академию, и Людмилу Викторовну, уговорившую пойти на факультатив. И даже меня вместе с парнями. Просто за то, что были в одной команде. Не забыла она и о тех, кто все это сотворил, пообещав найти и удавить собственными руками.

Смотреть на это было страшно. Как и видеть перед собой совершенно незнакомую Анну Филоненко. Упертую. Готовую сражаться даже со смертью.

Не знаю, повезло или Людмила Викторовна все-таки ошиблась со статистикой, но таких тяжелых случаев нам больше не попадалось. Красные – да, были, но чтобы в терминальной стадии...

Для того чтобы весь этот мир в очередной раз перевернулся, став другим, одного случая вполне хватило. Девушка умирала на наших глазах, а мы...

Это была работа на скорость: кто быстрее! Мы – победили, но ценой этой победы стало четкое осознание, какую именно стезю выбрали в этой жизни.

Не знаю, как другие, но я бы предпочла пройти через это как можно позже.

Однако все эти мысли были как вспышки. Ты вдруг замираешь на мгновение, встречаешься с кем-нибудь взглядом и... видишь в чужих глазах то же, что творилось и в твоей голове. Среди хаоса, от которого хотелось сбежать в тишину и спокойствие, островок понимания, что это – твое место. И это – твой бой. А готов ты к нему или нет...

– Двадцать четвертая – на отдых! Седьмая...

– Саш! – прихватив за руку, остановил меня Петр.

Не сделав следующего шага, я замерла в довольно неудобной позе. Непонимающе посмотрела на Петра.

– Отдыхаем, – потянул он меня к себе.

Сначала я пыталась считать прошедших через наши руки пострадавших. Сбившись где-то после тридцатого, переключилась на другой режим: диагностика, анализ, определение статуса. Если Кир и Петр со мной соглашались, что происходило чаще всего, переходила к следующему.

Сколько уходило на это времени? За этим мы тоже больше не следили, но темп держали старательно, не забывая, что от этого зависело чье-то будущее.

Единственное, что не ускользало от внимания, – появление бригад медиков, как только определяли пострадавшего, требовавшего немедленной реакции. Действовали те четко и быстро. Возникали словно ниоткуда и... исчезали уже вместе с пациентом.

– Что? – переспросила я, не сразу сообразив, что он сказал.

Сил не было уже давно, но я продолжала делать то, что должна. А то, что при этом самой хотелось упасть... Вряд ли бы смогла посмотреть в глаза отцу, поддайся я своей слабости.

– Понятно, – укоризненно качнул головой Кир и, подхватив на руки, вынес меня за линию сортировочной площадки.

Поставил на землю, придерживав за плечи, когда качнуло.

– Жива? – лишь после этого участливо поинтересовался он.

Команду на отдых я осознала только теперь. Этого хватило, чтобы вся скопившаяся усталость тяжестью навалилась на плечи. Ноги обмякли, голова стала чугунной, а спина согнулась, отказываясь держаться прямо.

Показывать, до чего вымоталась, мне не хотелось, так что, задействовав собственное самолюбие, я все-таки выпрямилась и, стянув маску вниз, произнесла чистую правду:

– Не знаю.

Пока он хмурился – чем-то ему мой ответ не угодил, огляделась.

Дождь больше не расцвечивал красками защитный купол. Но там, где верхушки деревьев выходили за его границы, ветки раскачивались, поддаваясь порывам ветра. Да и небо было серым, давя висевшими прямо над нами облаками.

Представив, как с той стороны, наверное, зябко и влажно, невольно передернула плечами. Под куполом было уже довольно тепло. Даже слегка душновато.

А еще здесь сильно пахло дезинфицирующими средствами. И чем-то затхлым. Словно в непроветриваемом сыром подвале.

Потом взгляд зацепился за корпус общежития, рядом с которым продолжали суетиться бойцы экстренных служб, на сортировочную площадку, которую мы только что покинули...

Количество пострадавших на ней если и уменьшилось, то ненамного.

С другой стороны, хорошо, что не увеличилось.

Людмилу Викторовну я заметила, когда она подошла к нам уже вплотную. Оглядела, отметив каждого внимательным взглядом.

– Вы как? – По ее лицу трудно было понять, что она испытывала, глядя на нас, но в глазах ясно читалось участие.

– Трудно сказать, – поморщившись, первым отреагировал Петр.

– Вроде держимся, – поддержал его Кир.

Я только пожала плечами. То, что чувствовала, двумя словами не передать.

– А кто нам на смену? – удивила меня вопросом Анна.

Несмотря на полтора десятка нейтрализаций – работала Анна и с красными, увеличивая их шансы на выздоровление, выглядела она довольно бодро.

Вместо ответа Людмила Викторовна посмотрела нам за спину.

Мы дружно оглянулись.

– Полковые лекари, – опередил меня с репликой Кир.

Бежавшие к площадке парни были в полевой форме. Двигались легко, слитно, словно их было не семеро, а один.

Впрочем, и неудивительно. На плечевой нашивке две полоски. Второй курс...

Закончить мысль о том, что один из них кажется знакомым, я не успела.

– Сашка! – Игорь, а это оказался именно он, резко притормозил и бросился ко мне. Подскочив, обнял, прижал к себе. – Сашка...

И словно ничего не было. Ни того неприятного разговора в загородном имении Мещерских. Ни обиды. Ни выматывающих размышлений, когда я была то права, то не права.

Все ушло, оставив только осознание, что настоящее – оно именно здесь, где нет ни мещан, ни дворян, а есть только жизнь и смерть, для которых все равны.

И опять, словно то, о чем подумала, принадлежало не только мне.

– Я тебя никому... – чуть отстранив от себя, твердо, уперто глядя мне в глаза, начал Игорь.

– Курсант Валдаев! – грозно окликнули его, едва не разрушив то хрупкое, что нас связало.

Но я сберегла тонкую ниточку. Улыбнулась, дав понять, как мне дорого все, что он хотел бы, но не сумел сейчас сказать.

– Мне пора, – отступив, но продолжая удерживать меня за кончики пальцев, произнес он с такой же улыбкой. – Я приду. Как только...

– Про Илью не знаешь? – крикнула я, когда он уже развернулся.

– Он в порядке, – на мгновение оглянулся Игорь и побежал к своим.

Я смотрела ему вслед и не могла понять, как могла быть такой дурой, едва не потеряв то, что не успела толком и обрести.

И не важно, станет ли это больше чем просто дружба. Когда встречаешь людей, которые понимают и принимают тебя, сражаться за них стоит до конца.

– И что это сейчас было?! – вернул меня на землю Кир.

Я сначала дернулась – послышалось в его голосе что-то... неприятное, но тут же расслабилась, заметив, как довольно переглянулись братья.

– А вот это вас не касается, – вновь удивив меня, категорично заявила вдруг Анна. – Правда, Людмила Викторовна? – неожиданно стусевавшись, добавила она.

– Правда, Аня, – мягко улыбнувшись, поддержала ее Людмила Викторовна. – А теперь отдыхать. У вас два часа.

Палатки для отдыха целителей были установлены в глубине парка.

Душ, чистая форма, еда. Разносолов не было – гречневая каша, ягодный морс и на каждого по яблоку, но порция была большая. Достаточно, чтобы утолить голод.

– Спать или дойдем до штаба? – когда вышли из столовой, поинтересовался нашим мнением Петр.

Стоило бы выбрать первое – у нас оставалось еще полтора часа, но я предпочла второе:

– Штаб.

– Согласен, – поддержал меня Кир.

А вот Анна с ответом не торопилась. Посмотрела на спальные палатки, расположенные чуть в стороне от остальных, потом задумчиво свела брови к переносице.

Я уже хотела предложить ей остаться, но тут Анна кивнула и первой направилась в сторону стадиона, где разместились штаб и выставлялись модули мобильного госпиталя, о чем мы узнали в столовой.

Шли недолго. К самому штабу нас не пустили, остановили, как сказал Петр, на дальних подходах.

Впрочем, своей цели мы достигли. Как и те, кто толпился у большого экрана, висевшего на одном из служебных автомобилей.

Сводные данные, обновлявшиеся едва ли не ежесекундно.

Как символ человеческой подлости и человеческого же героизма.

Глава 11

Штабную машину стрелкового клуба пристроили в глухом конце стоянки у небольшой кафешки. Как раз между вторым и третьим рядами сцепления.

Можно было подъехать и ближе – допуски позволяли многое, но смысла в этом Андрей не видел. Как и в самом факте их нахождения здесь.

Если только прочувствовать атмосферу. Чтобы стать злее.

– Триста восемнадцать...

Сидевший у рабочего терминала оператор взгляда от экранов не отвел, но вздохнул. Тяжело. Многозначительно.

Фиксировавший погибших счетчик за последние полчаса серьезно замедлился, но вопрос, когда он наконец остановится, по-прежнему оставался открытым.

По последним данным в главном общежитии Московского Императорского университета находилось семь тысяч сто двадцать три человека. К этому моменту через сортировку прошло немногим более чем сорок процентов.

«Уже» или «еще» – сказать трудно, но работавшие внутри корпусов спасатели утверждали, что самых тяжелых медикам они передали.

– Вторая лаборатория подтвердила, что с подобным токсином раньше не сталкивались. Новая разработка.

Зам находился в оперативном зале стрелкового клуба, да только совмещение технологий и магии позволяло при общении забывать о расстоянии, так что Андрей встретил направленный на него взгляд Стрельникова, словно тот сидел напротив. Тщательно взвесив сказанное, недовольно поморщился.

Промышленный шпионаж в их мире цвел буйным цветом. В чужие секреты лезли все – и зарубежные разведки, и государственные структуры, и родовые службы безопасности, имевшие свой меркантильный интерес.

Сохранить при таком раскладе новые разработки было серьезной задачей. И практически невыполнимой. Что-то где-то когда-то

обязательно всплывало. И хотя чаще всего информация выглядела не только неполной, но и противоречивой, при должном старании сделать какие-либо выводы было вполне возможно. Или хотя бы отследить историю слухов и предположений, «когда» или «если» новинка все-таки увидит свет.

Вариант с использованным токсином относился к той категории, когда нигде и ничего. По крайней мере, это утверждали эксперты уже второй лаборатории. И не просто лаборатории – главной императорской, в которую стекались данные со всей империи.

– А ведь они его должны были испытывать, – словно вместе с ним пройдясь по цепочке рассуждений, недовольно произнес Стас.

Внешне Андрей никак не отреагировал – напрямую событие этого утра их мало касалось, но внутренне дернулся.

Что-то происходило в последнее время в недрах служб, ответственных за порядок в империи. И ведь не сказать, что совсем уж разгильдяйство – среди тех, с кем приходилось контактировать, все были серьезными профессионалами, но вот к тем, кто работал на местах, вопросов становилось все больше.

Андрей хотел сказать, что пора заряжать аналитиков, но промолчал. О существующей, на его взгляд, проблеме князю он доложит, а дальше...

Перед клубом стояли свои задачи. И от качества и своевременности их выполнения тоже зависели чьи-то жизни.

– Триста двадцать один...

Кулаки сжались сами собой. Трагедия такого масштаба...

Информацию о контакте Марины Волынской, княжеской внучки и студентки Московского Императорского университета, с завлекалой из «Валите в свою провинцию» заинтересованным лицам передали еще в понедельник. И если за терактом стояли именно эти твари...

– Тебе не кажется, что подозрения с Ушаковых мы сняли слишком рано? – вдруг сбил его с мысли Стрельников.

Андрей сначала не понял, о чем сказал Стас, потом, оценив услышанное с разных сторон, нахмурился.

О наркотиках он помнил. И о производстве, и о каналах сбыта.

И об Артемии Зубове, чей заводик привлек их внимание тем, что прекрасно вписывался в схему, тоже не забывал.

А вот Ушаков, как и сказал Стрельников, ушел на второй план. Стоило признать, что по объективным причинам – и повторная комиссия ничего криминального на фармпроизводстве не обнаружила, но история с ночными клубами, принадлежавшими роду Ушаковых, не давала покоя. Уж больно свободно чувствовали себя там не только распространители дури, но и те самые завлекалы.

– Триста двадцать три...

Андрей не пропустил, как медленно выдохнул Стрельников, успокаивая всколыхнувшуюся ярость.

Счетчик щелкал... Обвиняя то ли в халатности, то ли в саботаже, то ли в предательстве. А может, и во всем сразу, что выглядело вполне логично. Один махнул рукой, другой закрыл глаза. А третий...

Третьего хотелось сразу пристрелить. Чтобы неповадно было.

Город практически вымер. Вокзалы, аэропорты, автобусные станции... Красная угроза! На дорогах только спецтехника. Подняты все службы. И гражданские, и военные. Патрули в пределах визуальной видимости.

Такого не было даже в период военных конфликтов!

Впрочем, подобных терактов история империи тоже не фиксировала. И это заставляло вновь и вновь задумываться о том, кто и что делал не так.

Или – не делал, что в принципе было одно и то же.

– Трубецкой...

Хлопонин выглянул в окно – машина князя как раз разворачивалась, направляясь в этот же сектор, бросил взгляд на часы.

Пятьдесят минут пополудни...

Первый раз с князем пересеклись около половины десятого – император требовал дать ему хоть что-то, способное пролить свет на происходящее.

Трубецкой был не единственным, кому предстояло объясняться перед главой империи. И даже не в первой десятке тех, кто нес ответственность за гибель студентов – в Тайной коллегии князь отвечал за угрозы со стороны родовитых дворян, имевших свои взгляды на то, кто должен управлять государством. Но!

Трубецкой – это Трубецкой! Ему до всего было дело.

Первыми к ним заглянули два бойца из охраны князя. Один дернул дверь, тут же наведя короткоствол, обещая изрешетить любого,

кто дернется. Второй тоже не поскупился на аргументы, но, убедившись, что внутри, кроме самого Хлопонина и оператора, никого не было, расслабился и отступил.

Был еще и третий – Андрей «чувствовал» его присутствие, но это уже рядом с кабиной водителя.

Позеры!

Красовались перед парнями Владимира, что скрытно контролировали периметр.

– Его превосходительство просит вас выйти. – Второй, продолжая держать ствол горизонтально, сделал шаг в сторону.

– Ну если просят... – поймав себя на том, что его клинит на первом, втором и третьем, пробурчал Андрей. Выбрался из машины.

Трубецкой тоже покинул салон автомобиля. Кивнув ему на пустую террасу, пристроенную к кафешке, направился в ту сторону.

Андрей догнал его, когда князь успел устроиться за крайним столиком.

– Все настолько хреново? – оценив закаменевшее лицо Трубецкого, сел он напротив.

И ведь знал...

Тяжелое свинцовое небо. Нудный, выматывающий дождь. И никого... Словно вымерло.

И только тишины, соответствующей вот этому «вымерло», не было. Воюющие на все лады сирены. Шум винтов вертолетов. И не только тех, что вывозили тяжелых пострадавших, но и военных, барражировавших над Москвой.

Оператор несколько раз передавал картинку с площади перед университетом. Несмотря на запрет...

Никакой запрет не мог остановить людей, желавших узнать, что случилось с их знакомыми и близкими.

Недостаток информации, вполне оправданный страх и пусть еще не горе – списки погибших пока не были опубликованы, но уже его предчувствие, сбивали их в монолит.

И это было жутко. Потому что толпа безумна в своей сути. И стоит только ее качнуть...

Думать о возможных жертвах еще и с этой стороны не хотелось.

Но думалось.

– Сам как считаешь?! – зло буркнул Трубецкой. Потом мотнул головой и продолжил спокойнее: – Спасибо за Илью.

Хлопонин отреагировал не сразу – готов был ко всему, кроме этого «спасибо». Потом кивнул.

Когда младшего Воронцова сплавляли в общежитие университета, Андрей напрягся. Не по причине – не было причин, просто внутри дернулось, намекая, что в некоторых случаях лучше «пере-», чем «недо-».

Чуйку можно было, конечно, и послать – некоторым отпрыскам княжеских родов не помешало бы оказаться поближе к людям, пусть и не совсем простым, однако Хлопонин предчувствиям предпочитал верить.

Как оказалось, не ошибся и на этот раз. Барышня, которую попросил присмотреть за молодым человеком, сработала на все сто, правильно посчитав, что легче всего присматривать, когда поднадзорный находится в шаговой доступности. Или – постельной, что было всего лишь частным случаем указанного варианта.

Рассуждать о морали, когда шла речь о жизни и смерти, точно не стоило.

– Сашка на сортировке, – неожиданно даже для самого себя произнес Хлопонин.

И ведь не время и не место...

– Мой в оцеплении. – Взгляд Трубецкого стал понимающим.

Всего лишь мгновение...

Лишь согласиться, что ничто человеческое им не чуждо.

– Значит, так, Андрей, – скинув оцепенение, резко подобрался Трубецкой, – с собственными рефлексиями разберемся потом. А пока...

Он был прав, князь Трубецкой, тайный советник Тайной коллегии. С рефлексиями они могли разобраться и потом. Сейчас было время для тварей, посягнувших на чужие жизни.

* * *

По два часа на отдых и сортировку, чередуясь с другими группами. Свернулись уже в восьмом часу вечера.

Впрочем, самой тяжелой была та первая, дальше стало пусть и не легче, но психологически проще. Всего лишь с десятков красных в той стадии, когда нужна экстренная помощь, но об угрозе жизни речь все-таки не идет, только о вреде здоровью.

Затем четыре часа принудительного сна – «укладывала» сама Людмила Викторовна, детской магемой, которой успокаивали малышей, и нас перебросили в мобильный госпиталь, развернутый на стадионе.

Тяжело ли там было? Очень! Но это если не сравнивать с сортировкой. Вот где ужас, о котором я вряд ли когда-нибудь забуду.

– Не спи...

Я вскинулась, оглянулась на неслышно подошедшего ко мне Кира.

– Не сплю... – буркнула устало.

Не без труда выпрямив спину, еще раз прошлась взглядом по развернутой над лежавшим парнем контрольной диагностической магемой.

В нашей палатке находились те, кто на грани между зеленым и желтым. С теми, кто посерьезнее, работали более опытные целители.

– Вроде все отлично. – Кир встал рядом со мной.

– Мне тоже так кажется, – вздохнув, кивнула я. – Значит, на выписку, – свернув магему и «вложив» ее в карточку, поставила я соответствующую отметку. – Ты со своими уже закончил? – направляясь к следующей кровати, поинтересовалась я у последовавшего за мной Кира.

Палатка широким проходом разделена на две части. В той, что справа от входа, работали Анна и Петр. Мы с Киrom – в той, что слева.

Вместо коек – специальные надувные матрацы с приподнятым краем, заложенным в их форме вместо подушки. Верхняя поверхность шершавая, чтобы не скатывалось постельное белье. Несколько магем, обеспечивающих очистку, температурный режим и уровень поднятия того самого края.

Рядом стул, на котором была аккуратной стопкой сложена одежда – стандартный набор из штанов, футболки и тапок, чтобы только дойти до выписного пункта. И стойка, на которой висела медицинская карта.

Для самого пациента все выглядело вполне удобно. Для целителей – не очень. Чтобы наложить или скорректировать магему,

требовалось наклониться.

В палатках для более тяжелых пострадавших стояли походные кровати. Нашу оборудовать так же смысла не имело. Всего лишь перевалочный пункт.

– Да, – подтвердил Кир, пристраиваясь за спиной.

Хотела я сказать, что завидую, но не стала. Из сорока шести человек, находившихся в палатке, Кир с братом взяли на себя большую часть. Да и с теми, что остались, успевали помогать.

Мы с Анной, конечно, были перспективными целительницами, но... Мало знать магеми и иметь сильные способности. Все это требовалось уметь применять на практике. Так что разница в два курса с этой точки зрения выглядела весьма существенной.

Магема развернулась под аккомпанемент этих мыслей. Зависла над спящим пациентом.

Спали они все. И нам удобнее – меньше сбивали эмоциями, и им хорошо. Все-таки целительский сон, он и сам по себе стабилизирует состояние организма.

Но спокойно спали не все. Стонали, кряхтели. Вскидывались, вновь переживая произошедшее, но лишь для того, чтобы избавиться от этого страха. Исторгнуть его из себя.

– А вот этому господину придется еще задержаться... – прокомментировала я увиденное.

Граница между зеленым и желтым только называлась границей. Для одних это был уже конец процесса, когда все, что нам оставалось, откатить его назад. Для других – его начало или середина, что требовало и больше времени для восстановления, и особого внимания со стороны целителей.

Этот парень был как раз из последних. Вроде и доза, которую получил, не самая большая, но, похоже, сам он не из крепких, так что работать было с чем.

– Переводим в пятую? – Кир передвинулся, встал рядом.

В пятой палате работали студенты нашей академии, но с последнего, четвертого курса.

Тоже разница, но уже между братьями и ними. Тот самый разрыв в умениях. Когда не только знаешь, что и как делать, а совершаешь нужные действия едва ли не на автомате.

Очень хотелось сказать, что и сами справимся, но...

Справиться, конечно, справились бы, однако неизвестно, каковы были бы последствия. Но это с одной стороны. С другой...

В пятой на троих было больше семидесяти пациентов. Очень серьезная нагрузка.

– Переводим, – сворачивая магему и «вкладывая» ее в карточку, решительно произнесла я.

Гонор не для целителей. Наша задача – максимально возможно помочь пациенту, а не тешить собственное самолюбие.

Еще раз посмотрев на спящего парня – был он на пару лет старше меня, нажала кнопку на браслете. Функционал перенастроили уже в мобильном госпитале, эта в новой раскладке отвечала за вызов медбрата.

Сорок шесть пациентов. Столько было в начале. Пятерых мы уже передали. Теперь еще один...

Главное, что ни одного не потеряли. И хотя таких предпосылок и не было, потерять пациента, как рассказывал отец, можно и при вполне благоприятных обстоятельствах.

Полог палатки распахнулся буквально через пару минут после вызова. Дохнуло свежим предутренним воздухом...

– Ну и что тут у вас? – раздался от входа знакомый голос.

Я развернулась...

– Вот это встреча! – довольно воскликнул один из двух мужчин, вошедших в палатку. – Госпожа Салтыкова!

И ведь я не хотела, но улыбка сама вылезла на лицо.

– Роман Сергеевич! – машинально сделала я шаг вперед. – Не ожидала увидеть вас в таком качестве.

Роман Сергеевич Углев. Мещанин. Талантливый хирург, работавший в больнице, в которой я сдавала зачеты по подготовке младшего и среднего медперсонала.

Бабник, не пропускавший, по словам знавших его, ни одной юбки. Не обошел он вниманием и меня, но... Каким бы талантливым он ни был, но, будучи дворянкой и целительницей, я выступала совершенно в другой весовой категории.

Правда, без Игоря и Сашки Трубецкого тогда не обошлось, но это была только поддержка, а не полноценная помощь.

– Я знал, что ты далеко пойдешь, – намекая, что сейчас мы с ним поменялись ролями, пройдя между рядами, подошел Роман Сергеевич

к нам.

Кивнул Киру, «вытащил» из карты контрольную диагностику. Развернул.

Вердикт был ожидаемым:

– В пятую?

Он посмотрел на меня. Я перевела взгляд на Кира. И ведь не искала поддержки...

Ощущать себя на равных с человеком, не раз державшим жизнь других в собственных руках, было непривычно. И странно. Когда одна часть меня стала вдруг старше и увереннее, а вторая – та, что соответствовала не только возрасту, но и жизненному опыту, продолжала сомневаться.

Кир в ответ ободряюще улыбнулся. И даже отступил, словно оставляя нас с хирургом один на один.

– Да, в пятую, – не позволив себе колебаться, твердо произнесла я. И не удержалась, чтобы не уточнить насмешливо: – Вас разжаловали?

– Поставили надзирать за салажатами, – мгновенно нашелся он и, не дав мне вставить ни слова, крикнул, обращаясь к напарнику: – Степа, носилки.

Утро было немного зябким. Но что утешало – сухим.

На чистом небе радостно висел ярко-желтый круг солнца. Прохладный, но легкий, ненавязчивый ветерок трепал кроны кленов, осин и берез, осыпавших листву на дорожки парка.

В такое утро хорошо просыпаться в задорном настроении, стоять с чашкой кофе у окна и строить планы на день.

С планами на день было туго. Впрочем, как и с кофе.

Я оглянулась на стадион, на поле которого разместился мобильный госпиталь. Анна повторила за мной. Остановился Петр, за руку которого она держалась. Кир...

Бригады медиков и целителей ехали в Москву не только из близлежащих городов, но и со всех концов империи.

Такая трагедия...

Трагедия, это когда стихийное бедствие. Да и в таком случае нужно поинтересоваться у тех, кто отслеживал погодные явления или движения коры земли, куда смотрели. А это – преступление. Страшное, безжалостное.

И это хорошо, что равнодушными оно не оставило, но тех, кто погиб, не вернуть. Как не вернуть и уверенность в завтрашнем дне, ставшую частью нашей жизни.

Мрачные мысли для такого утра, но других не было. Не потому что устала, а потому что столкнулась с тем, что не может не изменить, оставив прежней.

Тяжелый опыт. Отрезвляющий.

– Ты сейчас домой? – Кир вернул меня в реальность.

Отведя взгляд от стен стадиона, кивнула. Пока были с той стороны, усталость была другой. Податливой и покладистой, легко уступавшей слову «надо». С этой стороны она стала въедливой и неуступчивой.

– За нами прислали машину. Если ты хочешь...

– А Анну? – спросила я, не дав ему закончить.

– И Анну тоже, – тяжело вздохнув, согласился Кир.

Я ему не поверила. Трудно сказать, что будет завтра, но сегодня, как бы пафосно это ни звучало, мы были командой.

А это совершенно другие отношения.

* * *

Моя машина стояла у дома. Кого благодарить за заботу, было понятно – Андрея.

Вот только сам он на звонки не отвечал. И только после пятого, когда я уже не знала, что думать, отметился лаконичным сообщением: «Освобожусь, перезвоню».

Посчитав, что это лучше, чем ничего, вошла внутрь. Сняла пальто, сапоги, сдвинула их в угол. Надела домашние туфельки и... замерла, осознавая, что не знаю, что делать дальше и как себя вести.

Внешне ничего не изменилось. Тот же флигель, та же гостиная. Неброский ковер на полу. Уютный диван, кресло у камина. Учебники стопкой на столе. И даже витал в воздухе едва ощутимый аромат духов, которыми я пользовалась. А вот внутренне...

Прежде чем разъехаться по домам, наведались в академию. Отметились, приняли душ, сдали форму и рабочие сумки, переоделись.

Казалось, что последние сутки вместе с переживаниями, усталостью, пониманием потерь остались в прошлом. А впереди все как оно было раньше: дом, друзья, учеба, подготовка к балу первокурсников.

Но я ошиблась. Как раньше уже не будет. А вот как?!

– Саш?.. – Внутренняя дверь открылась неожиданно, но очень вовремя. Еще бы мгновение, и я, натянув обувь и пальто, выскочила из флигеля.

Куда? Зачем?

Я этого не знала. Но оставаться одной, несмотря на дикую, не столько физическую, сколько психологическую усталость и желание добраться до постели, вряд ли смогла бы.

– Юль... – попытавшись улыбнуться, вздохнула я.

Отец рассказывал, что возвращаться к мирной жизни тяжело. Что война долго не отпускает, держа острым чувством грани и кажущейся простотой. Когда лишь ты, жизнь, смерть и рулетка с ее «повезет – не повезет».

Я его не понимала. До этого мгновения.

– Ты чай будешь? – вдруг спросила Юля.

– Чай? – нахмурилась я.

Такое неприятное слово...

Это за Петром и Кириллом прислали машину, а так практически всех студентов-целителей развозили автобусами. Сначала до академии, потом по домам. И всё в сопровождении охраны.

Еще один страх, который будет преследовать. Практически пустые улицы, вой сирен и...

Люди были. Шли торопливо, словно пытались быстрее пересечь открытое место. Сутулились.

– Соглашайся, Саша, – поддержал Юлю Сергей.

Он появился незаметно. Или меня захлестнуло воспоминаниями, так что внимание было рассеянным.

– Да, только переоденусь, – попыталась я вновь улыбнуться.

Жизнь продолжалась. А то, что изменились ее условия...

Моего личного опыта для таких выводов не хватало, но если верить отцу и его соратникам, то изменение условий жизни происходило не так уж и редко. И чаще всего внезапно.

– Мы тебя ждем, – уже увереннее произнесла Юля и лишь теперь вошла в гостиную. Добравшись до дивана, села на край. Потом сдвинулась, устраиваясь удобнее.

Вроде и мелочь, но она хорошо отражала еще один постулат, для которого сегодня было самое место: люди привыкают ко всему. Чтобы убедиться, достаточно вспомнить сортировки. Первую и последнюю.

И хотя в этом случае можно говорить об уверенности, которую мы обретали, но первая сортировка с нашей стороны была подвигом. Последняя – работой. Разница очевидна.

Поднималась я наверх медленно, боролась с сомнениями: идти – не идти? А может, лучше все-таки отказаться от чаепития и завалиться в постель? А если не усну, вновь и вновь переживая события последних суток? А если только задремлю и позвонит Андрей? А вдруг...

До спальни я так и не добралась. Села на верхней ступеньке, прислонилась к перилам. Изнутри рвался вой, но я прикусила губу, не позволяя себе окончательно расклеиться. Но слезы текли, холодя кожу.

Когда мы покидали госпиталь, в списке погибших было триста сорок восемь человек.

Кто-то сказал, что цифра не менялась с двух часов ночи.

В это очень хотелось верить, но...

К тремстам сорока восьми требовалось добавить тех, кто в эти сутки не смог получить своевременную помощь.

Еще одна статистика, в ответе за которую те твари, что все устроили.

– Саш... – Юля, словно ощутив мое состояние, взбежала по лестнице, присела рядом. Обняла меня, прижав к себе.

Не сдержав эмоций, я тяжело вздохнула, шмыгнула носом.

Быть сильной тяжело. Даже в том случае, когда тебя воспитывают отнюдь не как кисейную барышню.

– Видела Игоря, – неожиданно произнесла я.

– Он звонил, – подозрительно спокойно отозвалась Юля. – Предупредил, что Антон с Сашкой в оцеплении. Чтобы не беспокоилась.

На этот раз я улыбнулась без всякой натуги. Хотя это и относилась не ко мне, но забота парней была приятна.

– Он сказал, что никому меня не отдаст, – продолжая чувствовать, как по телу растекается расслабляющее тепло, поделилась я с Юлей откровениями Игоря.

– Правда?! – отстранившись, посмотрела она на меня едва ли не с восторгом. – Игореха?!

– Да, – смущенно кивнула я. – Это было так...

– ...романтично. – довольно закончила она за меня.

Обстановку в тот момент трудно было назвать романтической, но говорить об этом Юле я не стала.

Впрочем, отец упоминал и об этом. Жизнь сильнее смерти. Но понимаешь это, когда подступаешь к самому краю. Вот тогда и взвешивается все, становясь либо важным, либо – нет.

Для Игоря наши отношения оказались важными. Для меня – тоже. А все остальное...

– Охрану приставил Андрей? – лишь теперь сообразила я, с чем связано присутствие Сергея.

Направленный на меня взгляд Юли стал задумчивым. Но ответ не заставил себя ждать:

– Они с напарником в доме и двое в машине.

Машину я не заметила. И это плохо. Не потому плохо, что я чего-то опасалась. Просто настолько ушла в себя, что перестала следить за происходящим вокруг.

И хотя в данный момент это ничего не значило...

Значило! И приставленная крестным охрана это подтверждала.

– Объявили трехдневный траур. – Поднявшись, Юля протянула мне руку. Помогла встать, хоть я и не сильно нуждалась в помощи. – И комендантский час. После двадцати двух только по специальным пропускам.

С точки зрения последних событий это было логично. Но все равно давило, возвращая к мысли, что эта новая жизнь будет уже другой. И не важно, что рано или поздно в парках и на детских площадках вновь зазвучит смех. Страх останется, всплывая каждый раз, когда поблизости взвует сирена.

– А что с учебой? – остановилась я, уже сделав шаг к двери.

Когда этот же вопрос задала в академии, ответа так и не услышала. Дежурные, как и мы, сутки на ногах.

Юля оказалась осведомленной. Но не настолько, насколько мне бы хотелось.

– До особого распоряжения все учебные заведения закрыты. А когда оно будет, это особое распоряжение... – Она пожала плечами.

Кивнув, открыла дверь в спальню.

И опять ударило контрастом того, что видела и что сидело внутри. Аккуратно заправленная постель. Книга на прикроватной тумбочке. Сдвинутое в стороны полотно штор. Ветка черемухи, заглядывавшая в стекло...

– Мама обещала приехать к обеду. – Юля встала у меня за спиной.

Штрихи мирной жизни!

Я резко развернулась, посмотрела в глаза подруге.

Произнести то, что осознала в этот момент, было невозможно, но Юля поняла меня и без слов. Поблуднев, отступила на шаг. На мгновение опустила голову, но тут же вновь ее подняла, принимая связавшее нас озарение.

То, свидетелем чему мы были, называлось не чрезвычайной ситуацией. И даже не терактом. Это была война. И мы вольно или невольно, но уже стали ее участниками.

* * *

Стас перехватил на лестнице. О случайности речь не шла. Воодушевление на физиономии у Стрельникова обманываться не позволяло.

Андрей собирался сначала заглянуть в столовую – последний раз перехватывал на бегу прошлым вечером, но после такого вступления решил изменить планы и кивнул в сторону ведущего к его кабинету коридора. Пожрать он всегда успеет, а вот узнать новости, о которых Стас предпочел не докладывать по магофону, вряд ли. Уж больно быстро те устаревают, лишая возможности реагировать своевременно.

Сашка была уже дома. Отчитался Сергей, да и сама она звонила несколько раз.

По-хорошему нужно было бросить все и ехать к ней – после таких встрясок присутствие близкого человека выглядело нелишним, но

ситуация менялась едва ли не ежесекундно, требуя находиться там, где он мог максимально полно влиять на происходящее.

Ну а крестница...

В том, что с собственным душевным раздраем Александра справится, Андрей не сомневался – так ее воспитывали. А на крайний случай имелись Юля с Сергеем.

У старшей дочери профессора особый талант – способность к чуткости и пониманию. Бывший же Сашкин пациент, сам прошедший огонь, воду и медные трубы, знал, как не позволить другим поддаться ненужным эмоциям.

И все равно нутро грызло. Не беспокойством – желанием самому убедиться, что с крестницей все в порядке. Своих детей у него не было, но Сашка была столь же его, сколь и Игната с Ревазом.

– Ну рассказывай. – Дождавшись, когда Стрельников вслед за ним войдет в кабинет, он накрыл помещение куполом.

Особой нужды в подобной предосторожности не было – системы безопасности проверялись каждый час, но такие ситуации, как эта, требовали особых мер.

– Проявились Ушаковы, – не стал испытывать его терпение Стас.

Андрей резко развернулся, с напряжением посмотрел на зама.

Про вчерашний разговор он помнил. И даже поделился сомнениями Стрельникова с Трубецким. И нашел аргументы, чтобы убедить князя глубже заняться связями рода.

Верил ли он сам в участие главы Ушаковых или его сына в том, что творилось сейчас?

Объективных причин, кроме активного распространения наркотиков в клубах, которые принадлежали им, да засветившихся в них же завлекал из «Валите в свою провинцию», не было. Для соответствующих выводов откровенно мало.

Вот только...

У Стрельникова звериное чутье.

Впрочем, у всех у них было звериное чутье, когда речь заходила о собственной шкуре.

– Данные предварительные, – обойдя его, прошел к рабочему столу Стас. Сел на стоявший сбоку стул, закинул ногу на ногу.

До недавнего времени их отношения можно было назвать нормально рабочими. Стас контролировал внутреннюю кухню,

успевая заниматься собственной безопасностью, разработкой операций и их реализацией. Андрей контактировал с внешними службами, обеспечивая стрелковому клубу устойчивость в мире подкованных игр.

Так они и взаимодействовали, играя каждый свою роль.

С некоторых пор ситуация изменилась.

Косвенно Сашка отметилась и здесь. До ее появления в Москве они работали в довольно спокойном ритме, что позволяло держать определенную дистанцию. Теперь...

Судя по Стасу, цейтнот ему нравился.

Стоило признать, что Андрей тоже чувствовал себя живым. И будь повод другим...

– Давай свои предварительные данные, – усаживаясь за столом, буркнул он.

Не умели они жить мирно. Не получалось, когда все по заранее установленному расписанию.

Для полного счастья не хватало кружки кофе и пары бутербродов.

Тот самый прожиточный минимум, на котором он вполне мог существовать месяцами.

– Аналитики покопались в списках пострадавших... – вернул его на грешную землю Стас.

Поймав себя на том, что переход к реальности оказался слишком резким, Андрей даже рыкнул:

– Что?!

«Сдулся» он так же быстро. Ярость хоть и обдала жаром – вот это «покопались» кощунственно звучало в контексте теракта, но способность мыслить рационально не задела.

– Дальше, – глухо произнес он, вновь устраиваясь в кресле.

Стрельников его понял. Изменил позу, перестав давить вызовом.

– Наибольшее количество погибших и тяжело пострадавших во втором общежитии, – уже без внутренней экспрессии произнес он. Всего лишь констатация факта. Не более.

Андрей, вспомнив схему разводки горячего водоснабжения, дернул головой:

– Неожиданно!

Схема была не последовательной, а параллельной. От своей котельной отдельные ветки на здание университета, стадион и общежития.

У той, что их интересовала, центральный узел находился в техническом блоке, стоявшем у самой границы студенческого городка. Оттуда трассы уходили на каждый корпус.

Если токсин попал в систему через центральный узел, что было подтверждено экспертами, то его распределение должно было выглядеть относительно равномерным. Все отклонения только в связи с нюансами использования горячей воды.

– Насколько все... – хмуро посмотрел он на Стрельникова.

– Тридцать восемь процентов, – не дал ему закончить Стас.

– Ни хрена себе! – оценил сказанное Андрей.

По предварительным отчетам, просыпались общежития равномерно. Никаких нулевых пар или иных причин, чтобы студенты одного из корпусов поднялись в это утро раньше остальных. Да, имелись те, кого называли ранними пташками, но это опять же укладывалось в равномерное распределение. Как и спортсмены-любители, начинавшие свое утро с пробежек.

– Вот тебе и ни хрена, – мрачно согласился с ним Стрельников. – Аналитики предположили, что в систему второго корпуса токсин был введен дополнительно.

– Запрос передали? – осознав сказанное, подобрался Андрей.

– Обижаешь? – оскорбился Стас.

Не время и не место...

Сбить градус напряжения Стрельникову вполне удалось.

– Контролирую, – давая понять, что оценил усилия, фыркнул Андрей. – Проверили?

– Ждем ответа, – тут же стал серьезным Стрельников. – Но это еще далеко не все.

– Да уж сообразил. – Занимая руки, Андрей включил настольный компьютер.

Уголок губ Стаса дернулся, но это была единственная реакция на его действия. Стрельников и сам предпочитал, чтобы оперативная сводка всегда была визуально доступна.

– Во втором корпусе проживают студенты трех факультетов: химического, биологического и биофармакологического.

– А это что за зверь? – несколько удивился Андрей.

– Хороший вопрос, – криво усмехнулся Стрельников. Рывком поднялся, отошел к окну. Встал, заложив руки за спину.

Андрей проследил за ним взглядом.
Утро выдалось холодным, но ясным.
Осень...

Метеорологи утверждали, что ненастье долго не продлится, сменившись пусть и умеренно, но теплой погодой, однако в это тяжело верилось.

Настроение было не то.

– Биофарм открыли три года назад, – продолжил между тем Стрельников. – Не выпустили еще никого, но направление считается перспективным, и все студенты уже расписаны – поступали под патронажем родов, занимающихся фармакологией. А некоторые и перекуплены по два-три раза.

Андрей откинулся на спинку кресла, продолжая взглядом сверлить спину Стаса.

Если то, что он пока еще не произнес, было правдой...

– Рогозины, Филипповы, Ромашовы, Булгарины, Гогадзе, Чернышевы, Ушаковы, – развернулся к нему Стрельников. – Рогозины – Урал. Ромашовы и Филипповы – Западная и Восточная Сибирь. Чернышевы – Дальний Восток. Гогадзе – юг. Ушаковы – Москва. Для иногородних студентов, заключивших предварительный договор с этим родом, построили доходный дом, в котором они за минимальную стоимость снимают квартиры.

– Одним ударом от всех конкурентов... – сложив руки на груди, нарочито спокойно протянул Андрей. – Что по другим факультетам?

– Масштабы не те, но картина схожая, – подтвердил его предположение Стас. – Если мы правы в своих догадках, то производства Ушаковых в скором времени окажутся в выгодном положении, получив молодых специалистов. А вот у других...

Андрей, воспользовавшись паузой, поднялся. Подойдя к Стрельникову, встал рядом. Как и Стас, спиной к окну.

В отличие от оперативного зала, где у него имелся свой уголок, кабинет был небольшим, но вполне функциональным. Все, что нужно для работы, под рукой. Стол, удобное кресло, комп, большой экран на стене, узкий, темного дерева, шкаф-пенал с книгами. Не всеми, конечно, тех у него было много, самыми дорогими, читаными-перечитаными. Ну и кофейный аппарат. Едва ли не единственный трофей, оставшийся на память о Персидском конфликте.

– Тебе не кажется, что все это как-то... слишком, – смягчил Андрей готовую вырваться реплику.

– Это если мы не ошибаемся, – понимающе хмыкнул Стас. – А насчет слишком... Тогда вот тебе еще один неожиданный факт, – сменил он тон. – Два года назад руководство университета по настоянию попечительского совета расторгло договор на охрану с «Защитой» и приняло решение об организации своей внутренней службы, обеспечивающей безопасность.

– Лицензия? – Андрей тут же вспомнил историю с Яной, которую едва не похитили на территории школы.

Там тоже отказались, заменив серьезных профессионалов откровенной шушерой.

– Лицензию они получили, – «порадовал» Стас, – но по зачетам набрали минимальное количество баллов. Так что не лицензия это, одно название.

– А при чем тут Ушаковы? – не забыл Андрей, вокруг чего все крутилось.

– Председатель попечительского совета – Сидор Иванович Игнатъев...

– ...муж родной сестры князя Ушакова, – закончил за него Андрей. – Паскудно... – вздохнув, развернулся он к окну.

Небо было вроде и чистым, но не голубым – сероватым. Не самый приятный оттенок.

Если бы это было самой большой их проблемой...

– Всю информацию, без выводов, передай Трубецкому, – распорядился он, без труда представив себе реакцию князя. Правильно он сказал: паскудно. Загубить столько жизней... И ради чего?!

Нет, понятно, что без жажды власти в этой истории не обошлось – «Валите в свою провинцию» ответственность за теракт не взяли, хотя их следы в произошедшем просматривались достаточно четко, но ведь одно другому не мешало!

– Но сам не жди, копай дальше. Вдруг там еще...

– Кстати, что у Воронцовых? – неожиданно перебил Стас.

Андрей переключился не сразу. Крутилось в голове вот это... политические и экономические амбиции...

– Нормально все у Воронцовых, – вздохнул он, продолжая смотреть на неприглядное серое небо. – Конфирмацию император

подписал еще вчера. Сегодня... Извини, – достал он из кармана дернувший слабеньким разрядом магофон.

Посмотрев на имя пытавшегося связаться с ним абонента, развернулся. Встретился взглядом со Стасом.

– Понял... – иронично улыбнувшись, кивнул тот и направился к двери.

Делали они, конечно, одно дело, но в том, что касалось Игната, Андрей предпочитал перестраховываться.

Как говорится, на всякий случай.

Глава 12

В полдень субботы свою оценку произошедшему дал император. Его слова прозвучали жестко и честно, четко донося мысль, которая слышалась в каждой сказанной им фразе: не забудем!

Память о тех, кто погиб. Забота всем, кто нуждается. Неотвратимая кара, кто виновен. Враг нанес удар по самому дорогому – подрастающему поколению. Пощады не будет.

Произносил он эти слова на фоне здания университета. Стоял не один – вокруг были спасатели, медики, целители, военные. И, говоря, он словно бы клялся. И нам, и тем, кто находился рядом.

И я ему верила. Потому что с таким взглядом, как у него, лгать нельзя. Та же грань, когда как прежде уже не будет.

А в воскресенье мы вернулись в мобильный госпиталь. Несмотря на целителей и медиков, которые ехали в Москву со всей империи, рук не хватало, так что к работе привлекли и студентов.

В течение трех дней, с восьми до восьми мы были в палате с пациентами – работали с легкими, но их было много, забот хватало. На ночь – домой. Только принять душ, поесть и спать.

Не знаю, можно ли назвать дружбой то, что объединило нас за это время, но мы научились понимать друг друга без слов. Кирилл, Петр, Анна и я.

Анна ушла из дома и перебралась в общежитие. На мой взгляд, серьезное решение. Но не неожиданное. Отобрав у смерти жизнь, к самой жизни она стала относиться иначе. Впрочем, не она одна.

А в среду мы вышли на занятия.

Но как раньше уже не было. Не хватало внутренней легкости и беспечности.

– А ведь приятно, – произнес Иван, разглядывая, как и мы с Анной, на стенде фотографии студентов, участвовавших в спасательной операции.

В отличие от нас с Анной его группа изначально попала на оказание первой помощи.

Завидовала ли я ему?

Скорее нет, чем да. У каждого из нас был свой бой. И в каждом из нас он оставил свой след.

– Согласна, – подтвердила Анна. – Это надо отметить.

– Стаканом чая? – фыркнул Иван.

– И тортиком, – протянула Анна так, что стало понятно: за тортик она готова на все что угодно.

О том, что Аня сластена, я догадывалась – сама она на перекус сладости не приносила, но на тех, кто при ней баловался конфетами да печеньем, смотрела как на заклятых врагов.

И вот теперь открылась. Как если бы бросила вызов.

– Не откажусь, – поддержала я ее. – И от тортика, и от чая. А если еще чего-нибудь существеннее...

– Тебя легче убить, чем прокормить, – ворчливо произнесли за спиной.

Оглядываться не стала, узнала по голосу. Кирилл. И вряд ли он был один. Петр всегда находился где-то поблизости от брата.

– А при чем тут ты? – игриво дернула я плечиком.

– При том, – вроде как обиженно отрезал Кир, но я ему не поверила. – Так мы идем или нет?

– В «Березку»? – дал понять Иван, что отказываться от своего предложения не намерен. И не важно, что был не в нашей группе. Все мы...

Теперь я знала, что такое братство. Не слово – состояние.

– Лучше в «За углом». Там и нормально поесть можно, – глуховато – явно спал на последней паре, заметил Петр.

Я не ошиблась. Где один брат, там и другой.

– Великолепно! – поворачиваясь, с воодушевлением воскликнула Анна.

Мы с Иваном последовали ее примеру.

– Вот так и скажут, что связались с малолетками, – окинув нашу троицу тяжелым взглядом, пробухтел Петр.

И ведь был прав. На два курса старше... Практически пропасть.

– Да мы вас вроде как с собой и не приглашали, – приподняла бровь Анна. – А то ходят тут всякие...

Я тяжело вздохнула. Петр и Анна – наша новая головная боль. То, что нравятся друг другу, – видно с первого взгляда, но признаваться себе в этом никто из них не собирается.

Ну а мы между ними. Как в театре. Восторженные зрители.

Когда я попыталась намекнуть, что со стороны их перепалки выглядят не столь невинно, как это может показаться, Анна быстро меня отбрила, предложив сначала разобраться в собственном отношении к Киру.

Говорить о том, что она серьезно ошибалась, я не стала. И не только потому, что мы с Игорем общались каждый вечер, дожидаясь выходных, когда их все-таки отпустят в увольнение и мы сможем наконец увидеться. Просто я воспринимала Кирилла как старшего брата. И он об этом не только знал, но и принимал.

– А нас и приглашать не надо, – как и ожидалось, мгновенно взбодрился Петр.

– Начинается... – посмотрев на Кира, тяжело вздохнула я.

Тот только пожал плечами. Эта парочка как стихийное бедствие. Главное, пережить.

– Я в этом даже... – между тем продолжила Анна.

– Извините, – резко перебила я ее, – забыла задание на кафедре. Вы идите, я догоню.

Дождаться реакции не стала, быстрым шагом направилась к лестнице.

И ведь даже не солгала. Профессор продолжал работать над новой методикой низкодозированного целительского воздействия на пораженные энергетические каналы и попросил отработать парочку созданных им магем, в которых как раз использовались «капельки» и «капелюшечки».

В качестве подопытного кролика должен был выступить один из знакомых Сергея с частичным повреждением каналов ног, но уже после того, как я достаточно освою магеми, чтобы иметь возможность контролировать как сам процесс, так и изменения в состоянии пациента.

Данилы Евгеньевича в кабинете не оказалось, однако его помощница была в курсе, передав мне папку с материалами.

Несмотря на огромное желание посмотреть на результат работы профессора, от любопытства я удержалась, засунув документы в сумку. Вот вернусь домой...

По времени всего ничего, но флигель успел стать для меня домом. Местом, в котором я ощущала себя в безопасности.

Когда выскочила из корпуса, на дорожке, которая вела к стоянке, ребят уже не было. Да и на лестнице было пусто. Это нас освободили от факультатива – Людмила Викторовна занималась отчетами, а у остальных продолжались пары.

Сбежав вниз, перекинула сумку в другую руку, чтобы удобнее было запахнуть пальто. Поленилась застегнуть, посчитав, что быстро доберусь до машины.

Я отвлеклась всего на пару секунд, но...

Чтобы оказаться в невыгодном положении, этого было вполне достаточно.

– Это она? – заставляя развернуться, грубо дернули меня за плечо.

За последние несколько недель жизнь показала, что моя подготовка, которой я кичилась, имела весьма существенный недостаток. Я прекрасно пользовалась приобретенными навыками на тренировках, но в обычных условиях терялась, пропуская момент, когда требовалось включать режим готовности.

И ведь когда покидала кафедру, чувствовала беспокойство, от которого отмахнулась, посчитав, что на территории академии мне ничто не грозит.

И все-таки вбитое Андреем и Ревазом сработало. «Провалившись» вниз и избежавшись от захвата, я отскочила еще до того, как ко мне, визжа, кинулась какая-то девица.

Сумка отлетела в сторону, левая рука двинулась вперед, фиксируя щит. Над правой ладонью завис алый шарик. Я, конечно, слабый стихийник, но, чтобы напугать, заставив сначала думать, а только потом делать, моих способностей вполне хватало.

– Сучка! – тут же «протрезвела» девица, в которой я не без труда узнала свою двоюродную сестру. Ту, с которой случайно встретилась в ночном клубе.

Ирина. Внучка князя Салтыкова...

Вторая наша встреча, и вновь она в неадеквате. В первый раз я заподозрила ее в алкоголизме, теперь же...

Что думать теперь, я не знала. Судя по ее состоянию, она принимала на грудь уже не первый день.

– Кто вы и что вам нужно? – перевела я взгляд с сестрицы на парня, который как-то странно, словно не понимая, что это такое, смотрел на шипящую магоформу.

Был он крупным и, если я не ошибалась, предпочитал брать физической силой.

Не знаю, хорошо или плохо это было для меня, но выпускать его из поля зрения точно не стоило. Такие, как он, опасные противники. Не привыкнув проигрывать, идут до конца.

– Да ты... – Сестрица, набычившись, попыталась сделать шаг вперед, но замерла, не пропустив, как увеличился шарик.

Невольный свидетель первой нашей встречи сказал, что у нее слабенький дар, с которым не на что рассчитывать.

Похоже, даже его она не развивала, иначе бы понимала – серьезного ущербма магоформа не нанесет. Да и не продержится долго. Я все-таки целитель, а не подготовленный стихийник.

– Я, – как можно спокойнее подтвердила я, отреагировав на так и не законченную реплику. – Еще раз спрашиваю: что вам от меня нужно?

– Чтобы ты сдохла, мне нужно! – вдруг, брызгая слюной, завизжала сестрица. – Как и твоя мамаша! Ублюдок! Подстилка императорская... Правильно дед от нее избавился! Жаль, ты не отправилась вслед за ней...

К тому, что она бросится, я была готова. И даже ждала этого, понимая, что еще немного и эмоции окончательно подомнут под себя остатки разума.

А вот то, что он кинется, я хоть и предполагала, но надеялась, что обойдется.

И вновь рефлексы сработали. Щит принял на себя удар ножа. Вспыхнувший шарик заставил закрыться, пряча лицо, но...

Третьего, который зашел со спины, я не видела. И его присутствие ощутила в последний момент, уже понимая, что не успеваю...

Как оказалось, не увидела я не только его.

* * *

Ударить он не успел – охрана академии не зря ела свой хлеб, так что парня скрутили до того, как он использовал принесенную с собой битку. Задержали и сестрицу, которая орала на охранников, чтобы не смели ее трогать, потому как она внучка князя Салтыкова и

прикасаться к ней нельзя. Взяли и того бугая, хотя он, мгновенно сориентировавшись, попытался сбежать.

А упала я сама – поскользнулась на влажной после ночного дождя листве. Хорошо еще успела сгруппироваться, избежав встречи своей головы и бордюра.

Началась суматоха. Охрана, дежурный целитель, полицейский патруль, который вызвал кто-то из преподавателей.

В том, что я пострадавшая, никто не сомневался, но старший патруля, узнав про княжескую внучку, вдруг высказал предположение, что я вполне могла спровоцировать эту троицу на активные действия.

Версия едва не стала главной – и никого не интересовало, где и когда я могла их спровоцировать, но появились Кирилл с Петром, и все как-то быстро начали успокаиваться. А когда выяснили, что я – внештатный целитель МЧС, да еще и принимала участие в спасательной операции, мне даже принесли извинения.

Но основное веселье началось, когда приехал Андрей. Да не один, а с князем Трубецким. И если бы не подоспевший профессор...

Данила Евгеньевич быстро объяснил всем заинтересованным лицам, что девочке, то есть мне, срочно требуется вернуться домой, а они, то есть взрослые, прекрасно разберутся сами.

Признаюсь, идея мне понравилась. А вот то, что моим сопровождающим стал крестный, не очень.

Впрочем...

Были вопросы, на которые кроме отца могли ответить только Андрей и Реваз. И я собиралась их задать. Более того, не откладывая в долгий ящик.

Повод представился довольно скоро.

– Ну и как оставлять тебя одну? – нарочито спокойно поинтересовался крестный, устраиваясь за рулем моего джипика.

Пожав плечами, пристегнулась.

В том, что столкнулась с сестрицей, моей вины точно не было. А вот их...

Иногда мне казалось, что кое-кто заигрался в свои тайны. И хотя точно знала – это не так, ощущение, что оказалась лишь пешкой в их руках, не пропадало.

Мое молчание он интерпретировал по-своему.

– Испугалась? – бросил Андрей на меня короткий взгляд.

Пропустив машину охраны, вслед за ней выехал со стоянки.

– Не знаю, – вполне искренне ответила я. – Сначала было не до того, а теперь вроде как уже поздно. А вот из-за пальто беспокоилась. Оно мне нравится.

Андрей ожидаемо хмыкнул:

– Тоже мне нашла проблему. Купили бы новое.

– Как у тебя все просто, – ворчливо отозвалась я.

Андрей опять скосил глаза, но на этот раз промолчал. Посчитал за лучшее не связываться.

И правильно. Не то у меня было настроение. Не после откровений сестрицы, о которых там, у академии, предпочла умолчать.

– Саш?.. – словно ощутив мое состояние, вопросительно протянул крестный.

Несмотря на то что город потихоньку возвращался к нормальной жизни, машин на дорогах было непривычно мало. Да и людей на тротуарах – тоже.

А вот патрули никуда не делись. И военные, и полиция.

– Она назвала меня ублюдком, – продолжая смотреть в окно, чуть слышно произнесла я.

– Что?! – рыкнул Андрей.

Притер машину к краю. Отстегнувшись, развернулся ко мне.

– Что она еще сказала? – Голос его звучал глухо, обещая неприятности любому, кто окажется у Андрея на пути.

– Сказала, что правильно дед избавился от мамы. И жаль, что от меня не удалось. Еще упомянула про императорскую подстилку. Правда, я так и не поняла, к кому это относилось.

– Даже так... – то ли качнул, то ли дернул головой Андрей.

Я хоть и не смотрела на него, но краем глаза движение зацепила.

– Так о чем это она? – поймав себя на желании обнять себя за плечи и сжаться в комок, вяло поинтересовалась я.

В машине было тепло, но внутри у меня все дрожало. И хотя Андрея я не обманула, страх был. Не тот догнавший – другой.

Если чего я и боялась в этот момент, так откровений, способных в очередной раз изменить мою жизнь. Боялась и... ждала, прекрасно понимая, что будущего без прошлого не бывает.

– Об этом тебе лучше бы поговорить с отцом... – осторожно начал крестный.

– Андрей! – резко оборвав, развернулась я к нему. – Это – моя жизнь! И я должна...

– Хорошо, – мягко улыбнувшись, согласился он. – Только доберемся до дома. А то здесь как-то...

Не дождавшись продолжения, кивнула. Он был прав. О таких вещах стоило разговаривать в другой обстановке.

Все-таки странные создания – люди. Сначала им требуется немедленно разобраться в происходящем, а потом... Я бы предпочла, чтобы дом Данилы Евгеньевича находился подальше от академии.

Осень... Листья облетели не полностью, и от этого деревья в саду выглядели неопрятными. Желто-зеленые лохмотья былого величия...

– Чаем напоишь? – открыв дверь во флигель и пропустив меня вперед, поинтересовался Андрей.

– Конечно, – бросила я, проходя внутрь.

Крестный помог снять пальто. Набросив на плечики, повесил его в шкаф. Тоже разделся-разулся.

Я все фиксировала, но думала о другом. «Ублюдок... Императорская подстилка...» Такими словами, как эти, просто так не бросаются.

– Князь Воронцов подал прошение о твоём возвращении в род, – когда я отправилась ставить чайник, неожиданно произнес Андрей.

Не остановившись, кивнула. Бабушка звонила прошлым вечером. Спрашивала, как я к этому отношусь.

Ответить я не смогла. Главой рода стал дядя, отец Ильи. С одной стороны, вроде как и хорошо, а вот с другой... Чего ожидать от такой милости, я не знала.

– Князь Трубецкой наложил вето на прошение. До возвращения твоего отца.

Я опять кивнула.

– А он имеет такое право? – продолжая готовить чай, уточнила я.

– Как твой опекун – да, – устраиваясь на диване, отозвался крестный. – Тебе ведь известно, что он – твой опекун?

Хмыкнув, обернулась. Вот ведь...

Андрей выглядел как добрый дядюшка, заглянувший в гости к любимой племяннице. И не скажешь, что ему предстояло ответить на весьма неудобные вопросы.

– Сашка поделился? – улыбнулся Андрей.

– А то ты не знаешь, – отбила я подачу и отвернулась. Как раз и повод появился – закипел чайник.

Обдав заварник водой, насыпала сбор. Крупные крученые листья черного чая и сушеные ягоды лесной земляники. Лаконично и очень вкусно.

– Так что там с ублюдкой и императорской подстилкой? – Достав оставшиеся с завтрака пирожки с мясом, выложила их на тарелку. Пауза пошла мне на пользу. По крайней мере, голос, когда задавала вопрос, не дрогнул.

– Не императорской, а великокняжеской, – совершенно спокойно поправил меня Андрей. – И не твоя мама, а твоя бабушка.

Я вновь обернулась и скептически посмотрела на крестного. О чистоте крови в роду Салтыковых я слышала не раз. И отнюдь не от отца или его соратников. Был у нас такой предмет в лицее – история родов. Не всех, конечно, а самых-самых-самых. Так Салтыковы-старшие значились среди них. Впрочем, как и Воронцовы.

– К сожалению, это правда, – пристально глядя на меня, произнес крестный. – Твоя мать – дочь великого князя Михаила. Но об этом твой отец узнал уже после ее смерти.

У императора Владимира три брата. Михаил – старший из них.

У великого князя четыре сына и две дочери. Три, если считать мою маму.

– Так, значит, Петр и Кирилл...

– ...твои кузены, – подтвердил Андрей наши родственные связи. – И о тебе им известно.

Прикусив губу, насупилась. Я думала, что в моей жизни и так хватает проблем, а оказалось...

– А я считала, что мы друзья, – наконец сформулировала я то, что меня беспокоило.

Андрей поднялся, подошел ко мне. Переставил заварник на поднос, на котором уже стояли чашки. Добавил тарелку с пирожками. Перенес все на обеденный стол.

Я молча наблюдала за его действиями. Внутри что-то... нет, не оборвалось – застыло.

С точки зрения Салтыковых, мама действительно была ублюдкой – чужая кровь. Как и я.

Для рода Романовых я тоже была... не своей. И оставались только Воронцовы. Единственные, кто продолжал считать меня родной.

Если только...

– Воронцовы знают? – предпочла я спросить, а не терзаться сомнениями.

– Да, – разливая чай по чашкам, ответил Андрей. – Ни твою бабушку, ни твоего дядю это не смущает. И давай уже отмирай и садись за стол.

Похоже, среди моих родичей были болванчики, потому что я вновь кивнула. Потом подумала, что не зря относилась к Киру как к брату. Затем мысли перескочили на кафе, в которое мы так и не попали...

– А по поводу Кирилла и Петра, – продолжил Андрей, – одно другому не мешает. И не стали бы они с тобой возиться лишь по указке старшего родича. Не так воспитаны.

Нет, болванчики в предках у меня точно значились. Кивать у меня получалось уже автоматически. И ведь понимала, что особого смысла в этом не было, но...

– Саш... – Андрей закончил с сервировкой и развернулся ко мне.

– Я соскучилась по папе, – жалобно вздохнула я, чувствуя, как подступают слезы. – Я так хочу его увидеть!

Андрей лишь грустно улыбнулся.

Чем меньше оставалось времени до встречи, тем мне становилось тревожнее.

* * *

По-хорошему стоило остаться с Сашкой, но поздний звонок князя Трубецкого – событие не из тех, которые стоило игнорировать. Как и молчание в ответ на вопрос: «Что случилось?» Когда не можешь говорить и по защищенному магемами магофону, дело весьма серьезное.

Марат, личный помощник Трубецкого, ждал у кабинета. Когда Андрей бросил пальто на стул, он без предварительного стука открыл дверь и вошел следом, плотно прикрыв за собой створку.

Освещение было неярым. Шторы задернуты, добавляя отнюдь не уюта, а напряжения.

Да и защита...

От выставленной защиты весьма ощутимо пощипывало кожу.

Князь сидел в кресле за рабочим столом, но, судя по полупустой бутылке коньяка и бокалу, сохранившему на стенках следы спиртного, настрой у него был совсем не на работу.

– Ваше превосходительство, – отступив в сторону, чтобы осталось место и для Марата, замер Андрей.

То, что все хреново, было понятно с первого взгляда на антураж. А вот насколько...

– Подойди! – продолжая изучать бутылку, рыкнул Трубецкой.

Подумав о том, что жизнь была прекрасна до этого мгновения, Андрей сделал несколько шагов. Вновь замер, оценивая сложившуюся диспозицию.

Подходить ближе не стоило – обоим требовалось место для маневра, но и наглеть опасно. Человек на нерве. От любой мелочи могло сорвать резьбу.

Но эти мысли шли фоном. Главная же, бившаяся в черепушку, повторяла уже не раз возникавший вопрос.

– Гадаешь, что случилось? – словно и не замечая оставшегося у двери Марата, хмуро посмотрел на него Трубецкой.

– Ваше превосходительство? – не шелохнулся Андрей.

– Паяц! – скривился Трубецкой, лишь теперь бросив короткий взгляд на помощника. – В общем, так, господа, – неожиданно легко поднялся он с кресла. Выйдя из-за стола, встал напротив Андрея. – Все это, конечно, вписывается в канву расследования, но... – Трубецкой качнул головой, словно давая понять, что ему все это совершенно не нравится. – Четыре часа назад в собственном кабинете был обнаружен мертвым князь Ушаков. Первоначальная версия – самоубийство. Выстрел в висок. Из наградного пистолета. Из предсмертных записей лишь прошение на имя его императорского величества передать титул младшему сыну.

– Неожиданно... – слегка обмяк Андрей, уже иначе воспринимая и полупустую бутылку, и бокал, и нервозность Трубецкого.

Чем дальше, тем больше находилось свидетельств, подтверждающих предположение Стрельникова о том, что род

Ушаковых имел отношение к теракту в университете. И хотя все они были косвенными, рано или поздно количество обязано было перейти в качество. И, судя по тенденции, именно это и должно было вот-вот случиться.

Случилось...

Стоило признать, такого поворота событий Андрей не ожидал.

Возмущение. Заявления. Попытки подкупить или надавить. Но на доказательство вины самоубийство князя не тянуло. Если только на признание, что не видел иного выхода из ситуации. А это придавало истории уже иной окрас, наводя на мысль, что все не так однозначно, как казалось.

– И что молчишь? – Трубецкой чуть склонил голову к плечу, рассматривая его, как неведомую зверушку.

Ехидство внутреннего голоса слегка напрягало, но в отличие от выстрела в висок это было не смертельно.

– Думаю, – буркнул он, продолжая оценивать ситуацию.

С одной стороны...

С другой...

Тщательно просчитанная подстава? Ловушка, в которую они попались, как несмышленыши? Или все-таки реальное участие, а то и контроль засветившихся по полной идиотов из «Валите в свою провинцию»?

Варианты были, четкого ответа – нет.

– Следы ментального воздействия?

Трубецкой скривился. Вернувшись за стол, сел.

– Ваше...

– Эксперт не смог ответить на этот вопрос, – исподлобья посмотрел на него Трубецкой. – Но никаких признаков присутствия посторонних в помещении нет.

– Я могу...

– Не можешь! – резко перебил его князь. – И своему Стрельникову скажи, чтобы не лез куда не надо. Занимаетесь охраной, вот и...

Еще и взглядом добил. Мол, только попробуйте послушаться.

Пауза затягивалась.

Впрочем...

– Я могу быть свободен? – прекрасно понимая, что именно стоит за этой тишиной, спокойно поинтересовался Андрей.

В чем-то князь оказался прав – эти игры уже не их уровня, но говорить об этом здесь и сейчас Андрей точно не собирался.

Но это был второй момент. Первый...

Были в истории их взаимодействия и худшие времена. Но и тогда князь Трубецкой не терял присутствия духа, отрабатывая четко и жестко.

То, что видел перед собой Андрей, напоминало истерику. Не сказать, что явную – все-таки князь не перебарщивал, но тем не менее истерику.

– Можешь, – уже без излишней экспрессии буркнул Трубецкой. – Ты, – посмотрел он на Марата, – тоже.

За дверь они вышли в том же порядке, что и входили. Сначала Андрей, затем помощник князя, аккуратно прикрывший за собой дверь.

– Час как вернулся от императора.

Андрей кивнул – услышал, но ничего не сказал. Взял со стула пальто, надел.

Выходить из тепла на улицу не хотелось, но когда жизнь учитывала их желания?

– Пропустим по плоточку? – неожиданно предложил Марат.

Андрей оглянулся.

С помощником Трубецкого они общались... сохраняя соответствующую дистанцию.

– Не хочу, – поморщился Андрей, – но не откажусь. После такого... – надеясь, что правильно понял, кивнул он на дверь кабинета.

Не ошибся. Марат, поддерживая игру, понимающе хмыкнул. Открыв шкаф, достал шарф, пальто, из внутреннего кармана которого торчало несколько свернутых в трубочку листов бумаги.

– Ты на машине? – не пропустил Марат его взгляда.

– Оставлю у бара, – взялся Андрей за ручку двери. – Парни потом заберут.

Комментировать последнюю реплику Марат не стал, уже в третий раз за последние пятнадцать минут выйдя вслед за ним и плотно закрыв дверь.

Первые три бара, попавшихся по дороге, они пропустили. Зарулили в четвертый, вывеску которого заметили едва ли не

случайно.

То ли повезло, то ли просто сработало чутье, но внутри оказалось относительно спокойно. Народу хоть и достаточно, но до нужной кондиции, похоже, еще никто не дошел, так что со стороны выглядело довольно пристойно.

Обстановка была соответствующей. По центру островок барной стойки. По периметру полузакрытые зоны. Гардероб у самого входа.

Стены отделаны деревянными панелями. На полу плитка, но в том же стиле, похожа на паркет.

Свет приглушен. Музыка негромкая, легким фоном.

Свободных столиков осталось немного. Выбрали тот, что находился в дальнем углу. Не самое лучшее место, однако это если не сравнивать с другими. Раздеваться не стали, сбросив верхнюю одежду на стулья.

Выбор алкоголя был большим, но остановились на односолодовом виски, заказали мясную и сырную тарелки.

Для картины, которую гнали, лучше бы совсем без закуси, но...

Сашка его, конечно, покормила, но лишь тем, что нашлось в холодильнике. Для него, ведшего последние дни полуголодное существование, этого оказалось мало.

– Ну что, по первой? – когда композиция на столе приобрела законченный вид, поднял стакан Марат.

Предсказать их появление здесь было из области маловероятного, да и слежки, пока добирались, Андрей не заметил, но привычка доводить игру до логического конца взяла свое. Когда последовал примеру помощника Трубецкого, взгляд пылал предвкушением.

Выпили. Закусили. Помолчали, вроде как расслабляясь на фоне принятого.

Снова выпили. Снова закусили. Андрей «пожаловался» на тупость сотрудников. Марат – на самодурство Трубецкого.

Опять выпили. Опять закусили.

Обстановка в баре за это время перестала быть тихой – народ догонялся, явно ставя своей целью полное снятие стресса, однако до острой стадии процесс еще не дошел, что оставляло возможность слышать друг друга, несмотря на усилившийся гул.

Марат посчитал момент подходящим. Достав из пальто бумаги, передал Андрею. Тот развернул, пролистал.

Первым лежал протокол осмотра кабинета, где обнаружили тело князя Ушакова. Затем заключение эксперта-мага... Слабые следы ментального воздействия.

Убрав документы во внутренний карман пиджака, Андрей вопросительно посмотрел на Марата. То, что все не так просто, он уже понял, но вот насколько...

– По расследованию теракта прошла утечка, – оправдал его ожидания Марат. – Анализ информации показал, что сведения ушли из кабинета князя.

Андрей машинально потянулся к стакану, но движения не закончил. Выпить он еще успеет. И возможно, не один раз.

– Подслушивающий артефакт? – сделал он предположение.

Существовали, конечно, и другие варианты, но возможными они были не в контексте князя Трубецкого.

– Он, – кивнул Марат. – Обнаружили сегодня во время проверки, но пока решили не трогать. Посмотрим, где и что проявится.

Идея выглядела неплохо, но появление подобного артефакта в кабинете князя тревожило. Это говорило о серьезности противника, с которым имели дело.

* * *

Спала я беспокойно. Андрей так и не вернулся, но хотя бы отписался, сообщив, что заночует в другом месте.

Знала я это другое место. Но уже не ревновала. Это сначала слегка растерялась, узнав, что у крестного, оказывается, имеется и своя жизнь, теперь же только радовалась. Он был еще достаточно молод, чтобы создать семью. Ну а то, что Мария не могла иметь детей... Я была уверена, что они найдут решение этого вопроса. Если очень захотят, могут взять малыша из приюта. Или...

Работая в больнице, я видела женщин, которые рожали для других.

Тоже вариант, хоть и не самый, на мой взгляд, этичный.

Встала я рано. Позавтракала остатками ужина – холодильник был практически пуст, а идти в дом профессора не хотелось, собралась и поехала в академию.

На стоянке я оказалась за сорок минут до начала занятий. Как раз чтобы тихонько просочиться к нужной аудитории. Вчерашние события хоть и прошли мимо студентов – все случилось, когда пара уже началась, но я решила перестраховаться.

Зря надеялась. Не успела выйти из машины, как едва не уткнулась носом в грудь преградившего мне путь Кирилла.

Дернулась от неожиданности, но была вынуждена сдаться, когда Кир прижал меня к себе. И крепко так, не рыпнуться. Хорошо еще и куртка, и пиджак были расстегнуты, так что обошлось без впившихся замков и пуговиц. Да и его парфюм оказался пусть и незнакомым – раньше он им не пользовался, но приятным. Что-то холодное, морское.

– Я беспокоился, – когда вынужденно затихла, произнес он мне в макушку. – Почему не позвонила?

– А почему я должна была звонить? – слегка придушенно огрызнулась я.

Кир оказался сообразительным. Отстранившись, посмотрел на меня сверху вниз:

– Потому что я старше.

Стоило признать, аргумент звучал серьезно. До такой степени, что я и не хотела, но улыбнулась.

Его ответная улыбка была теплой. И – родной. И от этого внутри были не столь однозначные чувства, как хотелось бы. Да, он действительно родственник, но...

Напавшая на меня Ирина Салтыкова тоже не значилась в списках чужих. Как и дед Воронцов, собиравшийся воспользоваться мною, чтобы решить свои проблемы с родом Бабичевых.

Ни обольщаться, ни расслабляться раньше времени я не собиралась. Вот вернется отец, пусть он и закрывает все эти вопросы. А я просто побуду послушной дочерью, сделаю, как он скажет.

– Кир, – воспользовалась я моментом, – это нам известно, что я – твоя кузина, а вот остальным...

Он отпустил меня сразу, но с таким выражением лица, что на миг почувствовала себя извергом.

Продолжалось это недолго. И опять же благодаря Киру.

– Про кузину рассказал крестный?

Вздохнув – осадок в душе после того разговора остался не самый приятный, подтвердила:

– Он. Хоть и под пытками.

Кир усмехнулся – явно знал, что такое эта самая женская настойчивость, но его взгляд тут же стал растерянным.

– Саша, ты только не подумай...

– Я не думаю, – молниеносно заверила я, предположив, в чем именно он хотел меня убедить.

Наша дружба...

Нет, сначала, скорее всего, так и было – странная зверушка, к которой нужно было присмотреться. А вот потом...

Совместное оказание помощи после теракта расставило все по своим местам, показав, кто и чего стоит.

– Саш... – В голосе Кира послышались тревожные нотки.

Я не поверила. Чувствовала, как он мгновенно успокоился, похоже сообразив, что собираюсь перевести все в шутку.

А мне именно это и требовалось. Доказывать что-то не было никакого желания. Как и выслушивать чужие объяснения.

– Кир, – тяжело вздохнула я, – у меня первая анатомия, и я собиралась повторить заданное.

– Ты же знаешь все назубок, – хмыкнул он. – Маленькая перфекционистка!

– Да, я такая, – задрала нос, подтвердила я, но продолжила уже серьезно: – Вспомни себя на первом курсе.

– Молчу, – тут же сдался он. – До сих пор вздрагиваю. Ладно, пойдем, провожу.

– Я и сама...

– Саша... – вроде как обиженно качнул он головой.

Шут гороховый!

– Где брата потерял? – порадовалась я, что у Кира даже мысли не возникло предложить мне руку. Да и сумку отбирать не стал, поддерживая мою самостоятельность.

– Не смог разбудить, – хохотнул Кир. – Они с Анной... – Он, осекшись, скосил на меня глаза.

– Да знаю я, – фыркнула я. – Аня звонила, когда вернулась в общежитие. Кстати, – лишь теперь я сообразила, что подспудно беспокоило после разговора с ней, – а ваши родители не против, что Петр с ней встречается?

– А почему они должны быть против? – искренне удивился он вопросу. – Мы с братом достаточно разумны, чтобы понимать, что делаем и каковы могут быть последствия. Так что... – Он развел руками.

Задумавшись, кивнула. Отец тоже так говорил: личная свобода предполагает ответственность за свои поступки. Хочешь, чтобы тебя не контролировали, – веди себя соответственно.

Это не значило, что требовалось забиться в раковину и не отвечивать. Просто...

К сожалению, просто с этим вопросом не было. Уж больно относителен в этой связке момент понимания. Зависит от многого.

Но философствовать на эту тему я не стала. О чем сказал Кир, ясно и без дополнений. И он, и его брат бегать от ответственности не собирались.

– А если... – тем не менее решила я осторожно уточнить важный для меня момент, что будет, если, не дай Заступница, Анна забеременеет.

Вопрос не закончила, отмахнувшись. Это мама была лишена дара, а Аня, если отношения с Петром дойдут до более серьезных, вряд ли забудет воспользоваться соответствующей магемой.

Повисшая пауза получилась странной. Напряжения больше не было, а вот недосказанности оставались, как вопросы без ответов.

Я невольно поежилась – холодно. Но хотя бы без дождя, да и небо оставалось безбрежно-голубым. И на его фоне золото и багрянец, которыми окрасились деревья, выглядели торжественно, намекая на обещанное бабье лето.

Я оглянулась – пока говорили, успели дойти до конца аллеи. Только свернуть, и вот они, те самые ступеньки нашего корпуса.

С охраной академии мне повезло. Парни из стрелкового клуба ждали на стоянке, полностью уверенные, что на территории мне ничто не грозит.

Я тоже была в этом уверена. До вчерашнего дня.

– Саша, – вырывая из воспоминаний, позвал меня Кир.

Ответно помахав заметившему меня однокласснику, посмотрела на кузена. С недосказанностью я не ошиблась. А вот с напряжением...

– Что она кричала? – порадовал меня Кирилл неожиданным вопросом. А взгляд был такой, что и не захочешь, а расскажешь даже о

том, чего не знала.

Императорский род... Властность у них была в крови. И хорошо, что до этого момента Кир ее в отношении меня не демонстрировал.

– Я даже не поняла, – скривилась я, намекая, что тема мне крайне неприятна. – Что-то про ублюдка. Про императорскую подстилку.

– И все? – нахмурился Кир.

Лгать мне не хотелось, но Андрей категорически запретил говорить кому бы то ни было о возможной причастности князя Салтыкова к смерти мамы. Пришлось сначала качнуть головой, а потом найти достаточно разумное объяснение, надеясь, что Кирилл поверит:

– Может, и говорила, но я ничего не слышала. Действовала на автомате.

Похоже, убедить его в том, что ничего не помню, удалось. Хоть и не сразу, но он кивнул, соглашаясь, что такое действительно могло быть.

– Вы встречаетесь?

Аудитория оказалась закрыта. Чтобы уткнуться в учебник, повторяя прошлую тему, пришлось устроиться на широком подоконнике. Кир был прав, я помнила заданное практически наизусть, но перфекционисткой себя не считала. Просто начала понимать, каково это, когда от тебя зависит чья-то жизнь.

Знала об этом и раньше, но между теорией и практикой – огромная пропасть. Знать – одно. Прочувствовать, пройдя через страх, беспомощность, осознание, что, кроме тебя, этого никто не сделает, – другое.

– Что? – оторвавшись от схемы малого и большого кругов кровообращения, недоуменно посмотрела я на стоявшего напротив Ивана.

Когда он подошел, я даже не услышала. И не увидела.

Впрочем, это неудивительно. Профессор, который вел у нас анатомию, был дотошен и мелочен. Так что таких, как я, ничего не слышащих и не видящих, в этом коридоре находилось достаточно.

– Вы встречаетесь? – глядя на меня с каким-то напряжением, переспросил Иван.

Я вздохнула. Только разборок мне сейчас и не хватало.

– Ты про Кирилла?

Когда Иван кивнул, закрыла учебник и, положив его в сумку, поднялась.

Ситуация была не самой приятной, но в чьих интересах он действовал, понятно – Игоря, с которым его связывала пусть и не дружба, но приятельские отношения.

Зря беспокоился. О том, что Кирилл и Петр – мои двоюродные братья, Игорю известно. Жаль, Иван об этом не знал. Не стал бы сейчас выяснять отношения.

– Нет, мы не встречаемся, – твердо произнесла я, не пропустив появления поднимавшейся по лестнице Анны.

Та тоже заметила меня, ускорила шаг.

В отличие от остальных одноклассников о нападении она была в курсе – информацией поделился Петр. Ну и я рассказала кое-что. Правда, без подробностей.

Иван на миг оглянулся, недовольно посмотрел на меня. Похоже, хотел еще что-то спросить, но понимал, что уже не успеет.

Анна подошла стремительно. Бросив сумку на подоконник, схватила меня за плечи, развернула. Потом еще раз. Еще и провела руками сверху вниз, проверяя, нет ли повреждений.

И все так сосредоточенно, что я едва не расхохоталась. Ведь говорила ей, что со мной все в порядке. Да и дежурный целитель не позволил бы покинуть академию, посчитай он мое состояние сомнительным.

– Ты чего? – удивился ее поведению Иван.

– А ты не знаешь? – тут же вскинулась Анна.

Остановить ее я не успела.

– Так на Сашку же напали вчера. Если бы не охрана...

Судя по всему, разговор по душам с Киром был сегодня не последним. Как только тетка и Игорь узнают о моих приключениях...

Мысль о том, что вечер после таких откровений окажется весьма веселым, была панической.

Тот случай, когда без надежды на спасение.

Глава 13

Стол был завален бумагами. Это нервировало, но слегка. Больше беспокоило другое.

Свидетельства вины Ушаковых лезли из всех щелей. Стоило только копнуть глубже. Связи. Контакты. Встречи. Заинтересованные лица. Договора и договоренности...

Все было в тему, но...

Чтобы устроить шумиху, этого вполне хватало. А вот для обвинений...

В последнее время Андрей в этом сомневался. Скорее было похоже на то, что кто-то очень грамотно забрасывал их уликами, тщательно вырисовывая картину подготовки теракта и выставляя злым гением старшего сына погибшего князя, то ли тронувшегося после смерти жены, то ли двинувшегося на почве фанатичной тяги к фармакологии.

Стрельников был с ним согласен. И оттого зверел, что было ему совершенно не свойственно.

Но по Стасу его состояние было практически не заметно. Если не знать, на что именно смотреть.

Андрей знал.

Знал он и о возможных последствиях подобного душевного раздвоя своего заместителя. Они, конечно, не боги, но в том, что Стрельников дотянется до всех, он не сомневался. Не один, конечно, дотянется, всей командой, которую тщательно подбирали и готовили столько лет.

Магофон пискнул, напоминая о себе. Андрей достал аппарат, посмотрел пришедшее сообщение.

И ведь ждал...

Сердце дернулось, пропустило удар и снова забилось ровно.

Ждать-то он ждал, но...

Номер Трубецкого Андрей набрал на автомате. Тот ответил сразу. Тоже... ждал?!

– Конвой вышел, – переведя магофон в видеорежим, произнес Андрей. – Сопровождение «два-два».

Князь кивнул, потом поднялся из-за стола и отошел к окну.

Артефакт из кабинета убрали – при используемых мерах контроля его длительное присутствие там выглядело бы подозрительно. И проверяли теперь не раз в три дня, как принято по графику, а ежедневно. Да еще и после каждого посетителя осматривали.

Особого смысла в подобной тщательности больше не было – их противник дважды оплошности не допускал, – но в тоне держало. И их самих, и тех, кто отвечал за безопасность.

– Маршрут в последний момент изменили, – добавил Андрей, рассматривая часть спины князя, попавшую в камеру оставленного на подставке магфона.

Монументальная такая спина. Внушающая душевный трепет.

Его опять прорывало на ерничанье. И это был не самый хороший признак.

Сопровождение «два-два»...

Первая двойка – приданный конвоем отряд теней – личной охраны правителя Персии. Вторая – высокая вероятность нападения, связанная с активностью так называемой партии войны, ставшей причиной подобной предприимчивости Мохаммада Хасан-шаха, заинтересованного в браке принца империи и Айше Султан.

Глубоко лезть в политику Андрею совершенно не хотелось, но эта самая политика вариантов не оставляла, заставляя с собой считаться. Трон под Каджарами шатался – слишком многие не желали сближения с империей, хорошо зарабатывая на контрабанде и наркотиках.

В отличие от Мохаммада Хасан-шаха понимать, что долго так продолжаться не может, они отказывались.

Или не хотели, потому как деньги, которые там крутились, были выше понимания.

А если добавить, что и среди имперских родов было немало желающих заработать на крови, то...

Воевать Андрей умел, да и смерти не боялся. Вот только умирать ради того, чтобы какая-то тварь набивала свою мошну, он точно не собирался.

– Им бы только до границы добраться, – рефреном его мыслям, так и не обернувшись, произнес Трубецкой.

Андрей был с ним согласен.

Почти.

Вся разница, что с этой стороны была своя земля. Вот только проблем этот факт не уменьшал, а скорее добавлял.

Это там все враги по умолчанию. Здесь со статусом можно и ошибиться.

– И все-таки я бы перебросил туда группу поддержки, – произнес он то, что крутилось в голове уже несколько дней.

Конвой на границе встречали вояки, которые и должны были довести до Ставрополя, где ждал самолет.

Игнату с Ревазом предстояло возвращаться другим путем, но для этого тоже требовалось сначала перейти границу.

– Ты уверен, что сможешь перебросить группу, не привлекая ничьего внимания? – лишь теперь развернулся князь. Сдвинулся, полностью попав в камеру магофона.

И вновь Трубецкой был прав. Внешне все выглядело благопристойно, но регион, о котором они говорили, кипел.

Багратионы, Бахтияровы, Берковы... Это – самые крупные и влиятельные.

И если Багратионы безоговорочно поддерживали императора, то в отношении остальных утверждать что-либо точно не стоило.

– Нет, – признал Андрей.

Здесь – без проблем. Он вполне мог обеспечить группе достойное прикрытие. А вот там...

– А если через Багратионов? – тем не менее не оставил Андрей этой идеи.

Вот так, глаза в глаза, сталкиваться с Трубецким уже приходилось. И в безмолвном диалоге, когда понимали друг друга без слов. И в пустом споре, когда вместо попытки прийти хоть к какому-то консенсусу только убежденность в собственной правоте.

Что было сейчас...

Он отвел взгляд первым. О том, что к Стрелку – снайперу, участвовавшему в операции по прикрытию мальчишки Варланова, подходили, Трубецкому он уже доложил.

А если к этому интересу да еще и вероятность утечки из Тайной коллегии, тайным советником которой был князь, то риск переставал быть оправданным, ставя под угрозу безопасность не только группы, но и возвращавшегося из Персии конвоя.

Отключился Трубецкой. Главное – сказано, все остальное – словоблудие.

Поднявшись, как и князь, там, у себя в кабинете, подошел к окну. Обещанное бабье лето...

Дорожки идеально вычищены, а вот на газоне ковер из листвы.

Внешне стрелковый клуб жил привычной жизнью.

О том, что это не так, знали лишь единицы.

Вернувшись к столу, Андрей проверил работу артефактов защиты. Убедившись, что те выставлены на максимум, набрал номер.

Ответили ему не сразу, но он и не удивился. Для того, кто находился с той стороны, он был неизвестным контактом.

Наконец соединение прошло. Включился видеорежим...

И вновь глаза в глаза. Но недолго. Только узнать, несмотря на прошедшие восемнадцать лет.

– Значит, я не ошибся, – как-то невесело вздохнув, произнес его визави.

О чем говорил, вопросов не вызвало. О встрече с Игнатом под Ставрополем, когда и дал ему этот номер.

И хотя Игнат был в той истории совсем не Игнат...

Ираклий Багратион, с которым довелось служить во время Персидского конфликта, был дотошен. Этот, ставший хозяином Ставрополя, вряд ли отказался от необходимости знать обо всем, что происходило на его территории.

– Не ошибся, – подтвердил Андрей, догадываясь, какими словами приласкает его Трубецкой, когда, а не если, ему станет известно об этом разговоре. – Нужна твоя помощь.

– Это я уже понял, – криво усмехнулся Ираклий. – Когда возвращается конвой?

То ли выругаться. То ли радоваться.

Это было как раз то, чего Андрей боялся и в чем был полностью уверен.

Секретность в их мире уже давно стала понятием относительным.

– Двадцать второго переходит границу, – тем не менее совершенно спокойно произнес он.

Свою позицию Ираклий Игнату озвучил четко. И вряд ли откажется от своих слов.

– Сообщишь, когда будет известна точка перехода, – жестко произнес Ираклий и... отключился, давая понять, что все остальное – его проблемы.

С одной стороны, это было очень хорошо. С другой...

Додумать эту мысль не дал новый вызов.

Внутри вновь дернулось, но ответил спокойно. Будь что критично, сработал бы амулет, а так... Так звучало лишь предупреждением.

– Что?

– За Александрой следят, – глухо ответил его невидимый собеседник. – Кто-то очень серьезный. Работают на большой дистанции. Скорее всего, поисковик.

Андрей сдвинул бумаги, присел на край стола.

Вопрос с Воронцовыми не был закрыт до конца. И не важно, что главой рода стал старший брат Игната. У Ивана Воронцова, перешедшего в разряд патриархов, имелись свои люди, для которых его приказ звучал командой «фас» для хорошо дрессированного волкодава.

Да и Бабичевы...

С Салтыковыми тоже не все ясно, но ни один из этих родов на беспокойство Прохора не тянул. Не тот уровень.

Да и поисковик...

– Уверен? – зная, что в таких делах бывший императорский охранитель не ошибается, все-таки уточнил Андрей.

Если есть хоть малейшее сомнение...

Судя по молчанию Прохора, сомнений у него не было.

И это было очень плохо. Намекало, что что-то они упустили.

* * *

Ошиблась я только со временем. Первым отметилась Антон – позвонил через минуту после начала большой перемены.

Я без особых усилий убедила его, что отделалась легким испугом – он мягко посетовал, что забыла о друзьях. Тем более в такой ситуации. Я заверила, что все было под контролем, поблагодарила за беспокойство, ловко перевела разговор на их с Юлей помолвку, которую в связи с терактом перенесли, но теперь она состоится не

позже ранее намеченной даты, а раньше. Он легко перескочил на эту тему, но тут же вильнул в другую сторону, пригласив на выходные в то самое имение, где справляли его день рождения. Я немного растерялась, но была вынуждена согласиться, напорвшись на главный аргумент: крестный уже в курсе и не имеет ничего против.

На том и сошлись. Он не ругает за вроде как беспечность, я – не отказываюсь от визита.

Сашка Трубецкой вышел на связь за пять минут до начала третьей пары. Побурчал без особого энтузиазма, предупредил, что выскажет все, когда увидимся, и отключился.

В истории наших взаимоотношений это было что-то новенькое и потому неожиданно и пугающе.

Задавалась вопросами я недолго. Уже поняла, что тетка – это тетка. Не стоит заморачиваться, нужно просто принимать его таким, какой есть.

А вот Игоря я слышала только поздно вечером, незадолго до их отбоя. Но это было ожидаемо. В отличие от студентов-целителей курсанты – будущие полковые лекари продолжали работать в больницах и госпиталях, помогая пострадавшим во время теракта.

О произошедшем он уже знал, и даже в подробностях – вытянул их из крестного, так что обошлось без лишних расспросов. Лишь беспокойство, просьба быть внимательнее и огромная надежда, что скоро увидимся.

Не знаю, что сыграло свою роль, но пятница под лиричный настрой началась как-то легко и незаметно.

А вот закончилась...

После обеда пришло сообщение от Андрея: «Колонна вышла», и внутри все замерло... ожиданием.

Я скоро увижу отца!

Я скоро...

К субботе я немножко собралась, но все равно была несколько рассеянной. И постоянно смотрела на часы. Словно это могло помочь времени течь быстрее.

Увы, не помогало. Минуты шли, как им и было положено. Каждая за шестьдесят секунд.

Из нашей компании присутствовали все: тетка, Игорь, Илья – увидеть его я была рада, Иван, Юля. Из тех, кто практически не стал

неожиданностью, Кирилл и Петр. Петр, естественно, не один, а с Анной.

С девушкой был и Илья. Лиза... Лизонька, как он представил ее нам. Настоящая русская красавица. Высокая, фигуристая, с длинной русой косой, огромными голубыми глазами, аккуратным носиком и приятными губами.

Ей бы вышитую рубаху в пол, венки на голову и через костер на Ивана Купалу, зачаровывая парней.

Но если двоюродный братец меня несколько не удивил – с девушками он сходилась легко, то увидеть с барышней Сашку Трубецкого я не ожидала. Не после рассказов о его тонкой душевной организации.

Впрочем, девушка была Сашке под стать. Катерина! Чернобровая, черноглазая, смешливая. Дядька Прохор про таких говорил: огонь-девка. И в горящую избу, и коня на скаку. А потом добавлял, посмеиваясь в усы: «И мужика за... горло».

А познакомился Сашка со своей пассией, когда оба стояли в оцеплении. Она – курсантка юридической академии. Он – курсант общевоинского училища имени его императорского величества.

Им нашлось о чем поговорить.

– Ты опять витаешь в облаках, – заметив, как я в очередной раз выпала из беседы, шутливо посетовал Игорь.

Устроилась вся компания внутри отдельно стоящего застекленного павильона на берегу небольшого озерца.

Вокруг – пылающий золотом парк. Над головой бескрайнее небо. И запахи... Запахи осенних цветов, смолистого дерева, опавшей листвы с холодной ноткой скорой зимы.

Шаманы от погоды не обманули. После промозглой недели вернулось почти настоящее лето. И это даже несмотря на весьма свежий ветерок.

По внутреннему периметру павильона были установлены мягкие кресла и диваны. Между ними – столики. Чтобы вроде и вместе, но можно было разбиться по группкам.

А вот мангальная зона находилась на улице, на выложенной кирпичом площадке. И когда ветерок дул с той стороны, ноздри щекотал смешанный с дымком аромат зажаренного на огне мяса.

– Есть такое, – плотнее завернувшись в тонкий плед – окна были раскрыты настежь, не стала спорить я.

Подмигнула сидевшей с другой стороны Юле – она о чем-то увлеченно разговаривала с Лизой, и закрыла глаза, наслаждаясь ощущением теплоты и уюта.

Парни решили устроить настоящий пикник на природе. Из еды – шашлыки, мясо на гриле и крупно порезанные овощи. Из напитков – морсы и легкое домашнее вино. Фрукты и пирожные на десерт.

Как раз чтобы приятно провести время.

Приехали мы в имение к полудню. Добирались все вместе, на нескольких машинах. Ночевать собирались здесь же, в гостевом домике, чтобы утром вернуться в город.

Отдых – это, конечно, здорово, но у каждого нашлись свои дела, чтобы он не затянулся.

– Не будешь против, если ненадолго отойду?

– Нет, – улыбнулась я, так и не открыв глаз.

Мне было хорошо...

Для полного счастья не хватало только встречи с отцом.

Игорь встал, наклонившись, коснулся губами моего виска – до поцелуев на публике мы еще не дошли.

Исчез он тихо. Шагов я не слышала, но ощущение его присутствия пропало, оставшись легким флером. Память...

С отцом тоже было так. Он приходил в мою комнату, когда я уже устраивалась в постели. Наклонялся, целовал в висок, желая спокойных снов.

– Повезло тебе с парнем, – вырывая из иллюзии, обняли меня сзади за шею.

Даже если бы не голос, узнала бы по духам. В отличие от меня, предпочитавшей свежие ароматы, Аня склонялась к сладким фруктовым ноткам.

Впрочем, ей шло. Особенно когда выбирала для себя образ отвязной стервочки.

– Сама знаю, – фыркнула я.

– Сашулик, который знает все, – со смешком протянула Анна и, освободив мою шею, устроилась на подлокотнике. – Хватит спать, – толкнула она меня плечом.

– Я не сплю, – ворчливо заметила я, вынужденно открывая глаза.

Нет, бестактной Аня не была, но своей цели добивалась любыми способами. Вот такими въедливыми – тоже.

А еще она любила испытывать терпение. Про всех не скажу, но мое – точно. Уж каких только уменьшительно-ласкательных вариантов моего имени она не придумывала! Сашулик среди них было едва ли не самым безобидным.

– Кстати, там парни что-то замышляют. – Она потянулась к столу, пытаясь добраться до блюда с виноградом.

Стояло оно с моей стороны, пришлось помочь, пока либо сама не свалилась, либо не свалила что-нибудь со стола.

– И по какому поводу? – тяжело вздохнула я, когда блюдо утвердилось на моих коленях.

– Я думала, ты знаешь, – невозмутимо отозвалась она. – Но выглядят воодушевленными.

Подстегнутая ее энтузиазмом, посмотрела на стоявших на улице ребят.

Что ж, Аня была права. Выглядели те действительно воодушевленными. Особенно тетка, что-то доказывавший Игорю, явно выступавшему у него оппонентом.

– Надо заслать им засланца, – вслед за Анной прихватила я веточку винограда.

Ягоды оказались сладкими. Сок растекся по языку...

– Я видела эту девку. С Бабичевым.

Переход оказался настолько неожиданным, что я даже растерялась:

– Какую девку? – чуть развернулась я, чтобы посмотреть на Аню.

Та продолжала невозмутимо отщипывать ягодку за ягодкой. Со стороны посмотришь – и не скажешь, что тон Ани пропитан ядом.

– Ту, которая на тебя напала, – разделавшись с очередной виноградиной, произнесла она. – Ирину Салтыкову.

– А ты ее откуда знаешь? – нахмурилась я. Слишком много вокруг оказалось осведомленных.

– Так я в свое время по ночным клубам нагулялась в досталь, – криво усмехнулась она, лишь теперь соизволив посмотреть на меня. – Я хоть и не дворянка, но с деньгами в моей семье проблем никогда не было. Это отец, пока с нами жил, меня несколько ограничивал, а когда

они с матерью развелись, я осталась совсем без контроля. Да и мамаша делала все, чтобы я была как все. Все самое лучшее!

– Разве это плохо? – не пропустив раздраженных ноток, мягко уточнила я.

Она усмехнулась – успокаивающую магему она заметила, потом качнула головой:

– Шунь, ты просто не понимаешь. Она ведь знала, что я больше люблю отца, вот и покупала меня этой вседозволенностью. А уж как она пыль в глаза пускает... Благо были и есть не только возможности это сделать, но и соответствующий контингент. Такие прихлебалы... Ладно, я не об этом хотела сказать, – резко сменила она тему. – За день до нападения была я в кафешке, в торговом центре «Мега». Вот там они и сидели. Витька Бабичев и эта оторва.

– Почему оторва? – поймала я себя на том, что начинаю нервничать.

И ведь не было особых причин...

Причин действительно не было. Ту ситуацию я отпустила, признав, что разбираться с родственниками должен отец, а не я.

– Еще одна жертва вседозволенности, – поморщилась она. – Саш, ты извини, но вспоминать об этом прошлом мне не хочется, так что поверь на слово: на этой барышне уже давно пробы ставить негде.

Она помолчала. Выбросив опустевшую веточку, взяла другую.

И все так неторопливо, размеренно...

И опять она заговорила неожиданно, словно наконец собралась с духом:

– Я их заметила случайно, но момент оказался подходящий. Витька как раз передавал ей конверт. Она открыла, пальцами перебрала содержимое и, закрыв его, убрала в сумочку.

– Деньги? – предположила я самое очевидное.

– Думаю, да, – кивнула Аня. – А на следующий день на тебя напали.

– А если совпадение? – не слишком-то веря самой себе, возразила я.

– Может, и совпадение, – пожала она плечом. – Но я...

Про блюдо на коленях я вспомнила в последний момент, а то бы все оказалось на полу. Переставила его на стол, уже поднимаясь.

– Шунь? – попыталась поймать меня за руку Анна.

Я была быстрее. Вытащив телефон из кармана джинсов, отошла в сторону.

Сердце гулко билось о ребра. Воздух стал вязким, не давая нормально вздохнуть. А перед глазами повисла серая пелена, уродуя все вокруг.

Что со мной творилось, я понимала, но...

– Сашка? – Анна встала рядом, загородив меня собой.

– Подожди... – облизнула я вмиг ставшие сухими губы, мысленно перебирая тех, чью близкую смерть могла почувствовать так ярко.

Отец?

Нет, с ним было все в порядке. Не без тревоги, но та ниточка, что нас связывала, продолжала быть теплой, уверяя, что он жив и здоров.

Реваз?

За него я почти не беспокоилась. Уж кто-кто, а он из любой ситуации выкрутится.

Андрей?

И здесь «нет» было однозначным. Да, напряжен, но для него это нормально.

Профессор? Людмила Викторовна? Яна?

Номер Андрея я набрала, уже с трудом себя контролируя. Если я права...

– Саша? – вопреки опасениям, крестный ответил сразу. Включил видеорежим.

Для понимания, что со мной происходило, ему хватило мгновения:

– Кто? – жестко потребовал он, возвращая меня не только в реальность, но и в то состояние, когда сначала делаешь то, что должен, и лишь потом позволяешь себе скатиться в рефлексии.

– Дядька Прохор! – сглотнув, насколько возможно твердо произнесла я. – Жив, но...

Все было очень плохо, но надежда, она такая. Верить до последнего.

* * *

В военный госпиталь, куда доставили дядьку Прохора, меня отвезли Сашка Трубецкой и Игорь. Тезка сидел за рулем, Игорь рядом со мной. Держал за руку, помогая не сорваться.

Эти пятьдесят минут, пока Андрей не перезвонил, были жуткими. Когда чувствуешь, как уходит жизнь дорогого тебе человека, и ничего не можешь сделать, это – страшно.

Нашли его в пригороде, у машины. На тупиковой улочке. Три пулевых ранения в грудь и одно в голову, по касательной.

Если бы не маячок, по которому дядьку Прохора и обнаружили, шансов бы не осталось.

Впрочем, их и в этом случае было немного.

– О чем ты разговаривала с Анной?

Мы находились в коридоре перед операционным блоком. Я стояла у окна в противоположном от двери конце, остальные держались вместе. Андрей, тетка Полина, Игорь и его отец – главный целитель госпиталя, приехавший уже после начала операции.

Трубецкой-младший поднялся на этаж только теперь. До этого оставался в машине, общался с отцом.

Мне хотелось огрызнуться – внутри все клокотало, требуя хоть какой-то разрядки, но я взяла себя в руки. Его интерес явно не был продиктован простым любопытством.

– Рассказала о встрече Виктора Бабичева и моей двоюродной сестры, свидетельницей которого случайно стала, – удивляясь, насколько спокойно звучит мой голос, ответила я. – Бабичев передал ей конверт. Анне показалось, что с деньгами.

– Когда это было? – Сашка подошел еще ближе, встав практически у меня за спиной.

– За день до нападения, – поймав себя на желании сделать полшага назад, чтобы почувствовать его тепло, ответила я.

– Крестный знает?

В ответ только качнула головой.

Впрочем, он и сам мог сообразить, что сообщить эти новости Андрею я бы просто не успела.

– Здесь самые лучшие хирурги и целители, – после короткой паузы произнес тезка.

За последние полчаса я об этом слышала не раз. И даже верила в это, потому что в главном военном госпитале не могло быть иначе,

но...

Сегодня я познакомилась еще с одной стороной своей будущей профессии. Когда ты рассчитываешь не на себя, а на других, взявшихся спасти жизнь твоего близкого.

Когда ты сама, наверное, проще. Ты можешь срываться в отчаяние, выть, стиснув зубы, но продолжать делать, выворачиваясь наизнанку. Потому что есть ты, и никого, кроме тебя.

А когда ты вроде как в стороне, и остается только ждать... Это больше чем тяжело. Это просто невыносимо.

– Знаю, – только и ответила я, реагируя на сказанное. И добавила: – Саш, извини, но я хотела бы побыть одна.

Тезка молча ушел. Но прежде чем развернуться, подался вперед и коснулся губами моих волос.

Мягко. Осторожно. И... трогательно.

Впрочем, мне могло и показаться.

И даже лучше, если бы показалось. Обошлось бы без вопросов, которые сейчас точно были лишними.

Осень, темнело рано, но парк вокруг госпиталя был ярко освещен.

По дорожкам ходили люди – время посещений. Кто-то торопливо, с сумками и пакетами, направлялся к зданию. Кто-то, уже никуда не спеша, на выход.

Внешняя сторона жизни любой больницы. Места, где надежда и отчаяние – две грани существования.

Сколько я так простояла, не знаю, но в парке, ставшем для меня в этом иллюзорном мире опорой, людей больше не было. Остались лишь поздний вечер, свет фонарей, наполовину облетевшие деревья...

И я, повисшая между теми самыми надеждой и отчаянием.

Как шевельнулись створки дверей, которые вели в операционный блок, я не услышала, но почувствовала. Словно ударило в спину да обдало чужой болью.

Резко развернулась, но даже не дернулась, чтобы кинуться туда.

Проخور был жив, я это чувствовала ясно. Да и хирурги... Они выглядели усталыми, но довольными.

И опять все вокруг меня словно застыло. В голове мелькала мысль, что надо что-то делать, но тело было ватным, беспомощным. Единственное, что могла – стоять. Стоять и смотреть, понимая, что это еще не конец, а лишь начало.

И будет еще ночь, и утро, и еще один день. И снова вечер, и опять ночь...

И каждую секунду этих ночи, утра и дня будет идти борьба. Борьба между жизнью и смертью...

Но я все-таки нашла в себе силы и сделала первый шаг. А потом и второй. И третий.

Когда я подошла к остальным, хирурги уже ушли. А вот все, о чем они говорили, «осталось». Висело вокруг невидимое, легким флером окутывая коридор.

...Операция прошла штатно...

...Состояние тяжелое, стабильное...

...Теперь только ждать...

Отгородиться от чужих эмоций не получалось, и они давили, давили, давили, пробуя на прочность.

Меня замутило. В голове зашумело.

Я знала, как с этим бороться, но для этого тоже требовались силы. Те самые, которых давно уже не было.

Голос крестного помог вернуться в реальность:

– Отвезешь Сашу. И смотри там... – Он стоял напротив, обращаясь к непонятно как оказавшемуся рядом Игорю.

– Не беспокойтесь, Андрей Аркадьевич, – обнял тот меня за плечи.

Легче не стало, но...

Я больше была не одна. Это придавало если не сил, то уверенности.

– Я с ними... – выступивший из-за спины Трубецкой звякнул брелоком от машины.

– Тебя в поместье ждет Катерина, – с намеком произнес Игорь, крепче прижав меня к себе.

– Это не твое дело! – подался вперед Трубецкой.

– Так, петухи, разбежались по углам! – резко осадил их крестный. С тревогой посмотрел на меня.

Я ответила удивленным взглядом. То, что происходило сейчас, было непонятным и пугающим. Словно я что-то пропустила, и теперь оно, явив себя миру, готовилось сломать все, что я считала знакомым и привычным.

– Значит, так. – Тон крестного был жестким и категоричным. – Игорь, – придавил он взглядом Валдаева, – ты останешься с Сашей до

утра. И я очень рассчитываю на твою порядочность. Ты, – посмотрел он на Трубецкого, – возвращаешься в поместье. Охрану приставлю к обоим. И чтобы...

– Андрюша, – сбила накал страстей подошедшая к нам тетка Полина.

Признаться честно, мне стало стыдно. Если кто и нуждался в поддержке, так это она.

– Теть Полина, – освободившись от объятий Игоря, шагнула я к ней. Прижалась...

Тетка Полина была душой нашего дома. Его сердцем, которого хватало на всех.

– В госпиталь я звонил, – встретил нас на пороге профессор. – Состояние стабильное. На поддержке два целителя. Обоих знаю. Монстры. Так что отдыхай спокойно.

Я только кивнула. Дождавшись, когда Данила Евгеньевич, покачав головой, уйдет, добралась до дивана, присела на самый краешек.

Старший Валдаев перед тем, как мы уехали, про двух целителей тоже сказал. И это должно было придать уверенности, но...

Проخور, до того как стал лесником, был охранителем императорского рода. А туда без особого чутья на опасность не берут. Да и охотник из него получился знатный, по следу шел как по веревочке. Если поймал, то уже не отпустит.

Ну а то, что там – лес, а тут – город...

Обращать внимание на мелочи в городе учил меня тоже он.

А уж как он знал Москву! Специально проверяла как-то по карте. Все улочки-закоулки без труда находил.

Чтобы его загнать в угол, нужны были серьезные спецы.

Это понимала даже я.

– Саш, ты будешь ужинать? – подойдя, присел на колени напротив меня Игорь. Взял за руки.

С ним мне было спокойно. Но сегодня этого не хватало.

– Нет, – легко опершись на его плечо, поднялась я.

Сняла пальто, бросила на спинку стула. Огляделась. Все было знакомым, привычным, но каким-то чужим. Как если бы я заняла не свое место и лишь теперь это осознала.

– Завтра будет легче, – словно проникнув в мои мысли, обняв, развернул меня к себе Игорь. – Главное, продержаться.

Мне так хотелось расслабиться в его крепких и сильных руках, но...

У меня тоже имелось чутье на опасность. И вот оно-то утверждало, что расслабляться не стоит. Не пришло для этого время.

* * *

Полину Андрей отвез к Марии – та найдет нужные слова, чтобы поддержать, а сам вернулся в стрелковый клуб, где ждал Трубецкой.

Как оказалось, не только он. В кабинете Андрея кроме князя и Стрельникова находился еще один тип.

Если по возрасту, то около шестидесяти. Если по подготовке, то явно из профи, что было понятно, несмотря на некоторую суетливость, с которой тот поднялся с кресла. Ну и вояка, пусть и щеголял в джинсах, кроссовках и довольно-таки молодежной спортивной куртке.

Игра на публику.

Публикой, явно не оценившей подобных усилий, были они со Стасом. В отличие от них князю этот мастодонт был точно хорошо знаком.

– Для вас – господин полковник, – бесцветно представился тип, когда дверь за Андреем плотно закрылась. – И можете не называться, – опередил он. – Хоть и не пересекались, но в сферу моих интересов ваша троица пару раз попадала.

Андрей кивнул – ничего другого и не ожидал, бросил быстрый взгляд на устроившегося в углу Стаса.

Этот режим в его исполнении назывался «не отвечивать». Что еще раз подтверждало выводы Андрея о серьезности их гостя.

– Ну, раз все в сборе... – устроившийся за его столом Трубецкой выпрямился. Сдвинул лежавший перед ним лист бумаги.

Князю Андрей не завидовал. И не важно, что события последних дней напрямую его вроде как и не затрагивали. Вполне хватало и косвенного касательства, чтобы забыть о спокойной жизни.

– Вы позволите, ваше превосходительство? – перебил его мысль продолживший стоять... господин полковник.

И ведь никакой сутулости. Выправка – только позавидовать. Хоть сейчас на плац... образцом для подражания.

– Валяй, – коротко бросил Трубецкой, подтвердив факт их хорошего знакомства.

Пока они обменивались любезностями, Андрей прошел вглубь кабинета. Переставив стул к окну, сел.

Состояние Прохора было стабильным, что однозначно относилось к хорошему. Из плохого...

Медицина настаивала на двух-трехдневном целительском сне. Плохим это назвать трудно – организм в таком состоянии восстанавливался значительно быстрее, но работу им данный факт затруднял.

Из того, что имели, – лишь место происхождения, где сейчас работал Варланов с криминалистами, да фраза, которую успел прошептать Прохор перед тем, как потерять сознание: «Это Вовчик... Жив... падла».

По большому счету немало – прозвучавшее имя вполне могло навести на след, но ситуация расползалась, втягивая все новые и новые лица. И вот это было отвратительно, потому что в таком виде она имела все шансы выйти из-под контроля.

– Значится, так, – вновь устроившись на диване, нарочито тяжело вздохнул тип, – если ваши, Андрей Аркадьевич, бойцы не ошиблись, то Вовчик, которого упомянул Прохор Захарьевич, это – Владимир Викентьевич Кротов, до сегодняшнего дня считавшийся погибшим при выполнении задания.

– Очень интересно, – подался вперед Трубецкой.

А вот Андрей, наоборот, расслабился. Такие совпадения...

Такие совпадения редко когда бывали именно совпадениями.

– Согласен. – Господин полковник на мгновение позволил проявиться внутреннему зверю. – Произошло это за полгода до начала Персидского конфликта на территории Афганистана. Группа, которой командовал Кротов, вышла на контрольную точку, отбила сигнал «на месте», и все... тишина. Через сутки подошла вторая, с которой они должны были объединиться. Обнаружила следы боя и остаточные эманации применения стихий, включая стихию огня. От тел только пепел.

– Группа стандартная? – из своего угла подал голос Стас.

– Именно, – не бросив на Стрельникова даже взгляда, ответил тип. – Пять человек. Из них два стихийника. Подготовка у всех...

– Спецназ военной разведки, – небрежно бросил Андрей, словно рассуждая вслух.

А вот его реплика без соответствующего взгляда не осталась.

Не хотелось бы Андрею иметь подобного типа среди врагов, но тут уж как повезет.

Что же касалось конкретного момента, то все происходило в рамках заявленного господином полковником представления. И его предположение, и реакция гостя.

– И как соотносится Кротов с падлой Вовчиком? – пришел кому-то на помощь Стас.

На лице полковника не дрогнул ни один мускул, но Андрей был готов дать голову на отсечение, что тот внутренне скривился. И это – в лучшем случае. В худшем, который Андрей считал более вероятным, без нецензурной конструкции не обошлось.

– Была там одна история... – излишне спокойно, чтобы этому поверить, начал полковник. – Потом разобрались, но под трибунал ваш Прохор едва не попал. Как раз благодаря Кротову.

– И после этого... – сделал попытку приподняться Стас.

– Сядь! – рявкнул Трубецкой, возвращая Стрельникова на место.

И хотя Андрей с замом был согласен – после таких откровений расклад по Кротову выглядел гнилым, но жизнь, она такая. В ней всякое бывает. А уж если есть кому прикрыть...

Этот момент требовал особого внимания. Особенно в свете их истории.

А полковник между тем продолжил как ни в чем не бывало:

– Вот после этого ваш Прохор ушел в имперские охранители и спас жизнь великому князю Михаилу, за что был пожалован соответствующим орденом и в связи с тяжелым ранением с почестями отправлен в отставку.

Андрей только кивнул. Эта часть боевой биографии Прохора была ему известна.

Жизнь великому князю Михаилу, биологическому отцу Анны Салтыковой и деду Александры, Прохор спас, закрыв того собой. Выжил, несмотря на серьезное ранение. И даже был признан годным к дальнейшей службе, но неожиданно попросился в отставку,

отправившись лесником в императорский заказник, расположенный впритык к имению, подаренному Игнату любившей его бабкой.

И ведь все выглядело складно, но...

Просчитать, где именно осядет Игнат с дочерью, когда до него дойдет, что нормально служить ему не дадут, труда не составляло. Особенно для того, кто владел достаточной информацией.

– Но это еще не все. – Поднявшись, господин полковник дошел до стола, за которым сидел Трубецкой. Положил на него папку, до этого лежавшую рядом с ним на диване. – Я на всякий случай дал команду проверить хранившиеся в архиве слепки аур команды с теми, которые взяли во время расследования нападения на крепость.

Андрей не подскочил, но удержал себя на месте запредельным усилием воли.

Столько лет прошло...

Стоило закрыть глаза, то зарево над крепостью он видел так же ясно, как и в ту ночь. И Сашку, пришпиленную к полу металлическим штырем. И истекающую кровью Марию. И убитую Анну, недешево отдавшую свою жизнь. И каждого из тех, кто навсегда остался в той земле...

– Одно совпадение есть. – Полковник аккуратно положил папку на стол. – Жаров. Валентин Жаров, номер второй в группе.

Он вышел из кабинета, больше не сказав ни слова.

Да и к чему слова, когда понятно и без них.

Игнат. Реваз. Прохор. Он сам...

Их линии жизни оказались скручены так, что и не распутать. Только рубить.

Трубецкой уехал далеко за полночь. Обсудили они многое, но говорить о конкретике пока не приходилось. Только о предположениях.

Стас исчез еще раньше. С учетом того что Андрей практически полностью переключился на Игната и Сашку, дел у того хватало.

По-хорошему Андрею стоило отправиться спать, пока была такая возможность, вот только сознание оставалось ясным, продолжая держаться в рабочем режиме.

Сделав очередной круг по кабинету – так лучше думалось, он налил кофе и вернулся к столу, однако садиться не стал. Отпив глоток, вновь открыл оставленную полковником папку.

Пять имен. Пять судеб, чьи ниточки протянулись на территорию Афганистана...

Кротов. Жаров. Степанов. Русин. Зверев.

Район, в котором они погибли, контролировался пуштунским родом Вали Рахима, державшего ведущий в Россию наркотрафик. Он же, по результатам проведенного расследования, стоял за нападением на крепость.

После их «око за око» рода Вали Рахима в Афганистане больше не существовало.

Или им это только казалось?

Лежавший на столе планшет пискнул.

Андрей, прежде чем открыть пришедшее сообщение, бросил взгляд на часы.

Два пополуночи...

В том, что оперативный сбросил текущую сводку, он не ошибся. По всем находящимся на контроле объектам без изменений.

Это должно было успокоить. Его это не успокаивало. Уж больно нагло рвалось прошлое в их настоящее.

Сдвинув планшет в сторону, Андрей разложил по столу листы с фотографиями и краткой биографией возможных фигурантов.

Кротов... тот, из личного дела почти двадцатилетней давности, высокий, крепкий и смазливый. Жаров, в противовес командиру, среднего роста и худощавый. Но не слабый – физическая подготовка дай бог каждому. Степанов...

Стихийники в группе Степанов и Зверев. Огонь и земля.

В первые двенадцать часов после столкновения стихийные следы еще можно как-то идентифицировать – при использовании оставался вполне опознаваемый профиль. Через сутки речь шла только о самом факте применения соответствующих магем.

Если предположить, что группа в полном составе или частично перешла на сторону врага...

Предположение было паскудным, кидая тень на каждого из тех, кто в нее входил.

Магофон, сбивая с мысли, заверещал знакомой мелодией. Отставив практически еще полную чашку, Андрей взял аппарат.

– Ты почему еще спишь? – включив видеорежим, улыбнулся он Сашке.

Та сидела на кровати, по самую шею закутавшись в одеяло. Растрепанные волосы. Грустный взгляд усталых глаз. Опущенные уголки губ...

Внутри полыхнуло яростью. Дикой. Необузданной.

– Не знаю, – скорее дернула, чем пожала она плечом. – Не спится.

– А куда дела ухажера? – несмотря на желание кого-нибудь придушить, нашел он в себе силы пошутить.

– Спрятала под кроватью, – пусть и невесело, хмыкнула она. – А ты почему?

– Тоже не знаю, – рассмеялся он как можно безмятежнее. – Сижу вот думаю, как заработать побольше денег.

– Фи, как неинтересно, – поморщилась она. – И неромантично.

– Вот такой я... – тяжело вздохнул он. – Поэтому, наверное, меня женщины и не любят.

– Это кто сказал?! – тут же вскинулась она. Уже веселее. – Немедленно покажи мне их!

– Может, утром? – преданно посмотрел он на Сашку.

Улыбка и так была едва заметной, а тут совсем сползла с ее лица.

Мысленно выругавшись, Андрей, исправляя ситуацию, собрался сморозить еще какую-нибудь глупость, но Сашка качнула головой и, махнув рукой, отключилась.

Наверное, чтобы в голове окончательно все сложилось, именно этого ему и не хватало. Не ярости – четкого понимания, что за одну лишь ее слезинку он готов убивать.

Сложив бумаги в папку, Андрей бросил в ящик стола, но закрывать его не торопился. Смотрел слепо, перебирая факты, предположения, домыслы...

Проход во время последнего их разговора сказал, что за Сашкой следит кто-то очень серьезный.

Очень хотелось скинуть все на игры Салтыкова, для которого приبلудная внучка как бельмо в глазу, или Воронцова-старшего, вряд ли отказавшегося от мысли заработать на непризнанной родственнице, но ограничения, наложенные императорскими указами на родовые службы, не позволяли относить уровень их подготовки к серьезным.

Хороший – да. Очень хороший – тоже. Но недотягивая до термина, который использовал Проход.

А еще смущал поисковик... Каждый на учете. И чаще всего в системе.

Тогда он не прошел по цепочке до конца, остановившись на том, что они что-то упускают.

Расплата за это упущение оказалась кровавой.

Ящик стола он закрыл мягко, хоть и хотелось все вокруг крушить. Вытянул из-под рубашки цепочку с висевшим на ней амулетом. Качнулся с пятки на носок и обратно, принимая окончательное решение.

Прохора убивали, потому что он представлял реальную опасность. Именно Прохор, а не стрелковый клуб, чья тревожная группа следовала за Сашкой практически по пятам.

Этот факт делал картинку четкой и ясной. Стрелковый клуб – это князь Трубецкой и Тайная коллегия. Прохор – великий князь Михаил, в чьем ведении находилась внутренняя безопасность империи.

Похоже, бумаги, которые должен доставить Игнат, могли привести значительно выше, чем они думали раньше.

Поймав себя на том, что сделанный вывод не только не испугал, а словно бы открыл второе дыхание, Андрей сжал амулет.

Трубецкой его, конечно, за самоуправство по голове не погладит, но это будет потом.

А пока...

Пока у него в приоритете были жизни Сашки и Игната.

Глава 14

Великий князь Михаил Алексеевич внушал. Как и его царственный брат Владимир. В отличие от Федора и Павла – младших, оба пошли в отца. И не только телом – мощным, крепким, но и характером. Без излишнего самодурства, но как скала. Если уж сказано, то спорить бесполезно. Как говорится, надо было думать раньше.

Но при этом поспешными решениями ни тот ни другой не страдали. Изучали, смотрели с разных сторон, взвешивали.

Простой обыватель императора Владимира едва ли не боготворил. Как минимум, так было до недавнего времени, ознаменовавшегося страшнейшим за всю историю империи терактом.

Подобное отношение распространялось и на остальных членов императорской семьи. Великий князь Михаил исключением не был, если только с некоторым добавлением. Отвечал он за внутреннюю безопасность, так что опасение вызывал. И не столько у обывателя, сколько у родовитых, которым приходилось туго, попадая ему на заметку.

К сожалению, пугало не всех. Будь иначе, не требовались бы Тайной коллегии такие, как Трубецкой. Не просто абсолютно преданные империи и императору, но и готовые, когда необходимо, идти до конца. И необязательно своего.

– Отец?

Чтобы увидеть лежавшую на столе бархатную папку с торчащим из нее уголком гербовой бумаги, Трубецкому не требовалось оборачиваться. И так стояла перед глазами.

«Подателю сего...» Полномочий у него и до этого дня было достаточно, теперь же они становились практически безграничными. Главное – результат, все остальное...

Великий князь был категоричен – вещественные свидетельства, проливающие свет на связь родовитых с воинственной кликой Персии, Турции и Афганистана, должны оказаться в столице не позднее конца недели.

Какой ценой?

В данном случае она не имела значения.

– Отец? – повторил Александр, продолжая, судя по звукам, стоять у открытой двери кабинета.

Как тот стучал, князь слышал. Вот только горло давило спазмом, не давая говорить.

Не от страха давило, от ответственности. И хотя Трубецкой понимал, что кто-то должен, но...

Ответственности он тоже не боялся, просто осознавал, как именно оправдывается подобное доверие.

– Рано ты. – Князь все-таки нашел в себе силы развернуться и посмотреть на сына.

Он бы предпочел не вовлекать близких в решение стоявших перед ним задач, но не всегда получалось именно так, как хотелось.

К тому же Александр – наследник, что накладывало на него определенные обязательства. Да и влез сын в его проблемы по самое не могу. Жалей не жалей, а из песни слов не выкинешь.

– Не до отдыха, – мягко заметил отпрыск, намекая на ситуацию с их подопечной.

На взгляд Трубецкого, ситуаций с подопечной было две. В одной речь шла о безопасности Александры, с некоторых пор воспринимавшейся весьма спорно. В другой – о ее будущем, в котором просто должны были появиться семья и дети.

Не нравились Трубецкому обе. И если во второй вопрос стоял лишь о кандидатуре возможного супруга, что было вполне решаемо, то первая грозила в любой момент выйти из-под контроля.

Это осознавал Хлопонин, это понимал сам Трубецкой, об этой говорил на утренней встрече великий князь Михаил.

Причина всем троице тоже была известна. Игнат Воронин, бывший когда-то Воронцовым, и те самые бумаги, возвращение которых в реальность должно было стать для кого-то приговором.

И если до самого Игната дотянуться не так просто – прикрытие операции продумывали до мелочей, то его дочь Александра вполне могла оказаться тем ключиком, который без труда откроет дверь верности не только самого Игната, но и тех, кого он называл побратимами.

К тому же появился и отягчающий момент, до некоторых пор выглядевший совсем неочевидным – уровень, на котором находился

враг и который они отслеживали по косвенным признакам.

Трубецкой был уверен – против играет кто-то из старых родов, посчитавших, что император своей властью ограничивает их влияние.

Последние события показали, что враг может находиться выше. И это не просто удручало, это заставляло задаваться вопросом: настолько ли жизнь в империи такова, каковой она казалась?

Для всех в России, включая даже тех, кто всегда знал значительно больше остальных, императорский род был монолитом.

– Отвез Катерину? – Заставив себя вернуться в «здесь и сейчас», Трубецкой указал сыну на диван.

Александра, как раздражающий фактор, своих возможностей не исчерпала. И это делало ситуацию еще сложнее. Просто взять и вывести ее из расклада они не могли.

– Да, – закрыв дверь, прошел внутрь Александр.

Прежде чем присесть, бросил взгляд на ту самую лежавшую на столе папку.

Что находилось внутри, увидеть он не мог, но хватало и внешнего антуража. Золотые уголки говорили сами за себя.

– Тебя можно поздравить? – сев, кивнул Александр на стол.

Трубецкой хмыкнул – почти угадал, чертенок.

Гербовых бумаг в папке было две. И в одной тот самый указ о присвоении чина действительного тайного советника, о котором подумал сын.

– Можно, – кивнул он, переставляя кресло от столика ближе к дивану.

– Ты не выглядишь довольным, – опять не ошибся Александр.

– Время для этого не лучшее, – пристраиваясь в кресле, небрежно бросил Трубецкой. Подавшись вперед, оперся одной рукой на колено. – Что у тебя с ней?

Екатерина Ивлева могла стать для сына неплохой партией. Дворянский род старый, уже несколькими поколениями подряд отметившийся на юридическом поприще. Да и со стихиями у барышни все в порядке. Сильный огонь и дружественный ему воздух делали ее завидной невестой.

– Это все, что тебя волнует? – слегка, только пощупать границы дозволенного, огрызнулся Александр.

Откинувшись на спинку, сложил руки на груди, давая понять, что на конструктивный разговор по этой теме отец может не рассчитывать.

Князь спрятал улыбку. Взрослыми детей делал не возраст, а сложившиеся обстоятельства. И те выводы, к которым они приходили, выбираясь из них.

В этом отношении поколению его сына не повезло.

Впрочем, это с какой стороны смотреть. Новой войны, которая заставила бы их стать старше, Трубецкой точно не желал.

– Игорь Валдаев Саше не пара, – выпрямился князь.

– Это ты так считаешь? – криво усмехнулся Александр.

Того, что мелькнуло в его глазах, князь не пропустил. Сомнение. Печаль. Надежда...

Качнув головой, князь посмотрел наверх, давая понять, чье именно мнение высказал.

Александр хмыкнул:

– Глупая затея.

Говорить о том, что частично согласен с мнением сына, князь не стал. Поднявшись, отошел к окну.

С Михаилом Алексеевичем... именно так, по имени-отчеству, когда наедине, о судьбе Александры они говорили. И пусть Трубецкой высказался более витиевато, но по смыслу совпадало. Давить на Александру бесполезно – не только воспитание, но и внутренние силы. Можно сделать только хуже.

Но ведь необязательно действовать прямолинейно! Девушка молодая, опыта общения с противоположным полом никакого. Все – голая теория, которая при должном старании уступит реальным отношениям.

И все, что для этого требовалось...

Трубецкой развернулся, посмотрел на сына, пристально наблюдавшего за ним.

Александр пошел в него, не взяв ничего от матери.

А жаль!

Прабабка Тамары была из рода Багратион, подарив правнучке особую красоту и царственную статью.

Сам же Трубецкой был настоящим русичем. Это не делало его простоватым – сказались сотни лет родовой селекции, но это если не

поставить рядом с супругой, на фоне которой он не терялся только в мундире.

– Чтобы завоевать сердце твоей матери, мне пришлось стать ей нужным.

Когда сын приподнял бровь, мол, продолжай, продолжай, не без горечи усмехнулся.

На словах просто, а на деле...

Это уже потом, после рождения первого ребенка Тамара призналась, что сразу выделила его среди всех ухажеров, в то время как Трубецкой был уверен, что добился внимания красавицы только правильно выстроенной осадой.

– А еще я знал, что свою... именно свою, которая единственная и других не будет, не отдам никому. И добивался этого...

– Ты бы еще сказал, как понять, что это именно она, – неожиданно тяжело вздохнув, вдруг произнес сын. Поднялся, одернул китель. Вытянулся, вставая по стойке «смирно». – Разрешите выполнять?

Князь несколько удрученно качнул головой.

Не заметь он, как сын украдкой смотрит на Александру, разговор бы не состоялся. Но похоже, заговорил об этом зря. То ли сказал не так, то ли...

Звонок магофона не дал закончить мысль. Кивнув Александру на дверь, вернулся к столу. Взял аппарат...

Ничто человеческое ему было не чуждо, так что предательский холодок дурного предчувствия остудил спину.

Дождавшись, когда за сыном закроется дверь, жестом активировал защиту и ответил:

– Трубецкой.

– Ваше...

– Дальше, – оборвал он Марата.

Без особых причин...

О выходных при таких обстоятельствах речь не шла, но просьбу без особых причин не беспокоить Марат исполнял безукоризненно.

– Конвой передал код экстренного изменения маршрута. Идут на четвертую точку.

Задавать глупые вопросы Трубецкой не стал – Марат и хотел бы, но ответить на них вряд ли мог. Во время Персидского конфликта в

секторе, где находилась четвертая точка, стоял полк, в котором служил Игнат Воронин и его побратимы.

Намек судьбы?

Еще бы понять, на что именно.

* * *

Воскресенье прошло как в тумане.

Встала я рано, но Игорь уже не спал. Более того, успел приготовить завтрак, который я хоть и с трудом – кусок в горло не лез, но съела.

Затем он отвез меня в госпиталь. Потом... Потом меня снова отправили домой. Но теперь уже одну. Если, конечно, не считать сопровождавшую меня охрану.

Состояние дядьки Прохора оставалось стабильным, однако выводить его из целительского сна медики не торопились.

Вроде и правильно – целительский сон полезен, но так хотелось убедиться, что все действительно в порядке. Услышать его голос. Посмотреть в глаза.

Увы, спорить с теткой Полиной, которая приехала в госпиталь еще раньше меня, было бесполезно. Отец-командир, которого в нашем доме слушались беспрекословно.

Понедельник начался не лучше. Спала я плохо – не сны, а сплошные кошмары. А когда все-таки уснула нормально, как раз наступило время вставать.

Первую пару я еще продержалась, хоть это и потребовало серьезных усилий. А вот на второй сорвалась. И это было страшно, потому что взять себя в руки у меня не получалось, как бы я ни старалась. Внутри тонко вибрировала натянутая струна, к глазам подступали слезы, заставляя с силой прикусывать губу, чтобы не зарыдать в голос.

И ведь не было причин...

Отец с Ревазом пересекли границу. Об этом Андрей написал еще ночью. Утром пришло второе сообщение – Прохора разбудили. Состояние стабильное.

Нужно было радоваться, а меня колотило. Словно еще ничего не закончилось, а только начиналось.

И я, похоже, не ошиблась.

– А вот этот камушек у нас разберет госпожа Александра Салтыкова, – зайдя с последних парт, остановился рядом со мной Иван Васильевич. Достав из коробки продолговатый камень, положил на стол. – Тест Шермана, будьте любезны.

Начальное целительство нам поставили второй парой в последний момент. Заменили латынь, преподаватель которой, как по секрету поведали студенты другой группы, в выходные праздновал пятидесятилетний юбилей.

Судя по его отсутствию в академии, день рождения прошел на славу.

Впрочем, это было не мое дело. Вот дорасту до таких лет...

Встала я не без труда, успев ухватиться за спинку стула, когда качнуло. Медленно выдохнула. Голова не то что кружилась, но в затылке неприятно долбило.

Иван Васильевич продолжал стоять рядом. И даже чуть наклонился в мою сторону, словно к чему-то принохивался. Мысль о том, что он мог подумать в этот момент, вызвала у меня истерический смехок. Вот только... вместо смеха получился всхлип. Да и слезы...

Прикусив губу так, что чуть не вскрикнула, потерла ладонь о ладонь. Это должно было помочь настроиться. Не помогло. Меня вновь качнуло.

Упасть мне не дали. Иван Васильевич подхватил, помог снова сесть на стул. Убедившись, что сижу нормально, выпрямился, глядя на меня с явным интересом.

От этого взгляда меня передернуло и захлестнуло желанием произнести какую-нибудь колкость, но подбородок задрожал, так что пришлось еще и стиснуть зубы, хоть как-то усмиряя сорвавшиеся с цепи нервы.

Мне бы уйти и забиться куда-нибудь в уголок...

Это надо было делать на перемене, когда имелась такая возможность.

А вот преподаватель молчать не стал. Пройдясь ладонью по тощей седой бородке, сложил руки на груди.

– Удивили вы меня, госпожа Александра Салтыкова. Я, конечно, знал, что вы – особа одаренная, но чтобы так...

– Она у нас хоть куда! – не удержался от сарказма Бабичев. Он, как и остальные, с интересом наблюдал за происходящим. – Откуда только что берется?!

– А вас, господин Виктор Бабичев, я попросил бы заткнуться, – даже не бросив взгляда в сторону Виктора, спокойно произнес Иван Васильевич. – Вот когда начнете демонстрировать хоть какие-то способности, тогда я позволю вам высказываться с места, а пока молчите, смотрите и впитывайте.

Как ни странно, подействовало. И не только на Бабичева. Не скажу, что мне стало спокойнее, но внутренняя дрожь слегка стихла, словно сдаваясь перед спокойствием преподавателя.

Жаль, окончательно не сдалась, и меня кидало то в жар, то в холод.

– Вот интересно, – продолжая исследовать меня внимательным, но мягким, участливым взглядом, произнес Иван Васильевич, – кто-нибудь может сказать, что именно происходит сейчас с госпожой Салтыковой?

– Последствия хорошо проведенных выходных? – опять не удержался от реплики Бабичев.

– Идиот! – высказалась на его счет Аня.

– Полностью с вами согласен, – с хитрой усмешкой поддержал ее Иван Васильевич. – В таком возрасте и не знать симптоматику хорошо проведенных выходных... – Он с намеком качнул головой. – Случай тяжелый, но лечению поддается.

– Паническая атака? – выдал версию кто-то из сидевших за моей спиной. Голос знакомый, но в ушах звенело, так что пробился как сквозь преграду.

– Очень близко, – не без удовлетворения кивнул Иван Васильевич, – но не она.

– Эмпатический статус, – приподнялся Иван.

А меня прямо-таки прошибло. Нет, не облегчением от осознания, что именно со мной происходило, а от понимания, что могло стать его причиной.

– Великолепно! – взмахнув руками, между тем удовлетворенно воскликнул Иван Васильевич. – Эмпатический статус той или иной

степени возникает у целителей-эмпатов, обладающих способностями значительно выше среднего уровня, как реакция на события, происходящие с людьми, которые с ними каким-то образом связаны. Будь дар госпожи Александры Салтыковой менее структурированным, мы бы сейчас наблюдали третью или четвертую стадию, выраженную в тяжелой, купируемой только специалистом истерике, но, – он наметил поклон в мою сторону, – в нашем случае все происходит достаточно интеллигентно. Хотя это и требует со стороны госпожи Салтыковой огромных усилий.

– Но ведь надо что-то делать?! – подскочив, возмущенно выдала Анна.

Мысленно поблагодарив ее за поддержку, заставила себя медленно выдохнуть.

Она права! Надо что-то...

– Извините. – Я резко встала.

Меня вновь качнуло, но это уже не имело значения. Внутренняя дрожь ушла сразу, и, хотя тело ощущалось влажным, слабости, которую чувствовала еще мгновение назад, уже не было.

– Вы можете идти, Александра, – с печалью произнес Иван Васильевич и отступил, освобождая проход.

Я кивнула. Схватила сумку, бросила туда учебник, посмотрела на Анну, на Ивана...

Мысль о том, что прощаюсь, была странной. Но она была. И я не могла этого изменить.

Вышла я из кабинета спокойной. И хотя спокойствие это воспринималось мною ледяным, отстраненным, как если бы сама находилась с одной стороны, а оно – с другой, это состояние меня устраивало больше, чем выкручивавший раздрай.

А еще я понимала, что все действительно только начиналось, но уже могла действовать. Пусть пока и не знала как.

Первое, что сделала, когда закрыла за собой дверь кабинета, достала телефон и набрала номер Андрея.

Тот ответил сразу. И это мне совсем не понравилось.

– Что с отцом? – жестко спросила я, не дав ему произнести ни слова.

Иван Васильевич правильно сказал: реакция на события, происходящие со связанными с эмпатом людьми.

Перед тем как напали на Прохора, меня корежило. Теперь...

– Я еду, – практически оставив без надежды, глухо отозвался Андрей. – Из академии не выходи. Я скоро...

Отключившись, прислонилась лбом к стене. Закрывает глаза.

Отец жив...

К сожалению, я не была в этом уверена.

Мне пришлось вновь себя заставлять, чтобы отлепиться от стены. И дойти по коридору до лестницы. И спуститься вниз. И одеться, забрав пальто из гардероба.

О том, что Андрей просил не выходить из академии, я вспомнила уже на улице. Добредя до ближайшей скамейки, села.

Погода опять испортилась, напомнив, что осень коварна своим непостоянством.

Пока обходилось без дождя, но воздух был стылый. Да и ветер лупил, буквально сбивая своей яростью.

Но все это было не важно. Главное...

Дернувшийся в руке телефон вырвал меня из легкого ступора.

– Андрей? – ответила я раньше, чем увидела имя на экране.

– Иди на стоянку. Подъезжаю.

Я вскочила. Бросив телефон в карман, схватила сумку.

По дорожке, ведущей к стоянке, не бежала, но шла быстро, насколько позволял ветер. Он бил в лицо, вынуждая жмуриться. Дергал полы пальто, пытаясь пробраться внутрь.

Чувства, ощущения, осознание себя... все разделилось. Колени и ладони подмерзли, но словно не у меня. Внутри вновь дергало тревогой, но это опять была не я. Я просто неслась вперед. Туда, где надеялась получить ответы на свои вопросы.

На стоянку вышла, когда машина Андрея как раз тормозила у минивэна охраны. Кивнула дождавшемуся меня Владимиру. Перехватив сумку другой рукой, прошла вперед, чтобы он оказался за моей спиной.

Водительская дверь джипа крестного открылась. Нога опустилась на асфальт...

Я собралась сделать шаг навстречу...

Все началось именно в этот момент.

– Сашка! Уходи! – заорал вдруг Андрей.

Их уроки не забылись. Главное, уйти из зоны поражения, позволив остальным сделать свою работу.

Я дернулась...

Владимир оказался быстрее. Оттолкнув меня за стоявший поблизости джип, сбросил с плеча автомат...

А вот с этим он опоздал. Звука выстрела я не услышала, лишь заметила, как сломанной куклой его швырнуло под колеса. А вот Сергей завалился набок уже под смачное клацанье трещотки. Док кувыркнулся через плечо, тут же встав на колено и...

– Уходи! Ухо...

Крик крестного забили очереди.

Я, машинально отбросив сумку, рванула в сторону улицы. Там люди... Там...

Вот только перед глазами стояла застывшая на миг картинка. Шестеро бойцов в черном камуфляже и Андрей...

Падающий на землю Андрей.

* * *

До квартиры, которую Андрей приготовил на тот случай, если вдруг придется скрываться, я добралась уже почти в темноте. До этого ездила по городу, используя общественный транспорт, чтобы затеряться.

От сумки избавилась еще на стоянке. Телефон выбросила в первую попавшуюся урну. Но деньги у меня имелись. Немного наличных, которых вполне должно было хватить, если вдруг что-то сложится не так.

Несколько раз видела дежурные машины стрелкового клуба. О причине догадалась не сразу – в голове творился такой сумбур, что только выть, но, сообразив, отключила встроенный в жетон маяк. Это тоже была рекомендация Андрея. Уж если дело дошло до убежища, то доверять можно было только самым-самым.

Проблема заключалась в том, что эти самые-самые, возможно, были уже мертвы. От этого меня корежило, и одновременно это заставляло идти вперед.

Для чего?

Наверное, для того чтобы быть сильнее! Стать такой же, как они!

Квартира находилась в одном из спальных районов. Не самая последняя застройка – деревья вокруг успели серьезно подрасти, но архитектура вполне современная. Несколько высотных домов, стоявших наискосок к окружавшей их дороге, составляли что-то вроде закрытого микрорайона. Внутри детский сад, школа, магазины, парковая зона. И даже небольшой торговый центр.

И несколько остановок с разных сторон. Включая станцию метро.

Все это я узнала заранее, надеясь, что знания останутся не востребуемыми.

Увы, ошиблась.

Поднявшись на третий этаж – время было довольно позднее, так что подъезд словно вымер, нашла нужный номер. Приложив жетон к электронному замку, дождалась, когда с едва слышным щелчком откроется дверь.

Этот день был не просто долгим, он был эмоционально тяжелым. Но я не только держалась – чувствовала, что готова действовать и дальше.

Эмпатический статус, если не скатился в неконтролируемую стадию, имел несколько этапов развития. Первый я пережила, еще находясь в академии. Тогда же благодаря преподавателю, ставшему чем-то вроде якоря, перешла на второй, когда организм мобилизовался, отвечая на вызов.

Сколько он продлится...

Отец рассказывал, что видел эмпатов, продолжавших оставаться в подобном состоянии пару-тройку недель. И это без дальнейшего эмоционального выгорания и откатов.

Мне бы хватило и нескольких дней. Только хоть немного разобраться с происходящим.

Квартира, в которую вошла, подспудно ожидая чего угодно, включая нападение, оказалась двухкомнатной. Кое-как обставленная, она буквально пропиталась нежилым духом, вызывая своей неуютностью ощущение брезгливости.

В ней я надолго не задержалась. Лишь прошлась по комнатам да посмотрела в окна, определяя, куда именно они выходили.

Во вторую, которая и была настоящим убежищем, попала через скрытую дверь в гардеробной. Если бы не жетон, вряд ли бы нашла.

Визуально та была совершенно незаметной.

В этой тоже было две комнаты. Одна из них соединена с кухонным модулем. Ванная, туалет. Вместо балкона – лоджия, на которой глаз сразу зацепился за систему эвакуации.

Обставлено все со вкусом, с молодежным налетом. Пространство свободное, без лишней мебели, но все необходимое для жизни девушки здесь имелось. Даже наполненный продуктами холодильник.

Во встроенном шкафу одежда на все случаи жизни. Не столь дорогая, как та, в которой была я, но вполне подходящая дочери достаточно обеспеченных родителей.

Документы нашлись в спальне, на прикроватной тумбочке. Документы, магфон и деньги: солидная пачка наличных и две банковские карточки.

Присев на край постели, просмотрела добычу. Пока могла связно мыслить...

Когда добиралась сюда, думала, сопоставляла, вспоминала, пытаюсь собрать более-менее логичную картинку из выглядевших разрозненными событий.

Не скажу, что получалось хорошо, но одно я поняла точно: рассчитывать мне особо не на кого. Не потому, что нет тех, кому доверять, просто...

Все было совсем непросто. Иначе бы не вышло так, как вышло.

Сообразив, что еще немного и от моего самообладания ничего не останется, открыла первый из лежавших в стопке документов.

С фотографии во взрослом паспорте на меня смотрела я сама. Правда, фамилия была другой. Да и возраст тоже. Васильева Александра Андреевна. Девятнадцать лет.

Вторым шло свидетельство о среднем специальном образовании. Если верить ему, то в этом году я окончила медицинский колледж по специальности медицинская сестра, параллельно, имея дар ниже среднего, получив навыки помощника целителя.

Едва ли не оптимальный вариант. При необходимости я могла устроиться в любую больницу, где среднего медицинского персонала всегда не хватало. Да и с даром хорошо. Если вдруг проколюсь, есть чем объяснить.

Потом пересчитала деньги. Крупные купюры отложила в одну кучку, мелкие в другую.

Андрей на мне не экономил. На пару лет вольготной жизни вполне хватало. А ведь были еще карточки...

Воспоминания об отце, Ревазе, дядьке Прохоре, Андрее не резали по живому. Они словно заставляли вновь и вновь мобилизоваться, собирая какую-то незнакомую мне Александру.

Возможно, так было даже лучше. Я не считала себя слабачкой, что доказала, работая на месте теракта, но та вчерашняя Сашка события сегодняшнего дня вряд ли бы выдержала.

Прежде чем взять в руки магофон, приняла душ и переделалась во все новое. Словно это могло помочь принять образ, с которым предстоит жить. Потом налила чай и, прихватив вместе с кружкой пачку печенья, вернулась в спальню. Поставив все на прикроватную тумбочку, включила телевизор – скоро должна была начаться новостная программа на основном канале, забралась на кровать. Приподняв подушки, устроилась удобнее.

Память словно только этого и ждала, буквально впечатав в мгновения, так резко изменившие мою жизнь.

Шестеро бойцов в черном камуфляже, возникшие словно ниоткуда. Смачные звуки выстрелов. Падающие на землю Владимир, Сергей, Док, Андрей...

В прикрывающей меня группе было пятеро.

Что стало еще с двоими, я не видела, но вряд ли что-то хорошее. Все пятеро – в бронеках, у всех амулеты защиты, которые без труда выдерживали и очередь из автомата.

Они падали после первых же выстрелов.

Так не могло быть, но... было!

Понимая, что тянуть дальше – делать себе больнее, просмотрела контакты, заранее вбитые Андреем в магофон. Их было всего три. Дядьки Прохора, самого Андрея и князя Трубецкого, что с учетом опекуна выглядело более чем ожидаемо.

Вот только первые двое были недоступны.

Мне оставалось верить, что не навсегда.

До новостной программы оставалось еще минут тридцать – шла очередная мыльная опера, когда я нажала на вызов, гадая, ответит князь или нет. В отличие от телефонов номера магофонов при звонке не определялись, а незнакомые при определенных настройках еще и блокировались.

Я надеялась, что это не мой вариант.

Мне повезло. Соединение прошло уже после четвертого гудка:

– Слушаю, – холодно произнес князь.

– Трофим Иванович... – осторожно начала я, рассчитывая на любую реакцию.

Вот только повисшей паузы я не ожидала.

К счастью, продолжалась она недолго.

– Саша? – словно не веря, осторожно спросил он.

– Я, Трофим Иванович.

Включила видеорежим. Он ответил тем же, позволив увидеть не только часть кабинета, в котором находился, но и следы усталости на своем лице.

– У тебя все в порядке? – уточнил он, с напряжением разглядывая меня. Взгляд метался по моему телу, постепенно теряя тревожность.

– Да, – попыталась я улыбнуться, с трудом представляя, что пережил он за эти несколько часов. – Я в безопасности. Что с отцом?

Взгляд Трубецкого резко остановился, ушел вниз...

У меня внутри все оборвалось. Я боялась худшего.

– Конвой передал тревожный код. Больше на связь они не выходили. Поисковики пробиться пока не могут, в зоне сильный магический шторм.

Самообладание дало сбой, но то, что помогало держаться, оказалось сильнее. Сердце только раз дернулось, чтобы тут же вновь забиться ровно.

Все происходящее было только началом.

Мне же предстояло дойти до самого конца.

– А Андрей? – твердо посмотрела я на князя.

Тот медленно, натужно выдохнул сквозь стиснутые зубы.

– Состояние крайне тяжелое, – наконец произнес он. – Целители делают все возможное...

– А остальные? – не дала я ему закончить.

Про «все возможное и невозможное» знала не хуже его.

– Можно сказать, что отделались легким испугом, – не то скривился, не то грустно улыбнулся он. – Сломанные ребра, гематомы, контузии. Там был специальный боезапас. Вывести из строя, но не убить.

– Тогда все складывается, – нахмурившись, кивнула я.

– Саша? – На этот раз в его голосе слышалось удивление.

– Трофим Иванович, – грустно вздохнула я, – охотились не на меня, а на дядьку Прохора и Андрея. Крестный не раз говорил, что заставить их потерять осторожность может только моя безопасность. Но вы ведь и сами это уже поняли.

Комментировать мои слова Трубецкой не торопился. Просто смотрел, смотрел, смотрел...

– Я услышал, – наконец произнес он. – Теперь что касается тебя...

– Извините, перезвоню, – увидев на экране телевизора идущую красным строку, сбросила я вызов.

Внутри опять стало холодно. Подхватив валявшийся рядом пульт, сделала звук громче.

Сначала пошла заставка экстренного выпуска, затем...

Появившиеся кадры были страшными. На фоне рвущегося к небу огня и под аккомпанемент завывания сирен развалины дома. Одного. Второго. Третьего... Затем ракурс изменился, дав возможность увидеть разрушенную до основания улицу. А потом камера поднялась еще выше, уже окончательно выбив воздух из моих легких.

По сообщению новостного канала, несколько часов назад в юго-восточных предгорьях Большого Кавказа произошло землетрясение магнитудой восемь и две десятых балла. Город Шемаха с населением около пятидесяти тысяч человек разрушен полностью. К месту чрезвычайной ситуации уже выдвинулись подразделения МЧС и военные. Формировались бригады добровольцев, в том числе и целителей.

Когда сообщение пошло повторно, я, опустив ноги на пол, встала с кровати. Подойдя к окну, уперлась лбом в прохладное стекло.

Про город Шемаха мне рассказывали. И отец, и Андрей, и Реваз. Именно в тех местах стоял их полк во время Персидского конфликта.

И именно где-то там были спрятаны бумаги, за которыми они отправились.

В том, что делать дальше, я не сомневалась. Единственным вопросом было: как? Но и на него нашелся ответ. У меня были друзья, и я искренне рассчитывала, что они помогут.

Номер Игоря я помнила наизусть и набрала не сомневаясь. Если у него будет возможность...

– Ну и кому я понадобился за пять минут до отбоя? – ворчливо ответил он, дотянув с ответом до восьмого гудка.

– Мне, – невольно улыбнувшись, чуть слышно произнесла я.

– Сашка?! – неверяще выдохнул он. – Так, стоп... сейчас.

Видеорежим я не включила, но, судя по дыханию и доносившимся звукам, Игорь куда-то торопливо шел.

– Ты где? – наконец с тревогой в голосе произнес он.

– В безопасности, – заверила я его. – Но...

– Что нужно сделать? – тут же перебил меня Игорь, правильно сообразив, что могло следовать за этим «но».

– Про Шемаху слышал? – Я, оглянувшись, посмотрела на экран телевизора.

Экстренный выпуск закончился, но новостная программа еще не началась. Продолжался сериал.

– Да, – тяжело вздохнул он. – Наши бурлят. Рвутся в добровольцы.

– А ты? – осторожно уточнила я.

– Что – я? – переспросил Игорь. И я будто наяву увидела, как на его лбу пролегла задумчивая складочка.

– Игорь... – Лишь теперь я включила видеорежим.

У него он был включен, так что картинка появилась сразу.

Игорь стоял в коридоре у окна, прислонившись плечом к стене. Был в форменной футболке, плотно облегавшей торс, и затянутых на поясе ремнем штанах.

При других обстоятельствах я оценила бы представленную фактуру. При этих лишь еще раз отметила, что парень... мой парень в хорошей физической форме.

– Это плохая идея, – окинув меня быстрым, но глубоким, чисто целительским взглядом, как-то... потерянно улыбнулся он.

– Там мой отец, – не твердо и категорично, а спокойно, словно от этого не зависели чьи-то жизни, ответила я. – С твоей помощью или без...

– Я тебя понял, – преувеличенно тяжело вздохнув, кивнул он. – Как мне с тобой...

– Я позвоню сама, – перебила я его, не собираясь сообщать номер магофона. – Во сколько?

Он подумал, даже пошевелил губами, что-то считая. Потом отмахнулся от кого-то...

– Давай ровно в восемь.

Я удивленно приподняла бровь. За ночь решить такой вопрос?!

Впрочем, если он уверен, что успеет, кто я такая, чтобы в нем сомневаться?

Ночь прошла странно: я спала и не спала. Просыпаясь, лежала, смотря с потолок. Незнакомое место, незнакомая постель. И куча проблем...

Это должно было скинуть меня в истерику, но чувства притупились. Остался лишь разум, который просчитывал варианты, оценивая их с разных сторон.

Идея отправиться в Шемаху была не самой умной – дядька Прохор и Андрей сделали все, чтобы меня защитить, но теперь я понимала ценность бумаг, которые должен был привезти отец. И не просто понимала – четко, до конца осознавала, что если их не добыть, то эти твари, ни во что не ставящие чужие жизни, так и останутся безнаказанными.

Оставался только один вопрос: смогу ли их найти?

Ответ был однозначный: вряд ли. Да, я имела представление об этом месте, но знала недостаточно, чтобы не ошибиться.

Но я могла разыскать отца и Реваза! Если они, конечно...

Несмотря на творившийся в последние сутки эмоциональный сумбур, их смерти я не чувствовала.

Под эти мысли я опять проваливалась в забытие, в котором вновь и вновь видела разрушенный город.

И не только его. Была в этих сновидениях дорога, вдоль которой тянули к небу ветви пирамидальные тополя. А еще летящая над долиной огромная птица и бурый медведь, выходящий из леса на горном склоне к протекающей среди камней бурной речушке.

Потом на всю эту идиллию напал темный, почти черный туман. В небо вздымались клубящиеся воронки, и я снова просыпалась, чтобы засомневаться в собственном решении.

Окончательно проснулась я около шести. Привела себя в порядок. Позавтракала найденными в холодильнике полуфабрикатами. Потом перебрала одежду, откладывая то, что может пригодиться. К восьми была готова. И сама, и дорожный рюкзак.

Игорь ответил сразу, после первого же гудка.

Вот только... это был не Игорь. А злой и заведенный тезка. И был он не один. Вся троица стояла плечом к плечу.

– Ты хотя бы моему отцу позвонила, пока он инфаркт не словил, – вместо приветствия жестко произнес он.

Признав, что Сашка прав, покаянно кивнула.

Тот смягчился, но немного:

– Андрей Аркадьевич тяжелый. Динамика положительная.

На этот раз отблагодарила улыбкой. За ночь эмоции улеглись, так что своих я пусть и слабо, но ощущала. Андрея и дядьку Прохора – лучше, те были рядом. А вот отца с Ревазом...

Это трудно назвать ощущениями. Скорее уж просто констатация факта, что живы. А вот где и что...

Я была уверена, что главное – оказаться к ним как можно ближе. Со всем остальным я справлюсь.

– Теперь по поводу Шемахи, – перешел он к основному. – Документы есть?

– Да. Взрослый паспорт плюс диплом медицинской сестры и квалификационное свидетельство помощника целителя.

– То, что надо, – переглянувшись с Игорем, задумчиво протянул Сашка. – Сейчас же сфотографируешь и пришлешь. Один из наших полковых лекарей мой должник, пойдешь к нему вольнонаемной. Вылет в шестнадцать ноль-ноль с аэродрома Чкаловский.

Спросить, как я туда попаду, не успела.

– Из какого района тебя забрать? – опередил меня Сашка.

Вот ведь...

В папеньку он пошел. Точно в папеньку.

Вздыхнув, назвала станцию метро, находившуюся неподалеку от дома.

Тот шевельнул губами, похоже, выругался, но кивнул. Тут же потребовал:

– Номер скинь Игорю. Мало ли...

Я и сама понимала, что так будет лучше, но...

– Да не сдам я тебя отцу! – рыкнул Сашка. – Я, конечно, за это потом огребу по полной, но тебе сейчас действительно стоит оказаться как можно дальше от Москвы.

– Я чего-то еще...

– Все, вопрос закрыт, – перебил меня тезка, так и не дав уточнить, чего я еще не знала. – Сбрасывай фото документов и номер магофона. И позвони отцу. А то...

Бросив на меня последний, многообещающий взгляд, Сашка отключился.

Я попыталась разобраться, что чувствую. Тревогу? Да, определенно. Но надежды все-таки было больше.

Князю Трубецкому я позвонила сразу, как только отправила на телефон Игоря фото документов. Ну и получила по первое число. И от него, и от Тамары Львовны, как раз оказавшейся поблизости.

Но я приняла нотации спокойно. Они были правы: идя вперед, не стоит забывать о том, что оставляешь. Тем более когда речь о людях, которым ты не безразличен.

Убедив обоих, что у меня все хорошо и убежище более чем надежное, попросила успокоить профессора и Людмилу Викторовну. Это вчера меня несло, словно жгло пятки, сегодня я могла рассуждать более осмысленно и прекрасно понимала, сколько волнений доставила приютившей меня семье.

А то, что это не моя вина, вряд ли им от этого было легче.

Трубецкой-младший позвонил в двенадцать. Назвал марку, цвет и номер машины и сказал, что через двадцать минут меня будут ждать на парковке у станции метро.

Уточнить, кто именно, я не успела. Он опять отключился, не считая нужным давать информации больше, чем необходимый минимум.

Что ж, хотела я или нет, но правила игры приняла. Это не ему требовалась помощь, а мне.

На то, чтобы окончательно собраться, ушло минут пять. Проверить документы, деньги – большую их часть я оставляла. Еще раз мысленно пройтись по вещам, которые уложила в рюкзак. Лишнего там точно не было. Одежду, чтобы отправиться в это путешествие, я выбрала неброскую. Удобные джинсы черного цвета, серый свитер. Тоже серая куртка и ботинки на высокой шнуровке. Черная шапочка.

Погода не радовала, опять отметившись и низко нависшими тучами, и ветром, так что мой внешний вид на фоне этой вакханалии не должен был привлекать внимание.

На месте я была точно в назначенное время. Машина уже ждала.

Подходить сразу я не стала, присмотрелась. Стекла тонированные, но, когда уже начала сомневаться, идти или нет, переднее водительское опустилось, позволяя мне увидеть Тохин профиль.

Могли бы предупредить...

Ворчать точно не стоило. Если посмотреть со стороны, то и сама вела себя словно никому не доверяя.

Он тоже заметил меня. Кивнул: мол, садись назад. Что я и сделала, дойдя до машины решительным шагом.

– Ну и устроила ты! – не столько с укоризной, сколько с восторгом заметил Антон, когда я, сдвинув лежавшую там сумку, уместилась на заднем сиденье.

– Это со мной чуть не устроили, – укладывая рюкзак на коленях, огрызнулась я. – Знаешь ли, ощущения не из приятных.

– Извини, – посмотрев на меня в зеркало заднего вида, на полном серьезе повинился он. – Открой сумку.

Как и просил, сдвинула бегунок молнии.

– Там удостоверение вольнонаемного и командировочное, – вывел он машину на дорогу, тут же перестроившись в средний ряд.

– Круто! – взяла я в руки лежавшие сверху документы. Открыла.

Фото в удостоверении было моим, но не то, что в паспорте, а со студенческого билета. Смущала и дата выдачи. Если верить ей, то я уже две недели как числилась помощником полкового лекаря имени его императорского величества общевоинского училища.

– Князь знает? – встретила я с Тохой взглядом.

– Нет, – довольно жестко отрезал Антон, словно напомнив, что он не только мой друг, но и будущий наследник княжеского рода. – И давай ты не будешь задавать глупые вопросы, чтобы не получать глупых ответов.

– Хорошо, – примиряюще подняла я руки. – Как хоть зовут моего лекаря?

– Сергей Сергеевич Устинов, – слегка смягчил он тон. – Целитель очень сильный, но в отношении барышень слаб. Мы его, конечно, предупредили, но ты и сама...

– Справлюсь, – хмыкнув, заверила я его.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся он, уходя на виадук. – Да и мы, если что, прикроем.

– Не поняла? – сдвинулась я, чтобы оказаться между передними сиденьями. – Это ты о чем?

– Саш... – хохотнул он, бросив на меня взгляд. На этот раз ироничный. – Не думала же ты, что мы отпустим тебя одну?

Признаться честно, думала.

Но почему-то знала, что меня они не оставят.

Самолет был огромным. И снаружи, и внутри. А еще он был агрессивно-приземистым, словно готовившийся к прыжку хищник.

Массивное тело, широко распахнутые крылья, под каждым из которых висело по два внушающих уважение двигателя.

И таких, как этот, на полосе стояло с десятков.

Армия и МЧС всегда первыми приходили на помощь тем, кому она требовалась.

Этот факт в империи никогда и никем не оспаривался.

– Боишься? – тихо спросил сидевший рядом со мной Игорь, когда за последними из поднимающихся курсантов начала подниматься рампа.

– Не знаю, – чуть слышно отозвалась я.

От остальных добровольцев, плотно сбившихся на расположенных вдоль бортов сиденьях, я отличалась мало. Тот же камуфляж, тот же пятнистый рюкзак под ногами, в который переложила свои вещи.

И даже тот факт, что – барышня, меня не выделял. В медицинской команде, к которой я теперь была приписана, девушек хватало. Но это и неудивительно. Медицинских сестер всегда было значительно больше, чем медбратьев.

– Я не про летать, – уточнил он, движением подбородка показав на мои ладони, которые я зажала между колен.

Все, что мне оставалось, только вздохнуть и грустно улыбнуться.

Боялась ли я?

Да, боялась. До этого момента за меня отвечали. Отец. Реваз. Дядька Прохор. Андрей. Профессор и его жена. Князь Трубецкой. Теперь все зависело только от меня. И не только собственная жизнь, но и...

Мысль о судьбе империи, находившейся сейчас в моих руках, была высокопарной, однако доля истины в ней имелаась.

Если я не отыщу отца и Реваза...
Если они не доберутся до бумаг...
И – нет, я не боялась.
Без страха, конечно, никуда, но...
Я улыбнулась Игорю уже спокойнее.
У меня есть друзья. Как гарантия того, что – справлюсь.

Омск, 2022